

ВСЕТИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ЮЛИЯ АНДРЕЕВА

МЕТРЕССА ФАВОРИТА

Всемирная история в романах

Юлия Андреева

Метресса фаворита (сборник)

«ВЕЧЕ»

2018

Андреева Ю. И.

Метресса фаворита (сборник) / Ю. И. Андреева — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7632-7

«Метресса фаворита» – роман о расследовании убийства Настасьи Шумской, возлюбленной Алексея Андреевича Аракчеева. Душой и телом этот царедворец был предан государю и отчизне. Усердный, трудолюбивый и некорыстный, он считал это в порядке вещей и требовал того же от других, за что и был нелюбим. Одна лишь роковая страсть владела этим железным человеком – любовь к женщине, являющейся его полной противоположностью. Всего лишь простительная слабость, но и ту отняли у него... В издание также вошёл роман «Плеть государева», где тоже разворачивается детективная история. Тайно похищен наследник престола Пётр II Алексеевич! Расследование ведёт граф Андрей Иванович Ушаков, и тут выясняется, что представителей династии Романовых тайно похищают уже не в первый раз, причём в прошлый раз такое похищение отразилось на судьбе России весьма заметно.

ISBN 978-5-4484-7632-7

© Андреева Ю. И., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Об авторе	6
Метресса фаворита	8
Глава 1. Принимая дела	8
Глава 2. Аракчеев и его присные	13
Глава 3. Грузино	18
Глава 4. Следствие началось	25
Глава 5. Аракчеев	33
Глава 6. Первый допрос	37
Глава 7. Тайный визит	44
Глава 8. Расследование. День второй	47
Глава 9. Новый визит Минкиной	55
Глава 10. Аракчеев у себя дома	60
Глава 11. Похороны Минкиной	63
Глава 12. Догадка	70
Глава 13. Дарья	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юлия Андреева

Метресса фаворита (сборник)

© Андреева Ю. И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Знак информационной продукции 12+

Об авторе

Андреева Юлия Игоревна родилась в Ленинграде в 1969 году. Печататься начала с 1993 года.

В настоящее время член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор 47 книг, из которых большую часть составляют исторические романы, биографическая литература, а также книги нон-фикшн.

Кроме того, к настоящему времени Ю. И. Андреева издала более сорока сборников стихов и прозы, выступая как автор и как составитель. Регулярно публикуется в средствах массовой информации, есть заграничные публикации (Австралия, США, Эстония, Украина, Германия).

Жизнь Юлии Андреевой тесно связана с ее произведениями. С семнадцати лет она служила в театре. Будучи прекрасным импровизатором, создавала моноспектакли и литературно-музыкальные композиции, с которыми выступала на различных площадках страны и

зарубежья. Неудивительно, что из-под ее пера вышла книга «Айседора Дункан. Жрица любви и танца». Танцевала с творческим коллективом в Японии, две поездки на три и шесть месяцев – и появилась книга «Изнанка веера, или Приключения авантюристки в Японии» – документальный роман. А также остросюжетный роман «Трансмиссия», действие которого тоже происходит в Стране восходящего солнца, повесть «Прикосновение» и тетралогия «Геймер».

Любимый исторический период Юлии Андреевой – XII век, Лангедок (юг Франции – Тулузское графство). Об этом периоде автором написаны книги «Рыцарь Грааля», «Последний рыцарь Тулузы», «Тюремная песнь королевы».

Роман «Фридрих Барбаросса» – тоже XII век, только теперь уже место действия – Германия и Италия. А роман «Святы и прокляты» повествует о внуке Фридриха I Барбароссы, Фридрихе II, и детском крестовом походе.

Посещение Египта, а именно монастыря Святой Екатерины, там, где с незапамятных времен находится неопалимая купина и возвышаются горы Синай (библейская Хорив), и поездка в Израиль, с его Мертвым морем, змеиной тропой к крепости Масада, навели на мысль писать об этих библейских местах и об Ироде Великом. На ее счастье, как раз в то время в Израиле начались интенсивные раскопки, поэтому очень многие детали в описании дворцов Ирода писательница брала непосредственно из отчетов археологов.

В настоящий момент Юлия работает над биографией Людвиг ван Бетховена.

Избранная библиография Ю. И. Андреевой:

- «Рыцарь Грааля» (2006)
- «Последний рыцарь Тулузы» (2006)
- «Двойник Жанны д, Арк» (2006)
- «Король Лебедь» (2006)
- «Ирод Великий» (2011)
- «Свита мертвой королевы» (2013)
- «Тюремная песнь королевы» (2013)
- «Карл Брюллов» (2013)
- «Палач сын палача» (2014)
- «Святы и прокляты» (2014)

Аракчеев однажды сказал Ермолову: много ляжет на меня незаслуженных проклятий.

Из воспоминаний Д. Давыдова

Молюсь об Аракчееве. Он явился раб Божий со Святою Церковью и веру, яко Георгий Победоносец.

Из письма архимандрита Фотия

Метресса фаворита

Глава 1. Принимаю дела

*Кто не был в Грузии, на Волховских берегах,
Едва ли тот видал хозяйство в совершенстве,
Хозяйство русское, на деле, не в словах.
Крестьянам нужды нет мечтать там о
равенстве;
Имея добро в руках, не ищут уж добра.
В поместье Грузинском приволье – дар природы,
Искусством обновясь, оно во всем щедро;
Обильны пажити, поля, обширны воды.
Воздвигнув на холме великолепный храм
Во славу Божию, в свидетельства векам,
Как благодарным быть – и к тени, нам любезной,
Как подвиг в гробе чтить, отечеству полезный¹.
В приютах садовых зрят памятники в честь
Надежду дружеству, любви сыновней нежной,
Для любомудрия там пищи много есть
И все приятности для жизни безмятежной.
Устройство Грузина поместьям образец.
Должно б то ж всюду быть, помещиц где отец.*

А. Ф. Малиновский². Стихи, при удалении от Грузина. 17 сентября 1818 г.

В том, что лучший в Новгородской губернии следователь Александр Иванович Псковитинов³ не удовлетворится обычной в таких делах отповедью дворецкого де «дома нет», «болен», «не приказано принимать-с», было понятно с самого начала. Тем не менее хозяин дома буквально до последнего не мог решиться выйти к незваному гостю. Впрочем, с каких это пор следует звать человека, принимающего дела? Это он, Корытников Петр Петрович, был обязан передать заступившему на его место другу детства и крестному отцу своей дочери все текущие дела, снабдив его при этом ценными наставлениями и полезными советами. То, что Александр Иванович, не застав его на службе, был вынужден ехать в имение, дабы потолковать по срочной служебной надобности, было исключительно доброй волей самого Псковитинова. А такими вещами не принято пренебрегать. Тем не менее Петр Петрович никак не мог заставить себя на что-нибудь решиться. Наконец, когда дверной колокольчик «задохнулся собственным криком», и двери отворил старый дворецкий Гаврила, навстречу гостю легкой птичкой выпорхнула дочь Корытникова, Машенька, оттолкнув пытавшегося не пустить Александра Ивановича дворецкого, она весело приветствовала крестного, звонко чмокнув его в щеку.

– Проходите, отец в кабинете.

¹ Имеется в виду памятник офицерам гренадерского графа Аракчеева полка, погибшим в сражениях 1812–1814 гг.

² Малиновский Алексей Федорович (1762–1840) – историк, археограф, в 1814–1840 гг. управляющий московским архивом Коллегии иностранных дел, сенатор (с 1819 г.). Регулярно пополнял библиотеку Аракчеева редкими рукописями и книгами.

³ Псковитинов Александр Иванович – классн. чин. (с 1784 г.) (Стенапов В. П. Русское служ. дворянство 2-й пол. XVIII в. СПб., 2000).

– Но Гаврила сказал, будто бы нет дома? – снимая картуз и передавая его дворецкому, обидчиво заметил Псковитинов.

– Гаврила что-то напутал, правда, папенька?

На лестнице появился сам глава семьи – Петр Петрович Корытников, невысокий, худощавый господин с темными, коротко подстриженными волосами. Несмотря на летнее время, на Петре Петровиче была дорогая байковая куртка и шелковый галстук. На носу посверкивали аккуратные кругленькие очки.

– Ну вот, жив-здоров. А мне бог весть что наплели. Я уже, право, не знал, то ли доктора к тебе везти, то ли батюшку.

Корытников многозначительно приложил палец к губам, приглашая гостя пройти за ним в кабинет. Остановленный на полуслове, заинтригованный Александр Иванович проследовал за приятелем, успев, однако, заметить, с каким немым укором провожает барина его верный Гаврила. Забавно, выходило, что Корытников действительно приказал не принимать старого друга? За что такая немилость?

– Я две недели отсутствовал по делу беглых помещика Владимирова, воротился, а тебя как ветром сдуло, – устраиваясь в любимом кресле, продолжил Псковитинов, когда Петр Петрович затворил дверь и можно было продолжать без страха быть подслушанными. – Что, скажи на милость, приключилось? Тебя, прости за фамильярность, погнали, или действительно по состоянию здоровья? Впрочем, вид у тебя цветущий. Рассказывай, поспорил с кем-то?

– Ушел сам и обратно пока не собираюсь. – Петр Петрович занял место за дубовым рабочим столом, сложив пальцы домиком. Знак, принятый между собой в Уголовной палате, означал «повременить с новой информацией». Впрочем, подслушивать в кабинете Корытникова было невозможно, так что, скорее всего, Петр Петрович просто собирался с мыслями.

Александр Иванович отвернулся от приятеля, делая вид, будто бы разглядывает знакомое ему с детства убранство кабинета, перешедшее к Петру Петровичу от его отца, тоже следователя: шкафы с книгами, каждый из которых был увенчан бронзовым бюстом знаменитого философа. Над небольшим изящным камином красовалось широкое зеркало, которое, однако, не отражало ни стола, ни сидящих за ним посетителей Корытникова. Неудобно, когда гость только и знает, что пялится на свое распрекрасное изображение. Полы во всех комнатах были обиты красноватым сукном и устланы коврами, протертыми по середине и около кресел, но неизменно чистыми.

– Отобедаешь? – Корытников подошел к окну и для чего-то поправил идеально висящую штору.

– Как прикажешь, впрочем, врать не стану, с утра не ел. Ночь в дороге, домой даже не заходил, чаю не выпил. Слугу своего Селифана отпустил, а сам в Уголовную палату, а там такие дела... В общем, рванул в архив, толку – нуль без палочки. Сел в свою же коляску и напрямик к тебе, не отдыхали. Ермошка-подлец уж как уговаривал хоть в трактир к жиду заехать, как жалостливо о лошадях не кормленных, не поенных, уставших соловьем разливался, я аж расчувствовался. Но все равно с дороги свернуть не позволил, на чашку чая не соблазнился, на крендель с глазурью не позарился.

– Отобедаем в скором времени. – Корытников поглядел на часы. – Однако не пойму, к чему такая спешка? Ну, уволился я со службы, на покой удалился. Обычное дело. Ты ведь не только за этим приехал?

– Не только. У меня, дорогой ты мой, на руках личный приказ нашего генерал-губернатора Дмитрия Сергеевича Жеребцова⁴, язви его душу, срочно отправляться в Грузино, рассле-

⁴ Жеребцов, Дмитрий Сергеевич – новгородский граждан. губернатор (с 26 авг. 1818 по 1826 г.); был предан суду, с удалением от должности, в 1827 г.

довать убийство госпожи Настасьи Федоровны Шумской⁵ – домоправительницы самого Алексея Андреевича Аракчеева⁶! Слышал про такое?! Страшное дело. Наши говорят, искромсали всю начисто, ну просто в рагу. Приврали, – понятное дело. Приеду – сам разберусь. При этом Жеребцов уже два дня как в Грузино, собственной персоной, графу слезы вытирает, не иначе. Мы-то с тобой знаем, какой от него в следственном деле прок, от блазня⁷ этого.

– Убита Минкина? – Петр Петрович казался взволнованным.

– Ну да... Минкина, Шумская. Ну, ты ее не можешь не знать. Так вот, наши уже хотели меня не пивши, не евши затолкать в мой же экипаж и препроводить в Грузино, да я и сам поначалу решил, что так оно и вернее получится. А то как бы не зарыли нехристи, поди, Жеребцов ведь труп не осмотрит, а потом меня как громом поразило – ты ведь занимался делом об утоплении их управляющего и по совместительству полицмейстера, как его, Синицына⁸! Я к тебе – говорят, уволился согласно собственного же рапорта. Я в архив, а там точно впервые о таком деле слышат. Я к нашим – руками разводят, никому, говорят, Петр Петрович дел не передавал... Синицын известный человек, войну прошел, наши его хорошо помнят. Так я подумал, может быть, ниточка какая-нибудь протянется от убийства управляющего к убийству домоправительницы? Что скажешь? И еще, с полгода назад поминали эту Минкину-Шумскую в связи с похищением младенцев, что ли? И старое дело поднимали, ну, помнишь, его еще твой батюшка вел? Кстати, как он? Здоров ли? Как ноги? Говорили, будто бы так распухают, что он ни одну обувь надеть не может. Прошлой весной, когда у него обострение случилось, я где-то вычитал, что лишнюю жидкость следует выпустить, а он только отмахивается, мол, дома, в Ям-Чудове, у него доктор-волшебник, Корф, что ли? Из немцев. Припарками да пиявками это дело убирает. Помнишь, студентами были, вот на этом самом месте, он нам с тобой рассказывал, будто бы состоящая в любовницах у Аракчеева, Минкина, у кого-то из крестьянок дитя выкупила и господину графу младенца в качестве его же новорожденного сына предъявила. А тетка твоя, случайно разговор подслушав, потом еще бранилась, зачем он такие неприличные подробности юношам рассказывает. А Петр Агафонович еще и возразил, что де мы оба уже давно не дети, и Минкина эта – наша с тобой ровесница. Потом еще говорили, будто бы Настасья занимается черной магией, а я тогда у вас по случаю рыбной ловли ночевал, и мне всю ночь кошмары снились.

Дверь отворилась, и кротко улыбнувшись, Машенька прошла к столу, поставив перед гостем графин с домашним лимонадом и два стакана.

– Насчет колдовства это я знаю, Матрена Бельская рассказывала на губернаторском балу, будто бы госпожа Шумская – такая демоница, что все про все в доверенном ей хозяйстве знает. Комнатная девушка еще только раздумывает, пойти ли на свидание, а она уже ей грозит и все, что произойдет с ней после этих встреч, рассказывает. Лакей только наметит взять вещь без спроса, а она уже за его спиной выжидает.

Анастасия Федоровна все про всех знает и взглянуть может, и порчу наслать, оттого что цыганская в ней кровь. А цыгане – все как один колдуны.

– Я тоже могу предсказать, что, если ты вот так будешь неспросясь заходить в мой кабинет, да еще и перебивать деловой разговор, я тебя...

⁵ Анастасия Федоровна Шумская (Минкина) (1782–1825) – домоправительница и сожительница графа А. А. Аракчеева, дочь Федора Минкина, сестра Бориса Федоровича Минкина.

⁶ Граф (с 1799 г.) Аракчеев Алексей Андреевич (23 сентября [4 октября] 1769 г., имение отца в Новгородской губернии – 21 апреля [3 мая] 1834 г., с. Грузино, Новгородской губернии) – русский государственный и военный деятель, пользовавшийся огромным доверием Павла I и Александра I. Реформатор русской артиллерии, генерал от артиллерии (с 1807 г.), военный министр (1808–1810), главный начальник Императорской канцелярии (с 1812 г.) и военных поселений (с 1817 г.).

⁷ Блазень – вертопрах, бездельник, праздный тип.

⁸ Синицын (около 1790–1824) в Грузинской волости, Новгородской губернии, Россия). Крепостной крестьянин, полицмейстер. Причина смерти – утопился в реке.

– Все-все, ухажу. – Машенька ловко обняла отца, целуя его в щеку и заговорчески подмигивая Псковитинову.

– Отчего же ты не даешь мне потолковать с крестницей? Тем более у нее такие важные для дела сведения? – Александр Иванович поцеловал ручку Машеньке, и та залилась ярким румянцем.

– Позже потолкуешь. А теперь, душенька, оставь нас ненадолго. Распорядись насчет обеда, Александр Иванович с дороги голоден, и кони его тоже не кормлены, не поены.

Маша сделала книксен и поспешно удалилась, успев, однако, лукаво взглянуть на любимого крестного.

– Как ты понимаешь, я не верю во весь этот вздор с черной магией, но кой-какого материала подобрал, так что поделюсь, изволь, с нашим радушием. А о личности самой Шумской, как ни странно, лучше всего расскажут тебе твои же дворовые люди. Или что далеко ходить, моих расспроси, вот Гаврила мне на многое глаза открыл. Так что...

Псковитинов закашлялся, и Петр Петрович поспешно налил ему из графина.

– Значится так, по делу Сеницына я сдал все документы губернатору, по его личному приказу, жаль, не письменному. Но почти все помню, и что интересует, перескажу, впрочем, и пересказывать особо нечего, я и сам, признаться, собирался дело закрывать, ибо не вижу в нем состава преступления. По делу же о похищении младенцев расследование было в самом разгаре и, как ты совершенно правильно заметил, тянуло за собой еще одно давнее дело, которое, однако, на первый взгляд выеденного яйца не стоит, так что сам рассуди, с какого начать? Его тоже отобрал у меня Жеребцов, ибо выслуживается перед сам знаешь кем, точно щен, на задних лапках прыгает. Обидно. После того как он от меня дела отобрал, я, признаться, наперво хотел жаловаться, да только, чтобы не перепрыгивать через инстанции, все одно пришлось бы Аракчееву слезницу подавать... Так никуда и не написал, а просто подал в отставку. Теперь буду сидеть в имении, заведу собак, почию ружьишко, стану на охоту ездить.

– Так значит, Сеницын действительно наложил на себя руки? Точно никто не помогал? – сразу сник Псковитинов. Первая версия безнадежно разваливалась.

– Однозначно, я на месте преступления был лично, снег там нетронутый, а по снегу следы раба Божьего Сеницына в одну сторону. Один он там был, сам местечко выбрал, от глаз подальше, прорубь прорубил, да и... Течение сильное, быстро под лед уволокло. Тело нашли у мельницы, судебный врач сделал вскрытие. В общем, чем хочешь клянись, сам он это дело проделал, в полном, можно сказать, одиночестве. Другое дело, кто его до подобного шага довел?

– Так-так! – Александр Иванович затаил дыхание.

– Так Минкина же и довела. Он ведь – Сеницын, хоть и крепостной, но человек в обществе считался не последний. Воевал, у хозяина солидную должность занимал, от него ведь много всего зависело. Кто заказы мастерам отправляет? Сеницын. Кто решает, кого в городской дом отрядить? Кого в услужение барину на место службы? Опять же он. Теперь купцы, у которых он товар закупал, пожалуй, и разорятся без благодетеля. Я уже не говорю, сколько отставных военных, сколько полицейских низших чинов от него верный кусок хлеба имели. Аракчееву ведь то людишек своих нужно в Петербург отправлять, то в Новгород на работы гнать, то с этапом в Сибирь. За рекой, в комендантской роте, что в деревне Бабино, у него специальные люди обученные провинившихся пороть, а на все про все охрана нужна, да и экзекуторов этих, я думаю, тоже Сеницын набирал. Вот и посуди, сколько недовольных после его смерти собралось, сколько ртов остались без прокорма... Что же до причины самоубийства, то тут никакой тайны нет. Домоправительница обвинила управляющего в краже графского имущества, а Аракчеев, знамо дело, расследований по такому ничтожному поводу производить не станет. Если Анастасия Федоровна сказала – стало быть, так и есть. Первая после Господа Бога! Истина, понимаешь ли, в последней инстанции. За такую провинность Сеницыну грозила полная конфискация имущества и порка батогами. В общем, думаю, его, ветерана двена-

дцатого года, более всего возмутила как раз не потеря дома со всем приобретенным, а то, что ошельмуют, опозорят, да еще и высекут перед всем миром. Стыдно. А может, на старости лет уже и боли боялся. Вот и утопился раб Божий. А что еще делать оставалось?

– Полагаю, что все эти люди, что после кончины Синицына свою выгоду потеряли, люто должны были Шумскую ненавидеть?

Корытников хмыкнул.

– Ну, вот тебе и подозреваемые полна хата людей. Впрочем, если я правильно понял, Аракчеев конкретно обвиняет дворню.

– А по поводу дворовых людей, может быть, он и прав, в 1790 году было дело, дворня артиллерийского капитана Маслова забила того до смерти, как писали в протоколе, не вынеся систематических притеснений и издевательств. Затем, в июле 1809-го такая же история произошла с фельдмаршалом Каменским⁹. И вот совсем недавно, ты не можешь этого не помнить, четыре года назад крепостной Минаев зарезал своего хозяина – чиновника Тимофеева.

– Ты забыл еще один случай. – Александр Иванович нетерпеливо постукивал пальцами по столу. – В 1806-м кучер графа Яблонского, Кондратьев, из-за своей жены-красавицы, которую барин возвысил до интимности, удавил того вожжами. Ну и что, все знают, что такие преступления имеют место, доберусь до Грузино – дворню проверю в первую очередь.

– А по поводу ведовства, похищения младенцев – мне так видится, что чистая дичь. Но ты все равно едешь в те края, не поленись, доскачи до Ям-Чудово. К батюшке моему загляни. Он это дело много лет вел. У него там все материалы, с которыми он когда-либо работал, в отдельных папках скопированы.

В этот момент в дверь постучали, и вошедший молодой лакей сообщил, что кушанье готово и Мария Петровна уже ждут-с.

– Ты хоть гонца в Грузино отправил, чтобы тело не зарывали до тебя? – поинтересовался уже на лестнице Корытников.

– Первым делом. Не беспокойся, как закончим, сразу и поеду. Лошади отдохнут, а я уже в карете отосплюсь. Жаль, не успел домой заехать, Селифана-то я отдыхать после поездки отправил, не знал, что так спешно ехать придется. Со своим-то слугой в дороге как-то полегче: и причешет, и побреет. Ермошка ведь, кроме своей кучерской должности, ничего не знает. Правда, тут уж ему равных нет.

– Лошадей я тебе своих отдам, негоже животину мучать. Заберешь на обратном пути, мне теперь ездить некуда.

⁹ Граф (с 1797 г.) Каменский Михаил Федотович (8 [19] мая 1738 – 12 [24] августа 1809 г.) – полководец Екатерининской эпохи, генерал-фельдмаршал, поклонник прусских военных порядков и Фридриха II. В 1806 г. крайне неудачно действовал против французов. Пал от топора собственного крепостного. Отец полководцев Николая и Сергея Каменских.

Глава 2. Аракчеев и его присные

*Не вор, не лжец и не беспутен —
Простой и верный, как шпицрутен!*

О'Санчес

Пройдя через холл, украшенный картинами работы самого Петра Петровича, которые он малевал на досуге, друзья свернули в сторону столовой.

– Слушай, я вот одного понять не могу, отчего Анастасию Федоровну то Шумской, то Минкиной называют? Я и раньше слышал, да как-то значения не предал.

– А тебе какая прибыль знать? – не уразумел сразу Корытников. – Его сиятельство страсть не любит, когда кто-то в биографию его милой лезет. Впрочем, изволь. Шумские – древний дворянский род с трехсотлетней родословной и, согласно документам, означенная Анастасия Федоровна происходит от Михаила Шумского¹⁰, Минкиным же кличут, то есть откликали уже, помер в прошлом годе, аракчеевского конюха Федьку-цыгана. Так вот, долгое время, почитай, до 1803 года, Настьку Минкину никто Шумской не величал, и вообще, не было никакой Шумской в наших местах, и что есть таковая никто, пожалуй, не ведал.

Они подошли к дверям в столовую, и Петр Петрович, зайдя вперед, открыл их перед гостем. За широким столом уже сидела Машенька в розовом с оборочками платье и уложенными в аккуратную прическу волосами.

Девушка вскочила, приветствуя вошедших, и тут же лакеи внесли еду.

– Если вы и дальше о колдовстве будете говорить, то можно я тоже послушаю? А то, как из города сюда переехали, я целый день одна сижу. Скучно.

– А я бы ради экономии времени попросил бы тебя, брат, теперь же позвать Гаврилу, дабы расспросить его об этой Минкиной-Шумской, – сразу пошел в атаку Псковитинов.

Корытников кивнул лакею, и тот вышел исполнять приказ. О том, что в доме приятеля слуги жили по многу лет и считались чем-то вроде членов семьи, Псковитинов, разумеется, знал, а стало быть, его просьба пригласить дворецкого во время обеда никого не могла задеть.

Псковитинов уселся на предложенное ему Машей место, лакей поставил перед ним тарелку наваристых щей.

– Ты уж прости, брат, у нас нынче все по-простому. – Петр Петрович налил гостю сливянки. – Опосля будут парная телятина и разварная рыба, знаю, ты до нее охотник. Упредил бы заранее, что приедешь, попросил бы мужиков сходить на рыбалку, так еще и пожарили бы.

Вошел старый дворецкий, Псковитинов помнил Гаврилу с того времени, как отец в первый раз привел его в дом к своему старому приятелю. Облаченный в парадную по случаю какого-то праздника ливрею, Гаврила показался маленькому Саше не просто старым, а каким-то благородно древним, как рыцарский замок. И вот теперь он смотрел на дворецкого и не видел большой разницы. Все те же согбенные плечи, роскошные бакенбарды, которые он расчесывал по сто раз на дню. Вот только доброе красноватое лицо приобрело с годами несколько заискивающее выражение, в последние годы голова начала трястись, но глаза не утратили ясности.

– Александр Иванович хочет расспросить тебя о госпоже Шумской, Анастасии Федоровне. Знаешь такую?

¹⁰ Шумский Михаил родился предположительно в 1752 г. Содержал гостиницу в г. Витебске. Иногда его называют мужем Анастасии Минкиной, иногда отцом.

– Настьку, что ли? Минкину? Как не знать. Ее батюшка Федька Минкин¹¹ по кузнечному делу у Алексея Андреевича Аракчеева служил. Но только все знали, конокрад он, Федька этот, конокрадом был, конокрадом остался. И Настька – та еще стерва, не при барышне будет сказано.

– Как же так, Гаврила?! – удивился Псковитинов. – А мне говорили, будто бы Шумская дворянского сословья?

– Какого дворянского? Нос не дорос до дворянского-то, а туда же. Крестьянка она, из Гатчины ее Аракчей с собой привез, с тех пор в Грузино обосновалась зараза непутевая анафемская душа, а то, что в шелках да бархате с господином в одной карете разъезжает, так таких особ иначе называют. – Он покосился на Машу и предусмотрительно замолчал.

– Спасибо тебе, Гаврила. Ступай к себе. – Петр Петрович махнул ему уходить. Лакей принес разварную рыбу в большой супнице, стараясь не задеть старика, аккуратно обошел его и, поставив посреди стола, картинно открыл крышку. Столовая тут же наполнилась восхитительным ароматом.

– Подумаешь, жила крестьянкой, так такое вполне можно объяснить, – восторгалась Машенька. – А что, Александр Иванович, это ведь просто роман! Я слышала, матушка Анастасии, будучи замужем за шляхтичем Михаилом Шумским, страстно полюбила простого цыгана. И из-за этого ее движения чувств у нее родилась дочка.

– Фи, Машенька, какие ты нелепицы рассказываешь! – не выдержал отец.

– Так во многих романах случается, – парировала дочка, – дитя несчастной любви. А потом цыган из отцовских чувств выкрал девочку и спрятал у себя. Или, может, мать сама ее передала, чтобы муж ни о чем не проведал и не навредил малышке. В общем, жила себе Настя Минкина в деревне, не ведая о своем благородном происхождении. А потом...

– Давно я не проверял твои полки. Чую, пора ревизию произвести. В общем, если отбросить «как в романе», то картина складывается следующая, Настька Минкина крестьянского сословья, дочь кузнеца Федьки Минкина, родилась в Гатчине, где Аракчеев служил в должности губернатора. Когда он привез свою новую метрессу в Грузино, она была Минкиной и оставалась крестьянкой Минкиной, пока в один прекрасный день генерал Бухмейер¹² не привез документы от некоего шляхтича, содержателя бедной гостиницы в городе Витебске, Михаила Шумского, что де та – его законная дочь. Маша, голубушка, нельзя ли распорядиться насчет чая, и пусть подадут в беседку, душа моя. А мы уж с Александром Ивановичем туда подойдем. Люблю на свежем воздухе чай попивать.

– Сами принесут, – начала ныть дочка, но Петр Петрович сверкнул на нее глазами, и та пулей вылетела из-за стола. В семье Машу как единственного ребенка отец, естественно, баловал, и даже позволял время от времени встречать в беседы и давать «дельные» советы, но, когда нельзя, значит, нельзя. – Сын у нее – тоже Шумский, Михаил Андреевич, – продолжил он, когда за дочкой закрылась дверь. – Аракчеев и не скрывает, что его отпрыск – двадцать два года ухарю, а только и умеет, что винище хлестать да девкам подолы задирает. В общем, хоть и учился в пансионах пастора Коленса и потом Греча, по выходу из которых закончил Пажеский корпус, но, – он выразительно повел плечами, – в общем, парень вырос из рук вон испорченным. С приятностью обращения вовсе не знаком. Во время вакаций помнится, приезжал, так порядочные люди дочерей своих по домам прятали, близко к нему не подпускали. Плевать на Аракчеева, честь дороже. Четыре года назад сей выюнош был выпущен из корпуса и сразу же стал флигель-адъютантом императора, казалось бы – счастье привалило, но только ненадолго. Не знаю, что там произошло, но только перевели его в гвардейскую конную артиллерию, с тех

¹¹ Минкин Федор (предположительно между 1763 и 1799–1809) – дворовый. Конюх. Отец Анастасии Федоровны Шумской и Бориса Федоровича Минкина.

¹² Бухмейер Федор Евстафьевич – генерал-майор. Родился 30 июля 1767 г., умер 7 декабря 1841 г.

пор при графе для употребления на службу по его усмотрению. Впрочем, я уже сказал, пустой это человек, думаю, Алексей Андреевич еще заплачет с сыночком-то. Потому как воспитан он ужасно, и как прилично честному человеку жить – не ведает и к службе государевой не готов.

Они поднялись из-за стола и, выйдя из дома, неспешно направились в сторону беленькой кружевной беседки, стоящей на берегу самодельного прудика. Время от времени Петр Петрович потчевал гостей рыбной ловлей, которую можно было осуществлять, не выходя из беседки, мирно прихлебывая крепкий душистый чай с мятой или редкое в этих местах пиво «Портер», доставляемое хозяину дома его двоюродным братом – завсегдатаем столичного Английского клуба. Единственное место в Санкт-Петербурге, где можно было приобрести подлинный «Портер». Во время такой ловли рыбаки занимали места на плетеных креслицах около беседки, забрасывали длинные удочки, продолжая неспешные разговоры о том о сем. Каждому рыбаку Корытников еще в начале рыбалки выделял по дворовому мальчишке, в обязанности которых входило подсекать рыбу, когда та показывалась из воды, а также добывать зацепившиеся крючки и распутывать лески. Детвора не считала это дело работой и выстраивалась в очередь за счастьем послужить приезжим господам. Ну и те, разумеется, жаловали детишек пирогами да пятаками.

– Как ты сам заметил, сразу же после рождения байстрюка пошли слухи, будто бы Шумская не родила этого ребенка, а украла у какой-то бабы, чтобы с Аракчеева деньги на него тянуть, – продолжил Петр Петрович, устраиваясь у стола в беседке. Вошедший вслед за баринном казачок лет десяти принес зажженную свечу и трубку, которую ловко теперь набивал табаком. – Скверная история. Аракчеев роженицу одарил и ребенком очень гордился. Но ты же знаешь моего отца. Он не поленился вызнать, кому приписывали мальчика. Дело в том, что Минкина, ух черт, приелось, веришь ли, неприятно называть ее Шумской! Тогда-то она еще Минкиной значилась, ракалия. В общем, Анастасия Федоровна, желая крепче привязать к себе любовника, сказала ему, будто бы беременна. Не знаю, была ли она на самом деле в положении или выдумала, но никого она тогда не родила, а уговорила с беременной солдаткой Лукьяновой¹³, что та отдаст ей ребенка, а сама привязала себе подушку на живот. Так что никого она не отнимала, следовательно, никто и не жаловался. Денег она Лукьяновой отвалила да еще и при родном сыне оставила кормилицей.

– Ты говоришь, что ему сейчас двадцать два года, стало быть, родился он в 1803-м, – подсчитал Псковитинов. Приблизительно с того времени, если я не ошибаюсь, и пошли слухи о пропавших младенцах и черной магии?

– Да, действительно. – Корытников закурил, с удовольствием выпуская голубоватое облачко ароматного дыма, в беседку вошла Маша в сопровождении лакея, несшего огромный самовар, и девушки, в руках которой обнаружилось блюдо с пирогом. Пока прислуга готовила чайную перемену, Машенька подседала к мужчинам, жадно вслушиваясь в каждое слово.

– А тебе, голубушка, следует знать, что, если бы Минкина была рождена не от мужа своей матери, а от безродного цыгана, «по движению чувств», как ты говоришь, она бы не могла претендовать на дворянство и родовую фамилию. И тебе как девице вполне начитанной и разумной это следовало знать, – первым делом отчитал дочь Петр Петрович.

– Да я и сама догадалась, какую глупость брякнула. – Маша с гневом шлепнула себя по плечу, убив присевшего на розовый фестончик комара. – Но ведь могло быть и так, что Минкина – подлинная дочь своих родителей, а цыган просто похитил ее. Цыгане ведь воруют детей. Все это знают.

– Цыганам своих чумазых девать некуда. На что им еще и чужие? – ласково приобнял девушку Александр Иванович.

¹³ Лукьянова (настоящее имя неизвестно) – крестьянка села Грузино, родная мать Михаила Андреевича Шумского.

– Но все же говорят! Решительно все! – не сдавалась Машенька. – К тому же в этом случае все сходится. Если ребенка украли и воспитали как крестьянку, она от этого крестьянкой ведь не стала?! А потом генерал Бухмейер поехал в этот самый город и получил от ее отца документы о рождении.

– Тогда бы он, как минимум, получил и предписание арестовать похитителя, – парировал Петр Петрович. – Да и отец, если, конечно, он отец, а не фикция, обязан был потребовать найденную дочь к себе.

– М-да. В таком случае еще один вариант...

– Все, уволь дорогая. Александр Иванович приехал о деле говорить, а ты отвлекаешь своими нелепицами.

– Ладно, с утопленником разобрались. А насчет пропавших детей что-нибудь еще скажешь?

– А далеко ходить не надо, в прошлом году Минкина отобрала ребенка у крестьянки Дарьи Константиновой¹⁴, уроженки села Грузино. Эта самая Дарья, возьми на заметку, личность примечательная, богатая баба, муж ее, Семен Алексеев¹⁵, ни много ни мало управляющий мирским банком¹⁶. Между прочим, с окладом в тысячу рублей. Ты, к примеру, сколько на службе государственной имеешь? То-то... Представляешь, какой платит оброк своему господину такой крепостной? Для сравнения, сама Минкина получала четыреста рублей. Чуешь? Крепостной человек богаче домоправительницы своего господина!

– Удивил, у нас, почитай, половина богатейших купцов – крепостные.

– Но Минкина все же отобрала дитя у родителей. Придралась к какой-то мелочи да и наказала на свой лад. В сиротском приюте теперь проживает бедолага, но мать с отцом к нему тайно ездили и на приют сей жертвовали. Об этом и бумаги соответствующие у директора имеются, проверял.

– А ведь это тоже может быть мотив для убийства, – задумался Псковитинов.

– Отчего же нет? Ну, не своими руками, чай, есть в кубышке про черный день. Полагаю, когда ты вызовешь эту парочку на допрос, у них и отговорка будет наготове, и твердое алиби, где они находились в день и час убийства. Гостей принимали или сами в гости ездили. Большое число народу непременно сможет сей факт подтвердить. Семен – человек умный, законы знает, если это он убийство спланировал, стало быть, и последствия просчитал. Тридцать четыре года, огромные связи, денег куры не клюют!

– Мог бы и выкупить дитё из приюта, нешто Настасья Федоровна от лишней тыщенки отказалась бы?

– Так в том-то и дело, что самодурка. Баба злющая, если ей в башку втемяшится подлость какую сделать, лучше на хлебе и воде сидеть будет, но задуманное осуществит. Впрочем, на каком хлебе, на четыреста рублей, прожить можно, да и Аракчеев разве содержанку свою оставит? Так что... – Он махнул рукой. – А ты нарочно поезжай в наш приют, к отцу Иоанну, он все про всех знает. Покажет он тебе этого ребеночка, и бумаги о пожертвовании у него в отдельной папочке хранятся. Он мне списки с них делал, но Жеребцов все отобрал.

¹⁴ Константинова Дарья – крепостная крестьянка села Грузино, замужем за управляющим мирским банком села Грузино Семеном Алексеевым, в 1826 г. осуждена по делу об убийстве Шумской, сослана в Сибирь.

¹⁵ Алексеев Семен – управляющий мирским заемным банком села Грузино, дворецкий. Он также вел «в Грузино всю домашнюю переписку», получал «1000 рублей жалованья, особую квартиру, все содержание, няньку к его детям» и имел «собственного капитала в мирском банке 1500 рублей» (цит. по: Лит. наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 158). Вместе с женой, дворовой Аракчеева, Дарьей Константиновой, был привлечен к следствию по делу об убийстве Минкиной и сослан в Сибирь; умер не позднее 1848 г.

¹⁶ В июне 1820 г. в Грузино был открыт мирской заемный банк; Аракчеев пожертвовал для его основания 10 000 рублей ассигнациями и издал «Положение о заемном банке для крестьян Грузинской вотчины» (Отто. № 4. С. 388). Крестьяне могли брать ссуды на покупку скота и строительство домов, хранить свои средства. В 1826 г. годовой оборот банка составлял 200 тыс. рублей.

– А ты сам ребенка Дарьи видел? – снова встряла в разговор Машенька. – Каков он?

– Как не видеть? Видел. Золотая головка, ясные голубые глазки. Митрошкой назвали. Дмитрием Семеновичем. Хорошенький, здоровенький. Содержится прилично. Я, не уведомив, заявился, так что они бы не успели помыть да в чистенькую рубашонку приодеть. А вот тебе совсем свежий случай. У купца Сазонова, как ты знаешь, во дворе сплошняком калмыки, еще прадедом его завезенные. Поколения три уже сменилось, все, понятное дело, уже обрусели совершенно и веру приняли христианскую. Живут все честь по чести. Сазонов как человек просвещенный время от времени зовет к себе на обеды с музыкой в восточном вкусе, и крепостные его надевают шаровары, чалмы, туфли с носами такими вверх, ну, ты знаешь, как у звездочетов. Сам Сазонов обряжается шахом, жена его – шахиней. Изображают, так сказать, персидскую жизнь. Все гости сидят на шелковых подушках, кушают сладости и рассказывают сказки. У кого лучшая, тому и приз. Мы с Машенькой как-то ездили. Она еще крохой была. Помнишь, Машутка?

– Помню! – обрадовалась девушка. – Только мы давно у них не бывали. Ты все занят. А поедем, так, чур, я себе не платье, а совсем другое, архалук¹⁷, как у горцев, закажу. Вот смеху-то будет!

– Съездим еще. Сазонов хороший человек, любезнейший, милейший. У него свои три дочки, так что Машеньке там раздолье о своем, девичьем, поболтать. Непременно съездим, и ты бы, душа, поехал, что ли. С полгода назад у дворовой калмычки, что у Сазонова поварихой служила, пропал детенок мужеского пола восьми месяцев отроду. Люди Сазонова с неделю в полях, лесах искали, не нашли. Заподозрили, не мать ли извела сыночка, ибо родился он одна ножка значительно короче другой, но купец за своих калмыков стеной встал. Сам в управу приехал и честное купеческое слово дал, что-де повариха его – женщина почтенная, целую ораву детворы невесть от кого прижившая и воспитавшая, не могла такого злодеяствия сотворить. И знаешь, я ему поверил. Потому как хорошо людишки живут у Сазонова, а где уже орава, как-нибудь хромой мальчонка и прижился бы. К тому же сам Сазонов увечных завсегда жалеет. В общем, не с руки им было от недужного детенка избавляться, не та ситуация, не те люди. Другое дело – Минкина, я пока эти дела распутывал, уж столько о ней наслушался... она, шельма такая, мне снится стала!

– Оттого и стала, что ведьма! – обрадовалась Маша. – А как ты объяснишь, отчего Настасья Федоровна всегда знала, что крепостные делали?

– Так это самое простое! Я не сказал, что ли? – Петр Петрович прихлебнул чай. – Кухмистер Иван Аникеев¹⁸ по прозвищу Глазок-смотрок следил за дворней по заданию Минкиной и обо всем ей докладывал. У него дочь Татьяна¹⁹ в горничных у барыни. В общем, что она ему откровенно, из дочерней любви, скажет, то он без замедления госпоже на белой, так сказать, тарелочке с голубой каемочкой. М-да... А уж она опосля чуда телепатии являла. Мысли читала о поступках, которые только планировались, наперед догадывалась. Знаем мы такую магию. Не первый день на свете живем.

А ты сам разве не помнишь Минкиной?

¹⁷ Архалук (от тюрк. аркъялык) – кавказский плотно прилегающий к телу кафтан с высоким стоячим воротником. Для шитья архалуков использовали кашемир, атлас, сатин. На поясе архалук дополнялся кушаком.

¹⁸ Аникеев Иван, родился в 1776 г. в селе Грузино, Новгородской губернии. Крепостной крестьянин, кухмистер. Привлеклся и был осужден по делу об убийстве Анастасии Шумской.

¹⁹ Аникеева Татьяна Ивановна (1808–1825) – крепостная крестьянка, горничная. Была осуждена по делу об убийстве Анастасии Шумской.

Глава 3. Грузино

*Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель
А Царю он – друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
Бл<-> и грошевой солдат.*

А. С. Пушкин (1817–1820)

Разумеется, живя в Новгородской губернии, Александр Иванович не мог ни разу не столкнуться с аракчеевской наложницей. Впрочем, метресса не жена, с ней на всяком приеме не покажешься. Что же до законной супруги, вот с этим у Алексея Андреевича не сложилось. Собственно, законная супруга у Аракчеева была, точнее, числилась. Но на высоком посту жены ближайшего сподвижника императора сия особа продержалась без малого год, после чего была спешно отправлена к матери, где и оставалась по сей день.

Венчание состоялось 4 февраля 1806 года в Сергиевском артиллерийском соборе, Псковитинов запомнил дату, потому что в этот день у него самого родилась дочь Оленька, и от свадебного стола его призвали к постели роженицы. Варвара Никитична разрешилась от бремени на две недели раньше, задумай его сиятельство жениться ближе к реальному сроку, Александр Иванович и не подумал бы оставлять ради такого дела супругу. А тут он успел даже поднять пару бокалов за прекрасную Наталью Федоровну²⁰, которой в ту пору исполнилось двадцать три года, и за новобрачных. В общем, третий по счету за этот день бокал он уже поднимал у себя дома за здоровье жены и первеницы. Вот почему Псковитинов запомнил дату венчания Аракчеева.

Наталья Федоровна, хорошенькая блондиночка, с голубыми глазками и неизменно восторженным выражением лица, казалось, совсем не подходила высокому и мрачному, словно грозовая туча, Алексею Андреевичу. Ко всему прочему за спиной у странной пары шептались обо всем известной связи жениха с его дворовой девкой Минкиной, которая, несмотря на измененный статус ее хозяина, до сих пор не покинула, как шутили остряки, «Аракчеевскую столицу» – Грузино, где числилась экономкой.

Обычно господа, имеющие склонность к крестьянкам, свершают сие неблагоприятные деяния в тайне, встречаясь со своими зазнобами в какой-нибудь березовой рощице или... А впрочем, помещики – тоже люди, ничто человеческое им не чуждо, но и приличиями пренебрегать не следует. Что уж говорить о здоровых, ладных крестьянках, которые даром что опускают взоры и чуть что – закрывают лицо рукавами, а на самом деле только и ждут, как бы заполучить себе в покровители барина. Говорили, что Алексею Андреевичу придется порвать всяческие отношения с Настькой ради семейного счастья. Но, разумеется, нашлись и такие, кто бился об заклад, что пронырливая цыганка найдет способ выжить из дома дочку генерала Хомутова²¹.

В день свадьбы Наталья Федоровна получила фрейлинский шифр и Екатерининский орден 2-й степени. Год Аракчеев казался вполне себе счастливым человеком, вывозил супругу в общество, а потом произошел скандал. Кто-то доложил Аракчееву, будто обер-полицмейстер

²⁰ Аракчеева (Хомутова) Наталья Федоровна (1783–1842). Супруга А. А. Аракчеева.

²¹ Федор Николаевич Хомутов (предположительно между 1718 и 1778 гг.) – генерал-майор.

города Санкт-Петербурга, получивший 100 000 рублей на секретные расходы, тратит означенные средства совсем на другие надобности. Он тут же сообщил о доносе государю и занялся расследованием служебного преступления. Для этого Аракчеев должен был произвести тщательную ревизию. Все документы подозреваемого были арестованы и доставлены в дом к Аракчееву. И что же, буквально на первой странице значилось имя его дражайшей супруги! Оказалось, что она, Наталья, два раза получала по 5000 рублей от обер-полицмейстера. Что это могло означать? Наталья Федоровна шпионила за мужем по заданию тайной полиции, получая за это оговоренное жалованье? Аракчеев и раньше подозревал, что за ним следят, но то, что тайная полиция исхитрился вербовать для этого подлого дела его законную супругу, было сверх меры!

– Я говорю, что вы получили от обер-полицмейстера два раза по 5000 рублей! – орал Аракчеев.

– Да, получила, но я взяла их по просьбе маменьки, ей были деньги очень нужны... – едва сдерживая слезы, с достоинством ответствовала Наталья Федоровна.

– Женщина, состоящая на содержании тайной полиции, не может более оставаться у меня в доме. Извольте убираться куда хотите! Даю вам час на сборы, и чтобы духу вашего у меня не пахло!

Вот и вся история брака. С тех пор Наталья Федоровна Аракчеева проживала в своем поместье Липные Горки в Тихвинском уезде Новгородской губернии. Впрочем, проживала ли? Последнее следовало проверить. Конечно, Наталья Федоровна запомнилась Псковитинову голубоглазым ангелом, но, что, если Аракчеев был прав и эта с виду невинная женщина находилась при нем в качестве тайного агента? Впрочем, кто сказал, что в свете причина разрыва была названа верно? Аракчеев не так глуп, чтобы признаваться, что жена покинула его, скажем, застав в постели с Минкиной, или, еще хуже, ради какого-нибудь смазливового унтера. А саму Наталью Федоровну, как известно, никто о причинах ухода от мужа не спрашивал. Так что совершенно не исключено, что графом спешно был измыслен весь этот шпионский роман. История в наших местах редкостная, необычная, и, естественно, слух моментально пошел в народ, день ото дня обрастая новыми шокирующими подробностями.

Тем не менее в качестве подозреваемой в смерти Минкиной Наталья Федоровна должна была занимать одну из первых строчек. Ведь если отбросить шпионские бредни и посмотреть на ситуацию с другой стороны, Наталья Федоровна – не робкая уездная барышня, а дочь генерала. Судя по рассказу Аракчеева, имеет знакомых в высших полицейских кругах столицы и бог знает, где еще. Несмотря на венчание, Алексей Андреевич не уволил Минкину, а стало быть, рано или поздно молодая супруга была вынуждена встретиться с соперницей. Потому что одно дело, когда за мужем числятся грехи в прошлом, и совсем другое, если его бывшая возлюбленная продолжает находиться с ним чуть ли не под одной крышей. Наталья Федоровна должна была возненавидеть наглую цыганку и всячески желать ей смерти. Конечно, прошло восемнадцать лет, и, скорее всего, Аракчеева живет себе в уединении, давно позабыв о своем неудачном замужестве. Но, с другой стороны, что, если в завещании Алексея Андреевича она все еще вписана как основная наследница? Что, если после смерти Аракчеева экс-супруга наследует все его имущество? В этом случае ей было бы выгодно, уничтожив Минкину, подвинуть бывшего муженька к краю пропасти, чтобы потом...

Нет, не стоит забегать так далеко вперед. Тем более что одно дело, если бы она наняла убийцу сразу же после того, как муж выставил ее из дома, в сердцах чего ни совершают. Но реально поверить, что воспитанная, богобоязненная женщина способна ждать возмездия восемнадцать лет... Нет. Хотя проверить все же придется. Как минимум посмотреть завещание.

Александр Иванович записал имя аракчеевской жены в блокнот и принялся думать. Вот уже час как он сидел в своей коляске и ехал в сторону Грузино. На самом деле следовало,

конечно, вернуться в Новгород, расспросить содержателя сиротского приюта относительно обстоятельств поступления к ним ребенка Дарьи Константиновой, но это уже в другой раз. Жеребцов и так, наверное, уже места себе не находит. А и вправду, на какое такое место в расследовании может претендовать новгородский гражданский губернатор? Что ему там делать? Чем конкретным он, с его, с позволения сказать, познаниями, может помочь следствию?

За окном тянулись, словно раскрашенные ради не пойми какого-то праздника, луга: розовые островки иван-чая, соседствовали с синими люпинами и желтой куриной слепотой. Картины как бы подчеркивали торчащие из придорожной канавы коричневые головки камышей.

На подъезде к Грузино их встречала небольшая группа всадников, среди которых Псковитинов тот час узнал Фёдора Карловича фон Фрикена²², с которым в последние годы то и дело пересекался по служебной надобности и раза три даже играл в карты. Тот спешился, поспешив в сторону коляски Александра Ивановича.

– Что же вы так запаздываете, душа моя?! – заговорил он, с чувством пожимая руку следователю. – Час уже как за вами выслали.

– Час полковник?! – нахмурился Псковитинов.

– Да я и сам с величайшей радостью из этого дома умалишенных давно бы сбежал. – Аракчеев вешается, Жеребцов на всех кидается, бабы орут, труп «благоухает», хорошо хоть подозреваемых успел в местном карцере запереть, не то мертвецов бы теперь прибавилось.

– Все так плохо? – Псковитинов неприязненно повел плечами. – Может, сядете в мою карету, по дороге и расскажете?

– С превеликим удовольствием. – Фор Фрикен отдал поводья подоспевшему молодому офицеру и устроился рядом со следователем.

– Когда Алексей Андреевич узнал о смерти своей домоправительницы?

Они проезжали мимо хорошеньких чистеньких домиков построенных на манер немецких коттеджей с ухоженными садиками в цветах и добротными хозяйственными пристройками. Желтое здание местной почты выглядело только вчера покрашенным, дороги в Грузино оказались на удивление ровными и ухоженными. Основная дорога, по которой ездили экипажи, обрамлялась аккуратным каменным бортиком, дорожки, ведущие к домам, по краям были выложены одинаковыми по размеру камешками. И, что удивительно для деревни, нигде не наблюдалось привычных глазу куч навоза.

Рассказывали, будто крестьянам вменяется в обязанность следить за порядком, во дворах этим занимались обычно маленькие и не способные к иному труду дети, что же до общих дорог, то тут каждому хозяину отводился небольшой участок, за которым тот должен был следить. Чистить придорожные канавы, если таковые имелись, подметать и, если нужно, выравнивать дорогу. Прогуливающийся в свободное время по любимому Грузино граф мог одарить хозяйку или метущего дорожки ребятенка пяточком, а мог и приказать высечь неряху за небрежение приказом. К слову, нередко, его сиятельство бродил по любимой вотчине, переодевшись и загримировавшись, так что его было сложно узнать. В таком виде он мог зайти в трактир, где пил чай, слушал разговоры, иногда подтрунивая над любимым делом Аракчеева – посадкой вдоль дорог березовых аллей, или его страстью к чистоте и порядку. Но если местные отлично знали, что шутить на такие опасные темы не следует, пришлые да заезжие нет-нет, да и попадались на удочку хитрого графа.

– Рассказываю все по порядку. – Полковник задумался. – В общем, так. На десятое сентября была запланирована инспекционная поездка по поселениям нашего военного округа.

²² Фрикен (Фринкен) Федор Карлович (1780–1849), начал службу унтер-офицером; в 1811 г. майор, командир Старорусской резервной бригады, в 1812 г. формировал резервный батальон гренадерского графа Аракчеева полка; принимал участие в сражениях при Кульме и Лейпциге. Со второй половины 1810-х гг. на службе в Новгородских военных поселениях: в 1818 г. подполковник, командир поселенного батальона гренадерского графа Аракчеева полка, с 1819 г. полковник, командир того же полка; генерал-майор и бригадный командир 1-й гренадерской бригады (с 1828 г.).

Алексей Андреевич запланировал на все про все неделю. Сам выехал, естественно, еще девятого, вы знаете его пунктуальность.

Псковитинов кивнул, автоматически отмечая широкое в боках здание ресторана с двумя похожими на слоновые ноги колоннами и вывеской с пирующим толстяком.

– Ровно в десять утра мы встречали его в первом обозначенном в распоряжении пункте, в трехстах верстах от Грузино. Ну а там сами знаете, как это у нас бывает: туда цемент не довели, сюда кирпич не тот поставили... там плотник запил, там... Ну, в общем, ясно. Всем строителям строгий выговор, а инженерного капитана Симкова²³, отвечающего за строительство, и всю его команду плотников, каменщиков, землекопов – на гауптвахту. Шагом марш!

Они как были в рабочей одежде, так и потопали в указанном направлении, но Алексей Андреевич их через минуты полторы догнал и, ругая всю дорогу последними словами, лично проводил на гауптвахту, сам запустил в камеру, сам запер замок, а ключи с собой же и прихватил. Представляете, они и теперь там сидят, и никто в камеру войти не смеет. Потому как нарушить приказ – значит, самому под суд пойти.

– А зачем он ключи-то с собой забрал? – остановил полковника Псковитинов.

– Знамое дело зачем... – фыркнул тот в усы. – Стало быть, собирался по окончании проверки вернуться и еще раз личное внушение произвести. Большой ревнитель Алексей Андреевич в плане всевозможных административных порицаний. Мало ему произвести следственное разбирательство и вынести справедливый приговор. Он все лично должен проверить, коли сидят штрафники на гауптвахте – то как сидят? И не режутся ли в карты, «опаснейшие» преступники? Если приказал пороть, лично стоит и за работой экзекуторов доглядывает. Вот и с Симкова так или иначе собирался если не семь шкур содрать, то по крайней мере душу говорильней своей вытрясти.

– Вижу, не шибко-то вы любите своего непосредственного начальника, – невольно съязвил Александр Иванович.

– Не люблю. Уже и рапорт, по всей форме составленный, в столе лежит, по окончании проверки собирался подать, да вот как все обернулось, не до пустяков нынче.

– Я понимаю, но что же дальше? Когда Алексей Андреевич узнал печальную новость?

– Да, почитай, сразу же, как довел бедоносцев наших до гауптвахты. Еще внушение не окончил, как прискакивает Иван Шишкин²⁴ – общинный, стало быть, голова села Грузино. Лошадь в пене, сам в поту и дорожной пыли, в общем, понятно, что-то приключилось.

Но подъехал не прямо к природному своему господину, как бы это любой другой честный человек сделал, бухнулся бы в ноги и заголосил на всю ивановскую «караул, зарезали!». Так нет же, подъехал подъехал, но не по дороге, а как бы сызбоку, за недостроенным зданием почты лошаденку привязал – и тихой сапой к нашей честной компании, адъютанта моего подзвал и попросил встречи со мной, но так, чтобы Аракчеев, не дай бог, ничего не заподозрил. У Алексея Андреевича нрав-то, кипятик. Если что, и собственноручно прибить может, даром что его превосходительство. Думал, шельма, что коли я полковничьего чину, то генерала не испужаюсь. Но я тоже ничего такого Алексею Андреевичу говорить не стал, а то время жаркое, из-за происшествия со строителями он и так уже только что не закипает, сообщи я ему об убийстве, у него, еще чего доброго, удар бы приключился. Так что я подошел к Алексею Андреевичу и, соблюдая наружное спокойствие, сказал ему, мол, Настасья Федоровна нездорова. Соврал, каюсь, но да вы бы как на моем месте поступили?

– Понятно, продолжайте.

²³ Симков. Известен по воспоминаниям о Новгородских военных поселениях 1822–1826 гг. А. К. Гриббе.

²⁴ Шишкин Иван – староста села Грузино. Известен по воспоминаниям о Новгородских военных поселениях 1822–1826 гг. А. К. Гриббе.

– В общем, я ему только о болезни сказал, не заикнулся даже, что недуг серьезен, а он из красного вдруг сделался белым, точно покойник, как затрясется всем телом, точно его холод могильный прошибает, а потом и того хуже, рыдать в голос начал!

– Действительно, странно. – Псковитинов внезапно вспомнил, как лично ему сообщили о болезни дочери, да обеспокоился, волновался, лошадь чуть до смерти не загнал, пока домой летел, но чтобы так!

– Потом сели в карету и велели гнать. Ну и мы все, разумеется, тоже с ним, куда денешься-то? Доктор с нами был, Миллер²⁵, вы скоро его увидите, он первым труп осмотрел, только дворовые Аракчеева к нашему приезду уже, почитай, все следы уничтожили, в порядок дом приводя.

– Канальство! – Псковитинов был вне себя от ярости. – Что дальше?

– На подъезде к селу, ну почти там, где я вас встретил, попался нам капитан пионерного²⁶ отряда Путятин, что как раз из села выезжал. Аракчеев его узнал, велел остановиться и вприпрыжку к нему: «Как Настасья Федоровна?! Что слышно?! Чем больна?! Какая помощь может понадобиться?!» А тот ему с удивлением: «Не нужно никакой помощи, ваше сиятельство, голова осталась на одной только коже».

Аракчеев как стоял, так на землю и грохнулся. Упал и биться начал, пена изо рта, глаза выпучены, лицо черное. Орет: «И меня убейте, с ней во гроб положите, жизни без нее нет!»

Насилу доктор его откачал. Какие-то капли в рот влил, а после мы его уже в карету на руках перенесли и дальше поехали.

Экипаж Псковитинова на секунду остановился у ограды господского дома, и тут же дежурный будочник отворил ворота, дабы гости могли въехать. Документы не досматривали, скорее всего, дежурный прекрасно знал, за кем поехал фон Фрикен.

Никогда прежде не бывавший у Аракчеева, Александр Иванович с любопытством оглядывал двухэтажный каменный особняк с высокими окнами. Дому было лет десять или около того, но, судя по газете, выпускавшейся в типографии губернского правления, здесь много раз бывал государь²⁷, часто гостили министры и иностранные послы. Карета остановилась у высокого каменного крыльца, по обеим сторонам которого игрались с каменными шарами два черных льва. Пристроившись возле правого царя зверей, согбенный старец в темной, потертой на локтях ливрее торопливо кланялся гостям, знаками приглашая их пройти в дом. Должно быть, старые ноги плохо слушались аракчеевского дворецкого, во всяком случае, тот не поспешил встретить гостей у нижней ступеньки, дабы со всем почетом препроводить их к своему господину.

– Ну, как барин? – Фон Фрикен дружелюбно потрепал старинушку по плечу, и тот услужливо затряс головой с неопрятными бакенбардами.

– Держится, но плохо... как бы он того, не дай бог, уж вы бы его надолго не оставляли, Федор Карлович. – Так убивается. Сил нет смотреть.

– Ничего, Агафон, вот следователь из самого Новгорода по приказанию его сиятельства пожаловал, он во всем разберется.

– Пущай следователь разбирается, но и ты, батюшка, уж не отходи от Лексея Андреевича. Он ведь ужас какой сильный. А что губернатор этот надутый или докторишка плюгавенький? Случись что, ведь не удержат.

– Докторишка только что дал Алексею Андреевичу капли и уложил его спать. Так что какое-то время можешь отдохнуть, любезный. – Вышедший из дома вслед за дворецким седо-

²⁵ Миллер Карл Павлович (Фридрих Карл) (2 июня 1788 г., Артерн на Унструте, Саксония – 12 апреля 1853 г., С.-Петербург) – военный врач, действительный статский советник.

²⁶ Саперного.

²⁷ Имеется в виду Александр I.

власый приятный господин в мундире военного врача, с чувством пожал руку Псковитинову. – Разрешите рекомендоваться, Миллер Карл Павлович, ближайший сосед Алексея Андреевича и ваш всепокорнейший слуга. Особым распоряжением приписан к ревизионной комиссии по военным поселениям.

– Как я понимаю, вы первым осмотрели труп? – перешел к делу Александр Иванович, когда за спиной его неожиданно возник, должно быть, выйдя из-под тени посаженных еще при Александре Меншикове дубов губернатор Дмитрий Сергеевич Жеребцов. Переселившись в эти места и разбив на свой вкус парк, Аракчеев оставил дубы, которые архитектор умудрился вписать в общий ансамбль таким образом, что они стали чуть ли не главной изюминкой всего садово-паркового комплекса.

– И где это вы, господин следователь, гулять изволите?! – враждебно начал Жеребцов, багровея лицом. Сильно выгоревшие волосы Дмитрия Сергеевича растрепались на ветру и теперь стояли наподобие хохолка экзотической птицы какаду. Сходство добавляли огромный с горбинкой нос и непривычные в этих краях, да и вообще где бы то ни было, синие круглые солнцезащитные очки.

– Прибыв из служебной командировки, был тотчас откомандирован по вашему личному приказу в Грузино, – спокойно выговорил Псковитинов, буравя ненавидящие стекляшки злобыным взглядом. – По дороге заехал к Петру Петровичу Корытникову, дабы получить от него разъяснения относительно дел, связанных с особой госпожи Шумской. Вы знаете, о чем я. – Последняя фраза была произнесена с вызовом.

– А кто уполномочивал вас заниматься делами давно мной закрытыми? Да еще и обсуждать их с человеком, не состоящим ныне на государственной службе?! Да я вас самого под суд за такое самовольство!

В этот момент Агафон охнул и на трясущихся ногах кинулся к дверям поддержать стоявшего там и, как казалось, готового грохнуть в обморок, пересчитав при этом все ступеньки, Аракчеева. На Алексея Андреевича был красный длинный халат, накинутый на манер плаща поверх батистовой, не первой свежести, сорочки. Судя по глазам, снотворное уже начало действовать, но Аракчеев все-таки нашел в себе силы подняться и выйти навстречу следователю.

– Здравствуйте, ваше сиятельство. Примите самые искренние соболезнования по поводу кончины вашей домоправительницы. – Псковитинов низко, но с достоинством поклонился Аракчееву. – Разрешите рекомендоваться, Александр Иванович Псковитинов, старший следователь Уголовной палаты Новгорода. – После чего обернулся к Жеребцову и, как ни в чем не бывало, продолжил начатый разговор:

– Я был вынужден, теряя время, ехать к Корытникову, потому как вы, закрыв дела об утоплении Синицина и о похищении ребенка Дарьи Константиновой, должно быть, позабыли отправить документы в архив. Мне же эти дела были необходимы для того, чтобы выяснить, а не имел ли кто зуб на покойницу.

– Настасью Федоровну убили мои дворовые люди. Их и следует судить, – выдавил из себя Аракчеев, вцепившись в плечо Агафона, доктор Миллер поддерживал его с другой стороны.

– Вот именно! – взвизгнул Жеребцов, подобострастно уставившись на Аракчеева.

– Разумеется, – кивнул Псковитинов. – Но что, если имел место сговор? Что, если эти люди действовали по чьему-нибудь наущению? Если в ходе следствия выяснится, что руку убийцы направлял некто со стороны, вы и тогда будете утверждать, что судить и казнить следует одних только исполнителей, оставив в стороне заказчика, а значит, главного виновника в смерти госпожи Шумской?

– Пусть делает как знает. Я заранее даю свое согласие. – Аракчеев сделал над собой усилие и выпрямился, держась за косяк двери. – И деньги, и вообще все, что вам нужно для расследования этого подлого дела. Что я могу для вас еще сделать? Пожалуйста, конкретизируйте.

– Для начала мне бы хотелось выслушать показания всех, кто был в доме, и всех кто приехал с вами, – быстро уразумев, каким тоном следует разговаривать со здешним хозяином, начал перечислять Псковитинов. – Мне нужно лично осмотреть тело и получить отчет от господина Миллера. Далее, если сей отчет меня не удовлетворит или останутся вопросы, мне понадобится вызвать судебного медика из Уголовной палаты Новгорода. Кроме того, я желал бы работать с помощником. Петр Петрович Корытников как раз занимался упомянутыми делами и быстрее кого бы то ни было войдет в курс дела. Кроме того, у меня всегда должен быть экипаж, готовый отправиться по моему поручению, и... человека три адъютантов.

– Вы получите все, да я еще и денег дам, сколько понадобится. – Аракчеев поманил Псковитинова к себе и, взяв его под руку, провел в дом.

– Но это невозможно, следовательно Корытников уволился! – забегая перед ними, зашептал Жеребцов.

– Петр Петрович Корытников достиг невероятных высот в сыском деле и мог бы послужить еще долгие годы для общей пользы, но вы, Дмитрий Сергеевич, изволили оскорбить его, нарушив все предписания, касаемые судопроизводства в нашей губернии и в империи в целом. Поэтому сделайте милость, езжайте к Петру Петровичу и принесите ему свои извинения, после чего попросите его незамедлительно приехать в Грузино.

– Но как же?! – От губернаторской рожи можно было прикуривать, такой красной она сделалась, круглые синие стекла казались мертвыми птичьими глазами.

– Делайте, как вам приказано! – рявкнул Аракчеев. И тут же обратился уже другим, более миролюбивым, тоном к явно произведшему на него благоприятное впечатление Псковитинову. – Я пойду к себе, отдохну, переоденусь и навещу вас. Агафон покажет ваши комнаты. – После чего Аракчеев действительно покинул компанию, оставив Псковитинова наедине с ненавидящим его Жеребцовым, доктором Миллером, фон Фрикеном и дворецким Агафоном.

Глава 4. Следствие началось

Характерно и то, что Аракчеев отклонил награждение высшим орденом империи – Андрея Первозванного, которым его отметил Александр I по результатам военной кампании 1808–1809 гг., мотивируя это тем, что он не принимал непосредственного участия в военных действиях, а потому такой высокой награды не заслуживает.

А. Н. Сахаров

– Пожалуйте по этой лестнице, ваши комнаты давно готовы. Вы без слуг? Так я выделю вам казачка порасторопнее. – Шаркая ногами, старец едва поспевал за стремительным Псковитиновым. Широкая белая лестница в четыре марша вела на второй этаж, скорее всего, к парадным залам. На стенах Александр Иванович заметил занятный лепной орнамент, снизу и сверху. Посередине на протяжении всего пути гостей сопровождали полотна, изображающие сцены из жизни греческих богов. Потолок был украшен хрустальными плафонами и картиной, изображающей рождение Венеры.

– Давно ли ты служишь здесь дворецким? – разглядывая полотна, поинтересовался Александр Иванович.

– Дворецким лет с тридцати, а до этого был и поваренком, и пажом, и... кем только ни был, пока дослужился. – Старик махнул рукой. – Только уволили меня лет пять тому. Вот видишь, барин, какая на мне старая ливрея? А все потому, что я сохранил ее у себя дома. Когда Настасья Федоровна погнала меня со службы, старый, мол, нерасторопный стал, я доживал свой век у племянницы и ее мужа. Ну и натерпелся. – Он вытер платком слезящиеся глаза. – После меня должность дворецкого перешла к Ивану Андреевичу Строилову²⁸. Изволил руки на себя наложить, греховодник. Да, страшно как, о-о-о, не приведи господи еще раз такое увидеть, горло себе перерезал. Вот я теперь на его могилку и хожу. Сначала, когда погнали, проклинал, было дело, а теперь молюсь за упокой души раба Божьего. Похоронили-то за оградой, потому как самоубийца. А я все одно хожу. Жалко человека потому что, плохо я об нем тогда думал, злился сильно. Думал, он, Строилов, Настасье Федоровне про меня чего наговорил, а он вишь ты... тридцать пять годков всего на земле-то пожил, солнышку порадовался... Сыновья теперь без него, без отца как же... А после него дворецким стал Иван Малыш²⁹, который до этого тоже был дворецким, но только во флигеле у Настасьи Федоровны. А так, чтобы на два дома, это он вот несколько дней как... Но это только так говорят, мол, малыш, на самом же деле он совсем даже не маленький, я бы даже по-другому сказал, да вы и сами скоро увидите, потому как он под арестом ныне. Оттого и меня спешно на старое место и призвали. Призвать призвали, а новой ливреи не дали...

– Отчего же Иван Андреевич с собой покончил? Известна причина?

– Как не знать. Настасья Федоровна в начале августа изволила погреб графский проверить и большую недостачу обнаружила. А Строилов помимо дворецких обязанностей за погреб этот проклятуший отвечал, у него и ключи имелись. В общем, посадили Ивана Андреевича в эдикюль, так Настасья Федоровна местную темницу приказала величать, недели две он там на хлебе и воде отсидел. За это время два раза принародно кнутом порот был, но ни в чем не сознался, не покался. Видя такое его упорство, Настасья Федоровна сказала, что де сил ее больше нет, с этим греховодником возиться и она передает дело его сиятельству.

Вот после этого Иван Андреевич и зарезался. Да-с. – Агафон перекрестился.

²⁸ Строилов Иван Андреев – крепостной крестьянин, дворецкий (родился около 1790 г., умер в 1825 г. в Новгородской губернии. Причина смерти – самоубийство (зарезался).

²⁹ Малыш Иван – проходил по делу об убийстве Анастасии Минкиной.

– Сидя в эдикюле, что ли, зарезался? – не поверил Псковитинов. – Или наперво выбрался?

– Про то я не ведаю, – смутился Агафон. – Про то мне люди рассказывали. Я же его только на похоронах и видел. А когда Иван Андреевич преставился, Настасья Федоровна за мной послала. Вот тогда-то старый Агафон и понадобился. Вот ведь как бывает. Теперь хорош стал. И то верно, кто еще господам так послужит, как старый Агафон послужит? Теперь же и вовсе в обоих особняках не слуги, а просто содом с гоморрой. После того как всю челядь Настасьи Федоровны под замок посадили, нагнали, понимаешь ли, с позволения сказать, слуг, а они ни дома не знают, ни погреба, ни конюшни, ничегошеньки не знают здесь, не ведают. Один Агафон все знает, всех и поучает. Пять лет назад старым был, а теперь вроде как помолодел! Чудо чудное, диво дивное. Вот они ваши комнаты, барин. Пришли уже.

– Зови меня Александр Иванович. – Псковитинов оглядел светлую обставленную модной мебелью залу с удобным широким столом и комплектом изящных стульев с витыми ножками и широким, в летнее время не отапливаемым камином, на котором возвышались массивные часы.

– А вот там спальенка, и рядом еще одна. А там комнатенка для личного слуги. А вот, – он вышел в ту же дверь, откуда они только что вошли, и Псковитинов был вынужден последовать за старым дворецким, – а вот тут у нас проходная комнатка, не изволили приметить, как ветер, пронеслись? Вот посмотрите, тут, когда в гости приезжают генералы или министры, обычно их адъютанты приказаний ждут. Тут все, что нужно для приятного времяпрепровождения. Стулья, вот столик, на случай если записать что понадобится или кушанье поставить. Печь фаянсовая, только мы ее летом не топим, а зимой – так в самый раз. Комнатенка, конечно, крошечная, проходная, но все же тут и отдохнуть можно. Вид на сад опять-таки.

Псковитинов с удовольствием осмотрел зеленоватые стены и стоящие у стены три стула с голубой обивкой. Комнатенка, действительно, выглядела немногим больше добротной собачьей будки и являлась как бы предбанником к основным апартаментам, но никто ведь не собирався здесь жить. С другой стороны, хорошо, что адъютанты, посыльные, вызванные на допрос люди, будут ждать не на всеобщем обозрении, а вот здесь, за закрытыми дверями.

Псковитинов кивнул и, снова пройдя в свою гостиную, направился к раскрытым окнам, машинально отмечая, что рама одинарная, впрочем, рано еще двойную ставить, вон какая жара стоит. Поглядел на раскинувшийся под окнами сад. Идти смотреть на труп не хотелось.

– Не знаешь ли, любезный, а кто из зодчих строил этот дом? Он перегнулся через карниз и только тут разглядел стоящий напротив усадьбы очаровательный особнячок с зеркальными окнами.

– Как не знать, – оживился старик, – Фёдор Иванович Демерцов³⁰, – по-стариковски растягивая слова, отрапортовал Агафон, – сейчас дворовые тебе по-быстрому что поесть принесут, голоден небось, барин, с дороги-то? Ужин позже будет, а теперь, может, кваску холодненького или кофею? Ты только прикажи. Холодная телятина есть, пироги, колбаска – готовить не надо, Петрушка с Дуняшкой быстренько чего на стол спроворят.

– От чашечки кофе не отказался бы да и телятину съем, отчего ж не съесть? В общем, скажи, чтобы принесли что имеется, на твое усмотрение. Перекушу, умоюсь с дороги – да и за дело. Да и скажи моему человеку, чтобы вещи сюда принес.

Старик развернулся отдать приказ, но в дверях уже стояли юноша и девчонка, оба никак не старше пятнадцати лет. Девушка ковырялась в носу. Ноги нового лакея были обуты в грязные лапти.

³⁰ Демерцов Фёдор Иванович (1762 г., Гульнево – 1823 г., Петербург) – петербургский архитектор из крепостных крестьян, работавший на рубеже XVIII и XIX вв.

– Ну, слышали, что барин приказал, Александр Иванович! – продемонстрировал дворецкий чудеса памяти. – А ну, быстро! Дом этот строил Федор Иванович Демерцов, сам из крепостных князя Трубецкого³¹. Сын простого садовника, а на архитектора выучился. А потом, только ты уж не осерчай, батюшка, потом этот самый Федор Иванович вроде как хозяйскую дочку обрюхатил, а хозяин вместо того, чтобы запороть негодника, их поженил. Ее Лександрой³² звали. И она приезжала, помню, красивая такая барынька. Федор Иванович и этот дом построил, и флигель, на который ты изволил только что любоваться, и много всего здесь. На все про все пятнадцать лет положил. Ну не один, понятное дело, строил, но за мастерами строго доглядывал. Сам из крепостных, а свой свояка видит издалека. Знает, за людишками глаз да глаз нужен, а иначе забалуют. Он еще не все закончил, когда в 1810 году, государь император Александр Первый³³ в гости к барину пожаловал. Ему тут все очень понравилось. Он потом много раз приезжал, в доме есть специальные царские покои. А в покоях, не поверите, не кровать, а диванчик мяконький. Он там всегда останавливается. И строго-настрою Алексею Андреевичу запретил диванчик этот менять. Говорит, на нем ему слаще спится. – Старик улыбнулся, показав голые розовые десны. – А потом, пять лет назад, Василий Петрович Стасов³⁴ за дело взялся и, как бишь его, Мартос Иван Петрович³⁵ чугунную колоннаду изваяли со скульптурой в центре, изображающей апостола Андрея Первозванного. В тот год меня и погнала Настасья Федоровна. – Старик вынул из кармана платок и шумно высморкался. – Неблагодарная...

Петрушка и Дуняшка, весело перешептываясь между собой, поставили на стол нарезанную, ломтями в ладонь шириной, холодную телятину, ветчину, блюдо с пирогами в виде лодок, а также огромную кружищу кофе. При виде которой бедный Псковитинов подумал было, что молва права, и каналья Аракчеев действительно шпионит за всем и за каждым, уж больно быстро его люди умудрились разведать привычки скрытного следователя. Кофе был его любимым напитком, и дома он действительно пил его чуть ли не бадьями. Но это дома, а не в гостях, тем более не в доме самого генерала Аракчеева!

– Дуняшка, что за посуда?! – возвысил голос Агафон.

– Какую нашла, дедушка, – еле слышно пролепетала девочка.

– Так спросить надо было, в голубом шкафчике сервиз стоит, чашечки крохотные, нешто за два дня не приметила? А ну, быстро замени эту сраматищу.

– Оставь ее. Пусть еще принесет в правильной чашке, а я теперь это выпью. Не сухомыткой же питаться, – быстро оправился от потрясения Псковитинов.

– Еще что-нибудь изволите, ваша милость? – Старик переминался с ноги на ногу, судя по всему, стоять ему было тяжело. Мимо, руководимый пронырливой Дуняшкой, кучер Ермолай нес тяжелый чемодан барина.

– А не подскажешь ли ты мне, Агафон, находится ли в услужении у графа кормилица его... – Он задумался, как бы мягче высказаться относительно байстрюка. – Как ее? Лукьянова.

– Аглайка-то, так как барчуку она стала без надобности, Анастасия Федоровна отправила ее за реку, в деревню Бабино, там у его сиятельства военное поселение организовано, комен-

³¹ Князь Трубецкой Пётр Никитич (4 (15) августа 1724 – 12 (23) мая 1791 г.) – русский сенатор, литератор и библиофил из рода Трубецких, владелец усадьбы Нескучное.

³² Александра (176... —?) – с 1786 г. жена Фёдора Ивановича Демерцова, крепостного своего отца, получившего свободу в 1784 г., впоследствии известного архитектора.

³³ Александр I Павлович (12 (23) декабря 1777 г., Санкт-Петербург – 19 ноября (1 декабря) 1825 г., Таганрог) – император и самодержец Всероссийский (с 12 (24) марта 1801 г.), протектор Мальтийского ордена (с 1801 г.), великий князь Финляндский (с 1809 г.), царь Польский (с 1815 г.), старший сын императора Павла I и Марии Фёдоровны. В официальной дореволюционной историографии именовался Благословенный.

³⁴ Стасов Василий Петрович (24 июля [4 августа] 1769 г., Москва – 24 августа [5 сентября] 1848 г., Санкт-Петербург) – русский архитектор.

³⁵ Мартос Иван Петрович (1754 – 5 (17) апреля 1835 г.) – выдающийся русский скульптор-монументалист.

дантская рота. Прачкой или при кухне устроена. В прошлом месяце его сиятельство изволил шесть человек туда на порку гонять. Там у него специально обученные люди – мастера... Так, сказывали, видели там Лукьянову-то.

– Спасибо, Агафон, ты свободен, доктора Миллера пришли, если он, конечно, не занят графом.

Когда старик ушел, Александр Иванович отметил в своем блокнотике подозреваемых имя дворецкого Агафона. Собственно, он не верил, что немощный старец мог зарезать некогда уволившую его барыню, но факт, что после ее смерти и, главное, ареста всей прислуги он вернул себе место. Псковитинов представил себе старого, больного Агафона, живущего как обыкновенный приживала в доме родственников, которые, возможно, попрекали свалившегося им на голову старика куском хлеба. Кем был Агафон до своей отставки? Первым человеком в грузинском дворце! Его боялись, с ним советовались, он принимал на службу, судил, рядил – в общем, был на своем месте, и место это считалось весьма завидным. А потом, из-за прихоти какой-то шалавы без роду, без племени...

Несомненно, воцарение в доме бывшей крепостной не может не ранить нежные сердца прислуги. До того как Павел I³⁶ передал землю со всеми живущими на ней крестьянами Аракчееву, все здесь принадлежало светлейшему князю Александру Меншикову³⁷ и его потомкам. При бывшей деревянной усадьбе, которую, должно быть, снес Демерцов, росли поколения домашних слуг, маленький ребенок поступал во служение в звание казачка, на подай-принеси, поваренка, помощника конюха, и постепенно, как это было и с Агафоном, постепенно поднимались по служебной лестнице. Для них вчерашняя крепостная девка в графской постели, может быть, и нормальное явление, но крепостная, ставшая домоправительницей, да еще и дворянкой!

Псковитинов занес себе в блокнот непременно выяснить, на каком-таким базаре Бухмейер приобрел Минкиной предков.

Итого выходило что, так или иначе, заинтересованы в смерти графской наложницы друзья и товарищи управляющего Синицына, имена которых Псковитинову предстояло выяснить. Бывшая жена, которую, возможно, несправедливо выбросили из дома, Дарья Константинова – у нее Минкина отобрала сына. Сначала утративший место, а затем вернувший его себе после смерти госпожи старый Агафон. Начало было положено, Александр Иванович с аппетитом прихлебывал дурно приготовленный кофе, заедая телятиной и пирогами. В дверь постучали, на пороге стоял доктор Миллер.

– Ну и жара, а попробуй я, к примеру, чуть расстегнуть мундир? Уверен, его сиятельство моментально позабудет про убийство, дабы отчитать меня, грешного, и отправить на гауптвахту. – Карл Павлович протирает лицо не первой свежести платком.

– Вас забрали с самой ревизии? – припомнил Псковитинов.

– Для нее так и разodelся. Думал, выслушаю, какие нарекания по медицинской части, и можно отдохнуть, а тут...

– Сочувствую, – ухмыльнулся следователь, жестом приглашая доктора присесть.

– Я ведь, доложу я вам, по природе своей совсем не военный человек. Для меня мундир, любой мундир – насилие над личностью. Кстати, вот вы, зная, что едете к его превосходительству, отчего не оделись по форме?

³⁶ Павел Петрович (20 сентября [1 октября] 1754 г., Летний дворец Елизаветы Петровны, Санкт-Петербург – 12 [24] марта 1801 г., Михайловский замок, Санкт-Петербург) – император Всероссийский с 6 (17) ноября 1796 г., Великий магистр мальтийского ордена, сын Петра III Фёдоровича и Екатерины II Алексеевны.

³⁷ Граф (1702), князь (1705) Александр Данилович Меншиков (6 (16) ноября 1673 г., Москва, Русское царство – 12 (23) ноября 1729 г., Березов, Сибирская губерния, Российская империя) – русский государственный и военный деятель, ближайший сподвижник и фаворит Петра I, генерал-фельдмаршал (1709), первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1703–1724 и 1725–1727), президент Военной коллегии (1719–1724 и 1726–1727). Единственный русский дворянин, получивший от русского монарха титул герцога («герцог Ижорский», 1707 г.).

Псковитинов хмыкнул, вошедшая за доктором Дуняша поставила на стол кувшин холодного кваса и пару стаканов, каждый из которых она предварительно зачем-то вытерла кружевным фартуком, ее приятель нес крошечную чашку кофе.

– Не рекомендовал бы я вам кофе в такую жару, – покачал головой Миллер. – Ко всему прочему совершенно непонятно, как и из чего они его тут теперь готовят. Кухмейстер и его люди арестованы, а тех, что набрали...

Не дожидаясь нерасторопной прислуги, Псковитинов сам налил доктору кваса.

– Желаете осмотреть труп? – Миллер отхлебнул холодного напитка.

– А что делать? – Псковитинов подвинул доктору блюдо с пирогами. Но тот отказался.

– Только предупреждаю, я не судебный медик, с трупами, постольку-поскольку дело имел. Мои пациенты обычно обращаются с кашлем, лихорадкой или подагрой. Впрочем, если готовы, пойдете.

Они поднялись, Псковитинов вытер губы вышитой салфеткой, машинально отмечая на ней две буквы «А» и «Ш» – Анастасия Шумская. Получается, что домоправительница снабжала своими инициалами салфетки в личных покоях его сиятельства. Характерная подробность.

Вместе они прошли по белой лестнице, застланной синеватым пушистым ковром, и свернули в сторону широкого зала, у дверей которого преспокойно сидел Жеребцов с «Еженедельником для охотников до лошадей»³⁸ в руках. При виде Псковитинова и Миллера он поспешно поднялся, оставив чтение.

– Для повторного осмотра трупа нам понадобятся, по крайней мере, два свидетеля и пара мужиков перенести тело, – не дожидаясь, когда губернатор снова начнет вопить, опередил его следователь. – Его сиятельство, должно быть, желает поскорее предать земле останки госпожи Шумской, так что лучше бы не задерживать. Вы могли бы пригласить сюда пару офицеров из ревизионной комиссии? И еще кто-то должен вести протокол осмотра.

Жеребцов кивнул, было件нятно, что оскорбившего его Псковитинова он не собирается прощать так быстро. Впрочем, в сложившихся обстоятельствах, прогнать наглого следака он тоже не мог.

Как и предупреждали заранее, покойница лежала во гробе, одетая положенным образом и подготовленная к погребению. Псковитинов огляделся, нежно-зеленые стены залы были богато украшены белым лепным орнаментом. Он где-то даже читал, что этот стиль, по мнению зодчих, соответствовал традиции росписи античных вилл и вошел в моду при государыне Екатерине II³⁹. Широкий стол с ножками в виде грудастых грифонов и покрывающим всю столешницу большим панно, цветочный узор которого был выложен из всевозможных полудрагоценных камней, показался более чем удобным для осмотра тела. Если бы, конечно, эту махину удалось сдвинуть поближе к окну. На крошечном столике у изголовья возвышался букет с белыми розами. При ближайшем рассмотрении ваза оказалась греческой, или выполненной в греческом стиле, по крайней мере, на ней изображались юноши и девушки в античной одежде. Похожие вазы стояли на специальных подставках у стен. Все они сочетали в себе светло-зеленые и розовые тона, что могло говорить о том, что вазы либо специально покупались для этой комнаты, либо были выполнены особым заказом. В северной части комнаты обнаружился эффектный мраморный камин с кронштейнами в виде львиных голов и лап. Скорее всего, в иное время эта комната использовалась как столовая, в которой принимали высокопоставленных гостей. Александр Иванович с сожалением оторвался от разглядывания окружающей его обстановки.

³⁸ Еженедельник для охотников до лошадей издавался в Москве в 1823 г. П. Цорном. В следующем году издание продолжалось под заглавием: «Записки и т. д.». Это первое издание в России, посвященное конному спорту.

³⁹ Екатерина II Алексеевна Великая (урожденная София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская, в православии – Екатерина Алексеевна; 21 апреля [2 мая] 1729 г., Штеттин, Пруссия – 6 [17] ноября 1796 г., Зимний дворец, Петербург) – императрица всероссийская с 1762 по 1796 г.

– Где было обнаружено тело? – В ожидании понятых Псковитинов вертел головой, пытаясь сохранить в памяти как можно больше деталей.

– Во флигеле, где и жила Анастасия Федоровна. Желаете до осмотра трупа взглянуть на место происшествия? Только там уже почти все прибрали, – поспешил с ответом Миллер.

– Раз прибрали, то не к спеху.

По лестнице застучали сапоги, и вскоре в комнату вошли трое офицеров, в одном из которых Псковитинов не без удовольствия узнал фон Фрикена. Следом шел не в меру энергичный Жеребцов, за которым тащились два парня в простых синих рубахах. В руках самого молодого офицера имелась папка с бумагами, следом мальчишка нес чернильницу и перо.

– Добрый день, господа! – поприветствовал вошедших следователь. – Тот, кто будет вести протокол, может расположиться за маленьким столиком, вот за тем, ага, остальных я попрошу внимательно следить за работой доктора и моей.

Увидев, что молодой человек с папкой занял предложенное ему место, Псковитинов кивнул Миллеру, и вместе они подошли к покойнице. – Ну-ка, парни, перетащите большой стол ближе к свету, хорошо. Теперь аккуратно возьмите тело и положите его на стол.

– Голову придерживайте! – вовремя подскочил Миллер. – Голова-то...

– Делайте, как велит доктор! – рявкнул Жеребцов. Губернатор принципиально старался не смотреть в сторону Псковитинова, но следователя такое отношение не беспокоило. Восемьдесят миль до Новгорода, когда еще пришлют другого дознавателя, да и кого пришлют? Корытников уволился, у Иванова отпуск, у недавно поступивших новичков еще молоко на губах не обсохло. Новые кадры, их бы теперь прислали у опытного следователя учиться, уму набираться, но распутывать такое дело в одиночестве...

Перекрестившись и наскоро произнеся молитву, мужики извлекли тело из гроба и, тщательно поддерживая голову покойницы, в последнем им помогал доктор, положили труп на стол.

– Тело следует раздеть. – Псковитинов не спешил приступать к осмотру, наблюдая за происходящим как бы со стороны.

– Но ведь только обрядили? – вырвалось у одного из мужиков.

– Обрядите еще раз, да и не в кровавое, ишь как пропиталось! Так хоронить все одно нельзя, – нетерпеливо потирал руки Жеребцов.

– Возьмите ножницы и аккуратно срежьте с тела всю одежду. Чтобы ни тряпки не осталось. – Псковитинов спокойно наблюдал за происходящим, его время еще не настало.

Миллер извлек из саквояжа ножницы и принялся аккуратно срезать дорогое платье. Отвернувшись к окну, Александр Иванович разглядывал красивую клумбу с какими-то розовыми цветочками. Доктор отлично знал свое дело, что же до Жеребцова, несмотря на то что он тут был явно не нужен, губернатор от чего-то не желал утомиться и хотя бы немного отдохнуть.

Тело было готово к осмотру, и лишь лицо покойницы покрывала пропитанная запекшейся кровью вуаль. Когда Миллер снял и ее, воспользовавшись на этот раз не ножницами, а влажным полотенцем, Псковитинов глубоко вздохнул и подошел к столу.

– Начинайте, Карл Павлович, – попросил он, ощущая спиной, как напряглись стоящие рядом понятые.

– Производится повторный осмотр тела Анастасии Федоровны Шумской, – затараторил Миллер. – На теле присутствуют многочисленные ножевые раны в области живота, вот извольте посмотреть, в области груди, шеи. Обратите внимание, раны на горле настолько глубокие, что можно разглядеть шейные позвонки. Но, это важно, по следу ножа нетрудно заключить, что проделано сие было в несколько приемов. То есть имело место несколько, как бы это сказать, режущих движений. Далее, пальцы жертвы сильно повреждены, вот посмотрите, этот, можно сказать, и вовсе отрезан, это говорит о том, что госпожа Шумская оказала своему

убийце или убийцам отчаянное сопротивление, она хватала нож за лезвие. Кроме этого, губы жертвы также разрезаны. Как мы видим, тут движение уже не режущее, а колющее. – Взяв в руки какой-то инструмент, он открыл рот покойницы и, внимательно осмотрев язык, сообщил, что тот тоже надрезан.

После этого Миллер тщательно, сантиметр за сантиметром, осмотрел все тело жертвы, не найдя более серьезных повреждений.

Псковитинов был доволен осмотром, когда Миллер закончил свое дело, Александр Иванович внимательно изучил ногти жертвы, два оказались обломаны, скорее всего, тот, с кем дралась Шумская, вышел из боя с заметными царапинами. Кроме того, одежда убийцы явно была вся в крови. Велев снова готовить покойницу для погребения, следователь забрал господ офицеров во флигель, принадлежащий бывшей домоправительнице, где надеялся найти еще что-нибудь. К сожалению, пол в китайской гостиной, где была убита Минкина, тщательно вымыли. Кстати, это был не просто пол, а дорожный наборный паркет, выложенный в виде цветов и китайских зонтиков, а софу, возле которой произошло убийство, отправили на задний двор, где собирались вскорости сжечь. Псковитинов встал посреди комнаты, изучая обстановку.

Китайская комната – ничего из ряда вон необыкновенного, начиная с XVIII века в России, вслед за Европой, возник интерес к искусству Китая. И Псковитинов на своем веку повидал немало образцов «китайщины» разной степени дороговизны и вкусовых достоинств. Здесь же восточная тема прекрасно сочеталась с элементами классического интерьера. Живописный плафон с изображением драконов и обезьян прекрасно смотрелся рядом с лепным золоченым фризом⁴⁰ и белым мраморным камином.

Стены были обиты светло-голубым китайским шелком с изящной росписью, в том месте, где стояла софа, на стене виднелись пятна, скорее всего, кто-то из слуг безрезультатно пытался оттереть впитавшуюся в материю кровь.

Разобравшись с комнатой, Александр Иванович прошел на задний двор, где внимательно осмотрел испорченную кровью мебель, силясь отыскать еще хоть что-нибудь, но, увы, в этой части расследования удача оставила его.

– Обнаружено возле тела. – По приказу Жеребцова один из офицеров протянул Псковитинову завернутый в тряпицу предмет. Огромный мясницкий нож весь в крови. – Доктор Миллер сказал, что разрезы на теле соответствуют этому, м-м-м, инструменту.

– Хорошо. – Пройдясь по особнячку домоправительницы, Псковитинов вполне удовлетворился обследованием. – Не мог бы кто-нибудь указать, как именно лежало тело? На софе только брызги крови, стало быть, убивали ее на полу. В каком часу было обнаружено тело и, кстати, кем?

– Насколько я успел выяснить, – заложив руки за спину, Жеребцов принялся прогуливаться перед носом Псковитинова, – насколько я успел выяснить, тело было обнаружено 10 сентября в седьмом часу утра. – Он сделал паузу, давая ведущему протокол офицеру записать за ним. – Обнаружила комнатная девушка, по имени... – Он извлек из кармана небольшой блокнот и, полистав, прочитал: – Прасковья Антонова⁴¹.

Веранда, извольте посмотреть, справа от вас, – Жеребцов сделал приглашающий жест рукой, – служила местом, откуда госпожа Шумская утром отдавала распоряжения дворне. Но 10 сентября Настасья Федоровна не вышла к челяди. Сначала подумали, что она заспалась,

⁴⁰ Архитектура Средних веков определяет фриз как отделку верхней части сооружения в виде сплошной полосы, которая часто служит украшением. Полосу зачастую украшают орнаментом, росписью либо скульптурным рельефом. В искусстве Китая такого украшения, равно как и беломраморного камина, нет, поэтому Псковитинов заостряет внимание на непривычном сочетании Востока и Запада.

⁴¹ Антонова Прасковья (1804 г., село Грузино, Новгородская область – 1825 г., Чудовская волость, Новгородская губерния, Россия) запорота кнутами по приговору суда. Дочь Антона Игнатъева и Натальи Кононовой. Сестра Василия Антонова и Николая Антонова.

прождали полчаса, час... начали беспокоиться. Послали Антонову. Она обнаружила Настасью Федоровну в той комнате, залитую кровью, на полу. Я лично знал госпожу Шумскую, мне тяжело все это. – Жеребцов снял очки и коснулся глаз батистовым платком. – Впрочем, меня здесь не было, при этом деле присутствовал общинный голова Шишкин. Я сейчас велю его к вам прислать. По горячим следам, расследование начал полковник фон Фрикен, который, собственно, и принял на себя командование. Он лучше меня все изложит. Прошу вас, Федор Карлович, произведите доклад.

– Так как Алексей Андреевич в некотором роде, как бы это сказать, оказался в расстроенных чувствах, я приказал заковать в кандалы и отправить в местную тюрьму всю дворню Анастасии Федоровны – двадцать четыре человека. Тюрьма находится в имении, с задней стороны от особняка госпожи Шумской, прямо в саду. Я вам ее покажу. После чего я отправил письмо Дмитрию Сергеевичу в Новгород, тот прислал ответ, что едет лично, а также упредил о вашем приезде.

– Эдикюль от нас никуда не денется, посмотримся еще. А сейчас я хотел бы допросить некоторых лиц, и составим список подозреваемых, коли вы его еще не составили. Полковник Фон Фрикен пойдет со мной, еще я возьму молодого человека, ведущего протокол, и доктора Миллера, когда он освободится, хотел бы, чтобы наготове всегда были люди, которых можно будет отправить с поручениями. Как насчет Корытникова?

– Отправил ему письмо, – раздраженно бросил Жеребцов и, к радости остальных участников осмотра, первым поставил под протоколом свою подпись и откланялся.

Глава 5. Аракчеев

*Готов и ревностен отечеству служить,
Царю и в обществе умеет быть полезным;
Уединясь – с собой умеет в мире жить,
С друзьями быть любезным.*

М. В. Храповицкий⁴². «К хозяину», 26 декабря 1809 г.

Чертов доктор, что за гадость велел выпить? Голова все равно болит да еще и кружится, пол ходит ходуном, точно палуба корабля. А может – жизнь и есть корабль, плывущий то по приказу своего капитана, а то по воле волн? Всю жизнь я старался быть капитаном на своем корабле. Следил за каждой мелочью, каждым своим шагом, движением, жестом.

Чего достигли мои предки? Честно скажу, мало чего достигли, жил когда-то на земле Иван Степанович Аракчеев⁴³, новгородец, которому за отличную службу было пожаловано дворянство и вотчины в Новгородском уезде, в Бежецкой пятине, в Николаевском погосте, в Модлине пустоши. В то время нашими – аракчеевскими числились деревни Клобуки, Санникова, Игначиха, Шепилова, еще в Тихвинском погосте пустошь Пушенная, что на реке Волчих. Вот самое большое достижение предков. Далее... потомок этого самого Степана Аракчеева и тоже Степан Аракчеев дослужился всего лишь до капитана, один из его детей, Василий Степанович, участвовал в турецком походе под предводительством графа Миниха, был ранен под Очаковым и уволен от службы с чином генерал-поручика. Его племянник и мой отец Андрей Андреевич⁴⁴ в чине всего-то армейского поручика служил в гвардии в Преображенском полку, но не дослужился, раньше времени запросился в отставку. После чего жил в своем поместье в двадцать душ крестьян. В общем, не роскошествовали, хотя и не голодали.

В доме я был старшим ребенком, и отец возлагал на меня особые надежды, отчего и занимались со мной более, нежели с братьями Петром⁴⁵ и Андреем⁴⁶. Впрочем, не только служба показалась не в меру затруднительной для родителя моего, учить меня ему тоже быстро разонравилось. Так что заботу эту он благополучно передоверил сельскому дьячку, при одном воспоминании о котором у меня и сейчас невольно сжимаются кулаки. Так бы и врезал по глупой харе. Истинное чудо, что я тогда у него хоть чему-то смог научиться. Впрочем, я рано заинтересовался математикой. Задавал сам себе сложнейшие примеры, которые решал в уме, исключительно для собственного удовольствия и приятности времяпрепровождения.

⁴² Храповицкий Михаил Васильевич (1758–1819) – предводитель дворянства Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, близкий знакомый Аракчеева. Как сообщал Н. В. Сушков, «Храповицкий, будучи предводителем дворянства, отправил Аракчеева в числе прочих бедных дворян Тверской губернии в С.-Петербург, для воспитания в кадетском корпусе: “Чувство признательности никогда не умирало в строгом сердце Аракчеева. Это лучшая способность его души”».

⁴³ В «Родословной книге» (изд. «Русской старины») генеалогия Аракчеевых начинается словами: «Грамотой царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 6 марта 1695 г. новгородец Иван Степанович Аракчеев “за службу предков и своего отца и за свою собственную службу во время войны с Польшей при царе Алексее Михайловиче” пожалован в вотчину пустошами в Бежецкой пятине, в погостах Никольском и Петровско-Тихвинском, в тогдашнем уезде Новгородском».

⁴⁴ Аракчеев Андрей Андреевич (1732–1797) – отец Алексея Андреевича Аракчеева.

⁴⁵ Аракчеев Петр Андреевич – брат графа А. Аракчеева (17 авг. 1780 г. – 1844 г.). Был флигель-адъютантом императора Александра I, генерал-майор.

⁴⁶ Аракчеев Андрей Андреевич (19 нояб. 1772 г. – 22 авг. 1814 г., Брянск Орловской губ.). Отец – поручик гвардии Андрей Андреевич. Брат – генерал от артиллерии Алексей Андреевич. Участвовал в Русско-шведской войне 1808–1809 гг., в Заграничных походах 1813–1814 гг. (1813 г. – в осаде Торна).

Куда больше учила меня родимая матушка, Елизавета Андреевна⁴⁷, которая тащила на себе все хозяйство, сама вела подсчет всем расходам и завела в доме настолько образцовый порядок, что даже приезжающие в гости к отцу немцы не раз удивлялись, насколько фрау Эльсбет не походит на русских женщин. От матери я приобрел привычку к ежедневному труду, а также к пунктуальности и аккуратности.

К слову, не раз слышал, как за спиной меня величают редким педантом, мол, застрашал всех дисциплиной и распорядком. Но как же без этого? Вот веду я прием у себя в петербургском дворце на углу Литейного и Кирочной, пришел в кабинет ровно за три минуты, чтобы успеть выслушать отчет адъютанта о ожидающихся аудиенции просителях. Пока проходил через приемную, видел собравшихся, заметил несколько знакомых лиц. Все вроде правильно, все по плану. Но вот минутная стрелка шагает раз, другой, третий... встает на цифру 12. Время начинать прием, а моего адъютанта нет. И что прикажете в таком случае делать? Самому идти двери открывать, самому приглашать? Да ведь разве ж я могу всех, кто там собрался, лично знать? А коли не знаю, как решить, кого первого приглашать? Это адъютант должен и обязан всех расспросить, переписать и затем, согласно Табели о рангах, приглашать. Иной отставной генерал запросто может в штатском заявиться – и конфуз выйдет, если, приглашая пройти в кабинет, это обстоятельство не учтешь. Не для того уставы писаны, чтобы их нарушать. Иной бахвал начитается аглицких книжонок и мечтает де, когда заступит на мое место или сядет в любое другое начальственное кресло, утвердив в нем свою задницу, так будет вызывать к себе по очереди, кто, когда пришел. Смешно, да и только, так, полковника он примет позднее, а стало быть, хуже, нежели какого-нибудь отставного заседателя.

Нет уж, Россия просвещенная держава, и такого тут никто не попустит.

Или, скажем, я комиссию назначаю, точное время начало проверки, точное – окончания, затем время на отдых и обед, время на дорогу, и новая проверка. Для чего нужна такая точность? А чтобы не расслаблялись на местах. Иной раз, действительно, приходится опаздывать, отчего чиновники вынуждены ждать, не ведая, когда приедет начальство. Только я этого не люблю и не понимаю начальство, которое себе в угоду когда хотят на службу являются. Если время правильно рассчитать, то обычно еще и чуть заранее выходит, нужно только, чтобы все подчиненные в назначенное время на своих местах или, где им назначено, находились.

Говорят, мол, я жесток. А что сделаешь, если иные слов не понимают? Один раз скажешь, другой, а на третий назначаешь наказание. Причем замечено, пока подчиненных по головке гладишь, они тебе на спину норовят плюнуть. А чуть покруче зажал, так вроде как и опомнились: «честь имею служить». А все почему? Из-за привычки от дела отлынивать. По нашему всегдашнему русскому «авось» живут, так и служат, так и помрут, ничегошеньки не успев сделать ни на благо державы, ни ради близких и родных. Зачем сукно на форму для личного состава проверять, все одно служивому обмундирования надолго не хватает? Не проверяют, за гнилье деньги из казны платят, и немалые ведь деньги. А солдаты потом мерзнут! Приходится за всем доглядывать, самолично лезть на склады, вытаскивать рулоны материала, метр за метром скрупулезно проверять... чай, себе-то покупая, все проверят. А солдату что же? На боже, что нам не гоже! В лицо, разумеется, не смеются, но за глаза... Как иначе можно приучить подчиненных работать? Только на личном примере, на одном складе полотно досмотрел, и где грязь или какую порчу углядел, сразу на вид. Оштрафовал, на гауптвахту определил, на следующем складе, поди, сами поторопятся вперед комиссии проверить и, коли что, меры принять.

Помню, как-то раз великий князь Павел Петрович пожелал провести смотр гатчинских войск. Время было назначено на полдень. Без пяти минут двенадцать все войска собраны и построены, но Павел Петрович, должно быть, забыл про смотр. Час стоим, полтора, два... по строю ропот идет. Наконец не выдержал какой-то ротный, ушел, за ним другой, кругом и

⁴⁷ Аракчеева Елизавета Андреевна. Мать 1-го графа Аракчеева, умерла в 1820 г.

в казарму, третий, четвертый... Остался лишь я и моя батарея. Поворачиваюсь к ребятам и держу такую речь, дословно сейчас уже не помню, давно дело было, но в общих словах так: «Случись война, стояли бы? Держали рубеж?» Они как грянут: «Стояли бы, держали». «Вот и теперь стойте и держите. Без приказа ни шага назад». Стоим, солнце печет, мимо нас посыльные да мелкие служащие по своим делам, точно мухи, туда-сюда шныряют. Стоим. И вот вдруг открывается дверь, и из левого флигеля выходит сам великий князь в окружении нескольких придворных, обедать собрался. На нас воззрился удивленно, мол, чего стоим-то?

Тут я осмелел, вперед вышел и, печатая шаг, раз-два, раз-два, к его императорскому высочеству. А тело-то ноет, а ноги-то от долгого стояния задубели. Ну, дошел как-то. И рапортовую, мол, явились по его приказу. У цесаревича аж слезы из глаз брызнули. Обнял он меня, потом к солдатам моим пошел. Смотрел так, словно рублем каждого одаривал. Фамилию мою спросил, запомнил, поблагодарил за службу и с Богом отпустил.

Вот после этого нашего «великого стояния» стал Павел Петрович меня от всех прочих отличать. Когда же милостью Божьей на престол взошел, сделал меня сначала комендантом Санкт-Петербурга. Придворные потом говорили, что такого коменданта, как я, в жизни никогда не было и опосля не будет, потому как в любое время дня и ночи по первому зову к его величеству являлся. Шутили, де я не моюсь и сплю в одежде и сапогах. Вранье. Много бы я достиг при дворе-то, не мывшись? Из усердия научился в минуту полностью одеваться, специального слугу всегда при себе держал, чтобы помогал. Вышколил его и парикмахера еще, чтобы только моими были, чтобы никуда не отходили, чтобы в любое время дня и ночи. Сработало.

В день коронации – великий для всей России день 5 апреля 1797 года был я возведен в баронское достоинство и встал в ряды александровских кавалеров. Герб нарисовали, и к нему сам его величество приписал недрогнувшей рукой: «Без лести предан». Проходят две недели, и я получаю новое назначение – генерал-квартирмейстер всей армии. Еще через два года возведен в графское достоинство. Когда же государь почил вбозе, я продолжил служить новому императору – сыну его, Александру Павловичу. Долгое время оставался начальником всей артиллерии, но потом его величество, видя старания мои, назначил меня на пост военного министра. Впрочем, эта должность оказалась не по мне, и очень скоро, по моей же просьбе, я был назначен генерал-инспектором всей пехоты. Потом...

Вот как бывает, меня отличили, вызвали из ничтожества. Я, рожденный в бедной семье, поднялся по служебной лестнице и достиг всего не связями наверху, не подарками власть имущим, а исключительно собственным трудолюбием и рвением, полагаясь на Бога, но делая все, что только могло быть в силах человеческих.

Вот и рассудите, назвать меня жестоким или требовательным? Дотошным или пунктуальным? Дело я делаю или самолюбие свое тешу? Есть от меня польза отечеству или вред и себялюбие? Кстати, о себялюбии, вот если нарочно пробраться в мою гардеробную и посмотреть, сколько там в шкафах платья. И что же, там только та одежда, которая положена мне в связи с занимаемым мной положением, мундиры парадные и каждодневные, пара халатов, которые я, правда, редко ношу, да для верховой езды костюм, чтобы в редкие часы отдыха на охоту съездить. Есть еще отдельный гардероб, он и расположен в другой комнатке, чтобы, замаскировавшись до полной неузнаваемости, по улицам ходить да доглядывать, где что деется. Никаких украшений, как только заслуженные мной награды, не признаю. Чай, не баба, чтобы себя украшать. Крест нательный – тот самый, которым крестили, на пальце крошечное колечко с надколотым камешком, память о батюшке. Стригусь коротко, чтобы ничего не мешало, разумеется, по моде, при дворе без этого ни-ни, бреюсь тщательно, часто по три раза на день, так как волос от природы темен, упрямя, и малое нерадение – подбородок и щеки делаются синюшными. Ногти стригу коротко.

Была у меня законная жена, но да была и сплыла, об ней и говорить-то неприятно. Раз в месяц положенное содержание в Липные Горки шлю и никогда не пишу. Есть... была любимая

женщина, краше которой во всем белом свете нет, единственное мое сокровище, не просто полюбовница, а единственный в мире человек, с которым я всегда мог поговорить по душам. Сердце раскрыть.

Да, по службе меня ревновали мои же сверстники и люди постарше, гадости шептали, пытались перед Павлом Петровичем, потом перед Александром Павловичем доброе имя Аракчеева в грязи вывалить. Не вышло, добрались-таки, дождались, когда я по делам служебным был вынужден уехать и... По самому дорогому, по самому больному. Настя! Двадцать пять лет жизни с тобой! Как же так, милая моя? Знаю, не было твоей вины в том, что одолели тебя изверги. Видел, сопротивлялась ты до последнего, нож вырывала из предательских рук, раны твои страшнющие видел. Бедная моя, несчастная девочка. Спи теперь спокойно в своем гробу, а я уж не заставлю тебя долго себя дожидаться. Помру, как Бог мне велит, явлюсь, как предпишет небесная канцелярия, закончив свои земные дела и сдав их преемникам. Вот тогда и свидимся с тобой, ненаглядная моя, солнышко. Единственная моя любовь. Пока же есть у меня и другое дело – отомстить убийцам твоим. Чтобы страдали они, как ты страдала, чтобы кровью своею умывались, как ты умылась.

Бедная моя, как представлю, что с тобой такое сотворили, нелюди проклятые...

Ах, Миллер, чертов доктор, что за отвар мне дал? Что всю душу до последней ее крупички вынимает, ах, Настенька...

Глава 6. Первый допрос

*О, как пленительно, умно там, мило все,
Где естества красы художеством сугубы,
И сеннолистны где Ижорска князя⁴⁸ дубы
В ветр шепчут, преклонясь, про счастья колесо!*

*Г. Р. Державин⁴⁹. «На прогулку в грузинском саду»,
1807 г.*

– Итак, сколько комнатных девушек было у Настасьи Федоровны? – начал Псковитинов, расположившись в кресле своей новой гостиной.

– Ровно четыре, – с готовностью сообщил Федор Карлович. – Прасковья Антонова, 21 год, Татьяна Аникеева, 24 года, Аксинья Семенова⁵⁰, 30 лет и Федосья Иванова⁵¹, 21. Любопытный факт, на момент совершения убийства Аксинья Семенова отдавала распоряжения садовникам, они это подтвердили. Но Шишкин утверждает, что едва Антонова обнаружила тело, кухмистер Иван Аникеев избил Аксинью. Понимаете, о чем я? Ведь если ее тут не было, то она никак не могла быть виновна. Что же до Ивановой, в тот день ее отправили в помощь в графский дом. Там раскроить какие-то сорочки нужно было.

– А за что избил?

– Говорит, мол, по хозяйству какую-то оплошность совершила. Но ведь не бывает таких совпадений! Как вы считаете? Что же до Татьяны Аникеевой, то она вовсе сидела в местной тюрьме, так что я бы ее пока отпустил. И нам хорошо, на одну подозреваемую меньше.

– Тюрьма – неплохое алиби, – улыбнулся Псковитинов, приглашая, возникшего в дверном проходе Миллера пройти в комнату. – Только хорошо ли охраняется эта самая темница? А то я видал тюрьмы в поместьях – одно название, а не тюрьмы, чулан, человека сажают, скажем, до полудня, а потом он оттуда сам выходит и идет прощения просить.

– Здешняя тюрьма совершенно иного свойства. Добротная, с замками, по нашим понятиям, больше похожая на карцер, впрочем, тут все такое, – закончил за полковника Миллер.

– Все равно, пока не выясним, у кого были ключи от этого самого узилища и не могла ли как-нибудь Татьяна выбраться из своего заточения, из подозреваемых ее не исключаем, – кивнул фон Фрикен. – Иванову тоже, вот графский дом, вон флигель. Долго ли добежать?

– А сколько во флигеле ночует народа? – Псковитинов отрезал кончик сигары и теперь сосредоточенно раскуривал ее.

– Вместе с хозяйкой двадцать пять, – просмотрев свои списки, уточнил фон Фрикен.

– И вы хотите сказать, что все двадцать четыре человека, ну, пусть без Татьяны двадцать три, стояли у веранды и ждали, когда хозяйка выйдет и раздаст приказания?

– Так оно и было, – пожал плечами фон Фрикен.

– Целый час ждали?

– Час, – кивнул Миллер.

⁴⁸ Имеется в виду первый владетель Грузино А. Д. Меншиков, светлейший князь Ижорский.

⁴⁹ Державин Гавриил Романович (1743–1816) – поэт, действительный тайный советник в отставке (с 1803 г.); сосед Аракчеева по новгородскому имению.

⁵⁰ Семенова Аксинья – фигурантка по делу об убийстве А. Шумской.

⁵¹ Иванова Федосья (1806 г., Грузино) – дочь Ивана Егорова, также фигурирует по делу об убийстве А. Шумской.

– То есть ночью или утром, когда Шумскую убивали, никто из этих двадцати трех человек ее воплей не услышал? Двадцать три человека разом сделались глухи? И это мы еще не трогаем прислуги из дома Алексея Андреевича.

Миллер и фон Фрикен подавленно молчали.

– Вся дворня покамест посидит под замком. Потому как, даже если они не убивали, все равно повинны в том, что не пришли на помощь или хотя бы не подняли тревогу. Вы видели тело и следы борьбы. Невозможно представить, что, когда женщине наносили подобные ранения, она, стиснув зубы, молчала. Кроме того, здесь, в графской резиденции, я заметил, что рамы на окнах еще одинарные, а как в особнячке Шумской, кто-нибудь обратил внимание?

– Сейчас скажу, чтобы кликнули Агафона, он обещался находиться поблизости. – Фон Фрикен вскочил и, вылетев за дверь, отдал приказания ожидавшимся его адъютантам. После чего прикрыл дверь.

– Полностью с вами согласен, – немного опомнившись, закивал Миллер. – Хотя вам надо знать специфику этого дома... так сказать. Здесь так часто производятся порки и различные иные экзекуции, что люди уже привыкли к крикам и стонам и...

– Вряд ли здесь пытаются и порют перед рассветом или глубокой ночью. – Псковитинов чувствовал прилив сил. – Впрочем, и этого сбрасывать со счетов не стоит. Проверим. Но если только арестованные будут говорить, что вообще ничего не слышали...

– Понятно, это будет означать, что они виновны, – подытожил фон Фрикен.

Дверь снова растворилась, Агафон церемонно поклонился собранию и, пройдя в комнату, замер, ожидая расспросов. От Псковитинова не укрылось, что на этот раз дворецкий где-то раздобыл новую ливрею, которая прекрасно подчеркивала его высокое звание.

– А скажи мне, любезный, какие рамы стоят в доме у госпожи Шумской?

– Летние, Александр Иванович. Летние, – спокойно констатировал дворецкий.

– А хорошо ли ты, Агафон, знаешь местную прислугу? Я понимаю, за пять лет все могло перемениться, но все же?

– Как не знать, батюшка, – засуетился старик, – когда все тутошние, в смысле, местные. Здесь народились, здесь и сгодились.

Псковитинов благожелательно кивнул старику, отпустив его. Вот-вот должны были позвать ужинать, но следователь хотел успеть до приема пищи разобраться хотя бы с формальностями.

Расследование приходилось начинать без Корытникова, но да ничего не поделаешь, впрочем, кто сказал, что он вообще приедет? Ну, получил он письмо от губернатора, так что же теперь, бросать все дела и лететь сломя голову в Грузино?

– Садовники тоже арестованы?

– Разумеется. – Фон Фрикен поглаживал усы. – И как я теперь понимаю, за дело. Клумба, у которой с ними беседовала Аксиныя Семенова, вон она – из окна видать. Вполне могли крики услышать.

– Далее, у нас имеется орудие преступления. – Псковитинов положил на стол завернутый в тряпицу мясницкий нож и с видом заправского фокусника отогнул края, так чтобы здоровенный окровавленный тесак предстал во всей своей преступной красе. – Вы уже видели его во время осмотра тела и сможете это подтвердить?

– Разумеется, – пожал плечами фон Фрикен. А Миллер только наклонился к ножу, чтобы еще раз его рассмотреть, после чего тоже кивнул в знак согласия. Юноша, ведущий протокол, тщательно записывал фразы Псковитинова, не участвуя в разговоре. Александр Иванович специально подошел к нему, заглядывая через плечо, был бы здесь Корытников, еще бы и зарисовал нож, но Петр Петрович в лучшем случае должен был пожаловать завтра утром.

В дверь постучали, новый адъютант по-военному поклонился, щелкнув каблуками.

– Арестованная Прасковья Антонова просится на допрос к городскому следователю, – отрапортовал он.

– Так уж и просится? – поднял брови Псковитинов. – Так и сказала?

– Сказала-де, желала бы быть принятой и по форме допрошенной, – отчеканил юноша.

– Что же? – Псковитинов покосился на каминные часы. – Зови, коли «по форме». Скажут тоже. Послушаем, господа, что поведает нам эта девица.

Несколько минут в ожидании первой допрашиваемой прошли тревожно, Псковитинов расхаживал по комнате, пытаясь догадаться, отчего Прасковья не дождалась, когда он сам пошлет за ней. Всем ведь понятно, раз приехал следователь, стало быть, скоро всех замучает допросами, отчего же не подождать? О том, что в местной темнице уже знали о его приезде, говорило уже и то, что Антонова попросилась не о встрече с управляющим или упасть в ноги к барину, а целенаправленно шла на допрос к городскому следователю.

Его размышление прервали шаги в коридоре, дверь распахнулась, и все тот же адъютант пропустил перед собой трясущегося Агафона, который вел невысокую хрупкую, как фарфоровая статуэточка, девушку в сарафане из синей китайки, отороченной красной каймой, и синей же рубахе. Темные волосы красотки были заплетены в роскошную косу, украшенную голубой атласной лентой, огромные глаза обрамлялись длинными темными ресницами. Такую девушку причесать по моде, одеть в шелковое белое платье, обуть в хорошенькие туфельки, крошечная ножка позволяла подобный эксперимент... Хотя ей и в сарафане неплохо.

– Это я Настасью Федоровну зарезала! Меня и казните! – С вызовом выпалила девчонка и тут же разрыдалась.

Мужчины переглянулись. Псковитинов мысленно сопоставил высокую, статную Минкину и крошечную Антонову. Глубокие раны и порезы на пальцах аракеевской наложницы, которая пыталась схватиться за нож, и...

– Покажи руки?

Девушка безропотно протянула чистые ладони. Миллер отрицательно помотал головой.

– Как тебе это удалось? – Псковитинов выразительно посмотрел на участников расследования, но те не стремились вмешиваться.

– Она, Настасья Федоровна, значит, легла почивать не в спальне, а в китайской зале на софе, тут я подкралась с ножом и...

– Куда била?

Девица молчала.

– Одежу давно меняла?

Прасковья с удивлением посмотрела на свой сарафан. Стряхнула несуществующую пылинку с рукава.

– Я просто в темнице уже сколько сижу, в нем хожу, в нем и спать укладываюсь, вот и помялось немного, – шмыгнув носом, сообщила она.

– Я тебя спрашиваю, когда ты его надела? Или горничные тут каждый день платья меняют?

– Каждый день не стираешься. – Прасковья снова шмыгнула носом. – Раз в неделю в банный день, чтобы на воскресной службе, стало быть, все в чистом стояли.

– А воскресенье завтра. Получается, ты в этой одеже уже неделю ходишь?

Девушка непонимающе кивнула.

– Ну, коли ничего больше сообщить не желаешь, попрошу, чтобы тебя обратно посадили.

Агафон подтолкнул к выходу ошарашенную такой скоростью дознания девицу и передал ее адъютанту.

– Устала сидеть? – предположил фон Фрикен.

– Не так долго и сидит. – Миллер посмотрел на часы. – Пора бы нам уже и за стол сесть. Я так понимаю, что нынешняя прислуга может и запомнить на ужин пригласить, а я, признаться, проголодался.

Все поднялись. Юноша закрыл папку, и Псковитинов запер ее в свой дорожный саквояж. И, не зная, можно ли оставить в своих комнатах, забрал с собой. Пусть что хотят, думают, он при исполнении.

В предбаннике, как раз и навсегда окрестил Псковитинов проходную комнату, дежурили сразу три адъютанта, выделенных в распоряжение Псковитинова, все трое поднялись, ожидая приказаний, но Александр Иванович велел идти ужинать.

– Вчера накрывали в доме Алексея Андреевича. – Миллер нетерпеливо потирал ладони. – Здесь удобная такая зала имеется на втором этаже, от лестницы влево.

– Может, лучше пойдем в ресторан? Надоело мне вокруг покойницы-то кружиться. Там ее зарезали, сям обмывали, тут она сама возлежит. Кусок в горло не идет в этом проклятом доме, – пожаловался фон Фрикен.

– А не нанесем ли мы тем самым обиду нашему хозяину? – Александр Иванович раздумывал, как наилучшим образом поступить в сложившейся ситуации. С одной стороны, никто не мог запретить ему обследовать деревню и по дороге заглянуть в местный кабак. В интересах следствия он даже был обязан оценить обстановку, пообщаться с возможными свидетелями. Кто-то всегда что-то знает, видел, приметил... С другой, одному Богу известно, что насочиняет себе Аракчеев, узнав, что его гости отправились в ближайший ресторан, пренебрегая его гостеприимством. Тем более если он сам выйдет к столу. – Нет, ресторан как-нибудь в другой раз, а сейчас, ужинаем у Алексея Андреевича. Точка.

– Тем более что вон он сам. – Миллер показал в сторону дорожки, по которой Аракчеев уже, в застегнутом наглухо мундире со шпагой в одной руке и кнутом в другой, гнал перед собой какую-то простоволосую бабу в черном. Брань Аракчеева сотрясала окрестности, избиваемая орала или, точнее, орал, Псковитинов разглядел куцую бородку – монах! Впрочем, сходство с женщиной добавлял надсадный тонкий голос и мелкие движения, обычно свойственные неуверенным в себе людям.

– Да что же он такое делает?! – опешил фон Фрикен, бросившись навстречу Аракчееву и вступая между ним и несчастным. Вслед за своим командиром его сиятельство окружили новые адъютанты Псковитинова.

– Убью, запорю! – орал Алексей Андреевич, пытаясь добраться до своей жертвы. – А каналье Ильинскому⁵² передай, пока я жив, не будет ему места на земле! Так и скажи. Пусть собирает манатки, и чтобы духу его тут больше не воняло.

Офицеры повели Аракчеева к дому, в то время как Псковитинов остался один. Конечно, можно было погулять по парку, газеты рассказывали, что его чудеса и затеи не уступают Петергофу, или хотя бы обойти Минкинский особнячок и посмотреть на пресловутый эдикюль. До сих пор у него не было для этого свободной минутки. Приехал бы Корытников, уже давно ходил бы с блокнотом и все, что нужно, брал на карандаш. Друзья часто работали в паре и подходили друг к другу как нельзя лучше. С другой стороны, кто сказал, что Петр подчинится приказу губернатора? А ведь не исключено, что тот послал именно приказ, а не как его просили, личное письмо с извинениями? Тоже ведь надо понимать, соображения чести и все такое... Следовало не пускать дело на самотек, а изловчиться и под каким-либо предлогом заглянуть в губернаторскую почту или, по крайней мере, написать Корытникову лично от себя. Потому как одно

⁵² Ильинский Николай Степанович (в монашестве Никанор; 1790–1863) – в 1821–1825 гг. протоиерей Грузинского Андреевского собора; в 1830 г., будучи настоятелем собора в Боровичах, получил орден Св. Анны 3-й степени за «усмирение возмущившихся крестьян» (*Здравомыслов К. Я.* Иерархи Новгородской епархии с древнейших времен до настоящего времени. Новгород, 1897. С. 168); впоследствии протоиерей петербургской церкви Св. Матфея на Большой Пушкарской ул., затем архимандрит, наместник Александро-Невской лавры.

дело, когда тебе приказывают, а совсем другое – когда просит старый друг. Впрочем, так бы его и пустили покопаться в почте самого Жеребцова! Куда хватил! Будет удивительно, если после всего, что произошло между ними в Грузино, губернатор не уволит к чертям собачьим самого Псковитинова. Или ушлет, куда Макар телят не гонял. Был лучший в губернии следователь и нет. Поминай, как звали.

Он прошелся вдоль клумбы, с петуньями около которой комнатная девушка Аксинья Семенова три дня назад разговаривала с садовниками. Клумба находилась метрах в десяти от особняка убиенной Минкиной. Не может быть такого, чтобы, стоя здесь, люди не расслышали криков и призывов о помощи. Разве что-то помешало? А что? Он огляделся, пытаясь обнаружить хоть что-то в защиту алиби неизвестных ему крепостных. Петухи пели? Нет, птицы бы не заглушили, да и сколько их тут? А сколько бы ни было, хором птицу петь не заставишь. А люди? Может быть, Миллер прав, и в этот миг кого-то пороли или... Поблизости не было заметно никакого строительства. Вот если бы здесь валили деревья, пересыпали камни с тачек... Перед Псковитиновым лежали желтоватые ухоженные дорожки, обрамленные красивыми камнями, аккуратные клумбы... Все дышало миром и нерушимым покоем. Вот если бы у Аракчеева был заведен обычай по утрам палить из пушки! Или если бы крепостные поднимались под барабанный бой. Нет, одним барабаном здесь, пожалуй, не отвертишься, а вот если пушка... пушка. Надо будет выяснить.

– Стол накрыт, батюшка Александр Иванович. – Агафон, должно быть, давно уже переминался с ноги на ногу, ожидая, когда же важный следователь отвлечется от своих мыслей и обратит на него внимание. – Пожалуйста откусать.

– С охотой, с охотой. Показывай, куда идти?

– Да вот к госпоже Мин... Шумской. Здесь как раз и накрыли. Пожалуйста-с, с нашим радушием.

В богато обставленной гостиной за широким столом уже сидели два не знакомых Псковитинову офицера, которые поднялись, едва в дверях появился следователь.

– Присаживайтесь, батюшка, Карл Павлович сказал, чтобы никого не ждали, все в разное время подойдут. Что же поделаешь, когда такие дела? – Агафон указал в сторону стола, расторопно пододвинув Псковитинову стул.

– Разрешите представиться. – Сидящий напротив него рыжий офицер поднялся, вытирая губы. Это был один из тех понятых, которых пригласил Жеребцов во время осмотра тела, но Псковитинов ни как не мог припомнить фамилии того под протоколом. – Гриббе Александр Карлович⁵³, подпрапорщик гренадерского полка графа Алексея Андреевича Аракчеева. – Представился молодой человек. На вид ему было лет двадцать. – А это Минин Афанасий Степанович. – Он покосился в сторону второго понятого, но тот даже не поднял на следователя глаз. Судя по всему, неприятная процедура его доконала. – Не обращайтесь внимания, – шепнул улыбчивый Гриббе. – И мой вам совет, не отказывайтесь от рыбного супа, он сегодня у них весьма удался.

– Вы тоже оказались в той злополучной комиссии? – догадался Псковитинов.

– Увы, увы... Впрочем, все это так занимательно, так поучительно, – расплылся в улыбке новый знакомый. Так что Псковитинов заметил, что зубы у него неровные, а рыжие усы закрывают явно заячью губу.

– М-да... – Александр Иванович поднял брови. Нечасто жестокое убийство с последующим расследованием и осмотром трупа удостоивается эпитетов «увлекательное» и «поучи-

⁵³ Гриббе Александр Карлович (1806–1876) – в 1822 г. вступил подпрапорщиком в гренадерский графа Аракчеева полк, где и служил до 1836 г., когда перешел в 1-й округ пахотных солдат; впоследствии полковник. Писатель, автор заметок об Аракчееве.

тельное». Во всяком случае, к личности этого самого Гриббе стоило приглядеться. – Вы неравнодушны к судебной медицине? – на всякий случай уточнил следователь.

– Нет. Я в некотором роде историк и... – Он застенчиво покраснел. – Писатель.

– А... – Псковитинов моментально утратил интерес к подпрапорщику.

Ладный лакей быстро расставлял на скатерти тарелки. В отличие от Петрушки и Дуняшки, чувствовалось, что этот свое дело знал отменно. Должно быть, фон Фрикен арестовывал только прислугу Шумской, люди же графа, просто не успевали теперь обслуживать два особняка и всех некстати съехавшихся гостей.

– Поступил в полк три года назад и уже много собрал материала и по военным поселениям, и по...

За три года и не выбился в прапорщики?! Это говорило о многом. Во всяком случае, не добавляло очков рыжему литератору. Псковитинов не слушал, наблюдая, как миловидная девушка в простом немецком платье колдует над славно пахнущим рыбой супом в белой с золотом супнице: раз – и перед Псковитиновым, словно сама собой, образовалась изящная тарелка, по золотую полоску наполненная стерляжьей ухой с налимом и молоками. Впрочем, эту информацию сообщила та же девушка. Точно такую же порцию получил сидящий напротив Псковитинова офицер с щегольскими усами. Девица выглянула в окно и, должно быть, заметив новых гостей, достала из буфета дополнительные тарелки. Скорее всего, она была приставлена только к этому супу. Вместо хлеба к ухе был подан длинный расстегай с сомовым плесом.

Другие слуги поставили на стол пару бутылок бордо, графинчик анисовой водки и излюбленный напиток самого Псковитинова – вино мадера в приметной бутылочке темного стекла. Специально или случайно, но, налив Александру Ивановичу первому, бутылочка «обошла» желающих и, ополовиненная, вернулась к нему же. Псковитинов принял к напитку, повертел вино в бокале, посмотрел на свет, пригубил. Несомненно, это была подлинная мадера, а не дешевая подделка. Если аналогичная бутылочка окажется вечером в его личных апартаментах, можно будет заключить, что кто-то в доме наводил о нем справки и теперь, имея представления о вкусах гостя, желает сделать приятное. С другой стороны, напиток решительно не подходил к рыбе, из чего следователь сделал вывод, что приказавший угостить его мадерой доброхот в данный момент в столовой не присутствует.

– Молодцы, что не церемонитесь и начали без нас. – Едва войдя в гостиную, Миллер устало опустился на стул рядом с Псковитиновым, положив на скатерть карманные томпаковые часы. Перед ним тут же была поставлена тарелка с супом, и лакей внес поднос, на котором возлежал поросенок с хреном.

В гостиную ввалились фон Фрикен в окружение пятерых офицеров, среди которых следователь сразу же заметил своих адъютантов. Кстати, с последними следовало хотя бы познакомиться.

– Еще в день убийства Алексей Андреевич отписал местному протоиерею сельской церкви Николаю Степановичу Ильинскому, чтобы тот подготовил все, что нужно для похорон, возле храмового алтаря, – чтобы не подслушали слуги, Миллер говорил на французском.

– Ильинскому? Это которого он проклинал, что ли? – догадался Псковитинов.

– Ему, – кивнул доктор, с удовольствием поглощая жирный рыбный суп. – Мелкий протоирей, что он может против Аракчеева? Другой бы поклонился и выполнил, что требуется, а этот, вишь ты, не посмел церковь-то осквернить. В тот же день написал письмо преосвященному Моисею, викарию Новгородскому, с просьбой разъяснить, как ему следует поступить с приказом его сиятельства, исполнять али нет? Письмо, понятное дело, снес на почту, а там его уже и перехватили, к Аракчееву доставили. Теперь Ильинский – личный враг Алексея Андреевича. Монашек, которого, вы изволили наблюдать, прогонял от себя его сиятельство, был посланцем этого самого Ильинского.

«Так, значит, теперь ее не похоронят?» – раздумывал о своем Псковитинов. Выходило совсем неплохо, если бы Петр Корытников застал тело и еще раз поглядел на ранения, вполне вероятно, что он составил бы собственное мнение, отыскав нечто незамеченное самим Александром Ивановичем.

– Похоронят, да хоть архимандрит Фотий⁵⁴, друг Алексея Андреевича, придет. Граф только что о нем изволил упомянуть и записку накропал, чтобы поторапливался. Если я правильно понял, он уже в пути, во всяком случае, Фёдор Карлович сейчас отправляет курьера в Новгород, где тот должен перехватить этого самого Фотия и доложить ему о положении дел. Зная его темперамент и служебное рвение, могу предположить, что сей господин станет всю ночь гнать лошадей, так что в самом скором времени мы будем иметь счастье лицезреть сию высокую персону.

– Как считаете, его сиятельство не присоединится к нам? – поинтересовался Псковитинов, оглядывая стол.

– У Алексея Андреевича сильное расстройство всей нервной системы, застой печени и рефлексивное страдание сердца. Кроме того, он практически ничего не ест, я с трудом вливаю в него целебные отвары...

После ужина Псковитинов не выдержал и, распустив всех, бросился в спальню, где отослал пытавшегося раздеть его незнакомого слугу и, сняв одежду без посторонней помощи, завалился спать. Последнее, что он вспоминал, ворочаясь на подушках, были имена его адъютантов: Аркадий Белозерский, Николай Кириллов, Семен Медведев, и новый писарь Сергей Алексеев, удивительно, что его-то не признал, сын хороших знакомых, соседей Корытникова. Вроде совсем недавно в коротких штанишках бегал, и вот же... на тебе, быстро растут детишки на чужих-то руках. Повторив имена несколько раз, чтобы точно запомнить, Александр Иванович провалился в тяжелый сон.

Юноши все, как на подбор, из хороших семей, так что Псковитинов, если прежде и не встречался лично с отобранными для него адъютантами, то, по крайней мере, знал их родителей. Сергей Алексеев, как уже было сказано, являлся ближайшим соседом Корытникова, мало того, по не подтвержденным пока сведениям, вот уже год без малого тайно, ну, так тайно, что все в округе знали, сох по Машеньке.

«Слушаю-с! Готов служить! Приложу все свои силы! Постараюсь! Сделаю все, что прикажете», все они относились к полку, которым командовал Алексей Андреевич, к полку его имени! Все рвали в бой, мечтая в самом скором времени проявить себя надлежащим образом, схватить удачу за хвост. Так что Псковитинов был почти уверен, что временная работа в качестве его адъютантов для каждого из этих молодцев отличный шанс обратить на себя внимание командования. А значит, и служить они будут не за страх, а за совесть. Невольно вспомнился девиз Аракчеева: «Без лести предан». Хороший девиз!

⁵⁴ Архимандрит Фотий (в миру Петр Никитич Спасский, 1792–1838) – «Политический деятель, патриот России». Архимандрит новгородского Юрьева монастыря. Особенно ярко архимандрит Фотий проявил себя как противник масонских лож и мистицизма.

Глава 7. Тайный визит

*Как русский Цинциннат⁵⁵, в душе своей спокоен,
Венок гражданский свой повесил он на плуг.
Друг Александра, правды друг.
Нелестный патриот – он вечных бронз достоин!
Что зависть для него? Как мощный исполин,
Он смотрит на нее с презреньем!
О Русская земля! Гордись им: он твой сын,
Бессмертный – самоотверженьем!*

В. Н. Олин⁵⁶

За окном сходили с ума кузнечики, городской житель Псковитинов не привык спать под такой аккомпанемент. В комнате было душно, он распахнул окно, рискуя напустить комаров, но сейчас это его меньше всего интересовало. Нужно было нормально выспаться, чтобы завтра с новыми силами приняться за расследование. Он отказался от предложенного ему Агафоном слуги, невелик труд – самому раздеться, а вот как он завтра будет бриться? Придется поутру просить дворецкого направить к нему парикмахера графа, если такое, конечно, принято в этом доме. Перспектива получить себе в личное услужение одного из новых слуг откровенно расстраивала, а где-то даже и пугала. Потому как дурно поглаженный галстук – это одно, а отрезанное во время неумелого бриться ухо – совсем другое.

К сожалению, он так и не сумел выучить Ермошку управляться с бритвой, но может, оно и к лучшему, конюх должен знать свое дело и не отвлекаться на господские прихоти. Вот и сейчас его, должно быть, устроили где-нибудь при конюшне, где бездельник целыми днями спит или гоняет в людской чай. Нет, определенно, это даже хорошо, что Ермолай не отвлекается на мелочи. Зато относительно лошадей или брички с него можно спрашивать по полной программе.

Псковитинов надел оставленную для него длинную ночную рубаху, колпак и, весьма довольный, лег в постель. Выделенная ему спальня была очень хороша, полосатые шелковые обои, золотые с серым, прекрасно сочетались с лунного цвета гардинами, такими тяжелыми, что утром, должно быть, солнце совсем не будет мешать, решишь гость как следует выспаться. Впрочем, ему-то как раз такое счастье точно не выпадет. Изящный туалетный стол со столешницей наборного дерева, как и положено, размещался в изголовье кровати, на нем обнаружился графин с водой, рядом на крошечном серебряном подносе возвышались два тонких фужера.

Псковитинов задул свечи и блаженно откинулся на пуховые подушки, постель была в меру мягкой и покойной. Александр Иванович закрыл глаза, представляя, что лежит на облаке. М-да... Если бы не убийство домоправительницы, если бы он просто находился сейчас в гостях у его сиятельства и завтра не нужно было никого допрашивать, как бы славно получилось отдохнуть в этом милом местечке!

Псковитинов вдруг ощутил жажду и, приподнявшись на локтях, налил себе немного в фужер. В этот момент в комнате кто-то кашлянул. Александр Иванович вздрогнул, приподнялся. В дверях стояла, не решаясь войти, высокая темноволосая женщина. Лунный свет освещал

⁵⁵ Цинциннат Луций Квинкий – римский консул V в. до н. э., почитавшийся как образец патриотизма; после блистательных военных побед неизменно возвращался в свое поместье.

⁵⁶ Олин Валериан Николаевич (ок. 1790–1841) – поэт, переводчик, издатель, в 1832 г. перевел с английского «Записки о России» Ч. Х. Вильямса и в письме к Аракчееву от 28 июня 1832 г. просил позволения посвятить ему этот труд.

щал черные роскошные волосы, уложенные в виде дивной раковины. Полноватое красивое лицо казалось бледным, огромные миндалевидные глаза смотрели с лукавинкой, полные красивые губы смеялись.

– Простите мое вторжение. Надеюсь, не разбудила? Но Алексей Андреевич просил непременно поставить вам это на стол. Она кивнула на поднос, который держала в руках. А я, дура, замешкалась, прозевала, когда вы к себе прошли. Вы позволите?

– Я еще не спал. Что там такое? – Псковитинов боролся с искушением подняться и зажечь свечи, но в то же время он не мог предстать перед незнакомкой в одной рубашке.

Поставив на столик поднос, женщина подошла к постели следователя и, чиркнув спичкой, зажгла свечи. Теперь он ее отлично мог разглядеть. Ну и красавица, пусть и в летах, но... Вот от таких роковых женщин и сходят с ума. Страшно подумать, какой она была в пору юности! Интересно, есть ли у нее дочери и похожи ли они на мать?

– Алексей Андреевич прислал вам бутылку мадеры и фрукты, не желаете рюмку на ночь? Псковитинов облизал вновь пересохшие губы.

– Желаю. – Женщина ловко вытянула длинную пробку и налила ему в стоящую на том же подносе рюмку. От Псковитинова не укрылось, что на подносе бочок к бочку стоят две рюмки. Что это, случайность или рассчитанное действие? Возможно, Аракчеев прислал не только угощение, но и... Нет, определенно, если бы он захотел побаловать гостя женскими прелестями, он бы выбрал юную прелестницу. В этом визите было что-то другое... Но что?

Принимая рюмку, Александр Иванович кивнул на вторую, и женщина без дальнейших уговоров налила себе и присела на краешек постели рядом со следователем.

Высокая роскошная прическа, над которой парикмахер, возможно, трудился час или больше, странно сочеталась с роскошным халатом с павлинами, который хоть и шел к ночной гостье, но все же... Зачем делать прическу тому, кто все одно ляжет в постель и ее сомнет? Представить, что здесь практически накануне похорон затевается бал и незнакомка заскочила к Псковитинову принести вина и после переоденется и отправится до утра танцевать – нет, это предположение показалось Псковитинову верхом нелепицы. Что тогда?

Вино было сладким и дивным на вкус, был бы здесь Петр Петрович, с радостью снял бы пробу. Корытников чрезвычайно мало пил и всем на свете винам предпочитал сладкие. Из местных сливянку или грушовицу, но фаворитом все же оставалась привозимая с далекого итальянского острова мадера. Последнюю было невероятно сложно заполучить, отчего Петр Петрович предпочитал лучше не пить вовсе, нежели осквернять себя не заслуживающими его уважения напитками. Из пива, к примеру, он употреблял только черный портер, который раза два в год привозил для него брат.

Интересно, местная прислуга так воспитана, что пьет с гостями, когда им это предложено... или, возможно, это не прислуга? Тогда кто? Родственница? А почему бы и нет? Дом большой, он его не рассматривал, не интересовался, сколько тут проживает народа, и общался лишь с теми, кто сам являлся поговорить с ним. А дама, да, это определенно была дама, все время пока он осматривал труп, допрашивал Прасковью, ругался с Жеребцовым, таинственная незнакомка находилась где-нибудь в доме. Это объясняет и шикарную прическу, узнала провинциальная мадам, что съедутся господа, хотела блеснуть, и что же? Даже ужинали кто когда до стола добрался.

– Что же это вы, господин хороший, окно растворили, а рамы с сеткой на место не утвердили? – всплеснула руками незнакомка и, поставив на столик пустую рюмку, подошла к окну и, решительно отодвинув портьеру – так, словно желала впустить в комнату роскошную полнолицую луну, наклонилась и, подняв с пола незамеченную Псковитиновым раму, аккуратно приладила ее в оконный проем. Луна осталась на своем месте на небе, явно недовольная, что ей помешали проникнуть в спальню. – Ну вот, теперь другое дело.

Псковитинов вздохнул, решительно не понимая, что делать дальше. Налить еще, найти явно оставленный для него где-то поблизости халат, не могли же они позабыть о такой важной вещи? Как-то уже выставить незнакомку из своей комнаты? А ведь, если она вошла, стало быть, дверь не заперта и к ним в любую секунду может заглянуть кто-то еще. И тогда? Как он объяснит наличие в своей спальне посторонней женщины?

С другой стороны, ей явно нужно было о чем-то поговорить со следователем, возможно, дать показания, пока никто не видит. Оттого она и замешкалась с угощением от графа, чтобы застать Псковитинова одного без Миллера, фон Фрикена, адъютантов...

– Вы имеете что-то сообщить по поводу убийства Анастасии Федоровны? – проницательно заглядывая в темные с поволокой красивые глаза незнакомки, поинтересовался Псковитинов.

Она вздрогнула. В неровном свете свечей, теперь он явно видел, что его гостя, при всей сохранившейся природной красоте, все же весьма уже в возрасте. Темные круги под глазами, оплывшее лицо, глубокие морщины... чертова старость. Жена Псковитинова не дожила до того времени, когда возраст начнет вступать в свои права, разрушая все, что радовало глаз, превращая женщину в карикатуру на саму себя в молодости. Впрочем, видал он женщин в возрасте, возраст что? Ерунда. С годами учишься ценить в женщине не внешнюю красоту, а привязываешься к ней со всей душой, принимая ее всю с ее достоинствами и недостатками.

– Что тут говорить, Александр Иванович. Вы уж найдите убийц этих. Покарайте окаянных. – Ее голос задрожал, но в прекрасных глазах не появилось ни одной слезинки. Нет, глаза ночной гостьи горела каким-то лихорадочным огнем. – Казните их, убейте их! На кусочки разрежьте! – Она вскочила и начала метаться по комнате, заламывая руки. – Ведь как просила, как умоляла пощадить! Какие сокровища сулила! Говорила, не убивай меня, я денег дам, вольную обеспечу. Будешь как сыр в масле кататься, только жизни не лишай. А он? А они?

Со звоном на пол посыпались шпильки из прически, и длинные черные волосы упали на плечи и спину ночной гостьи, покрывая их, точно диковинный плащ. Перед Псковитиновым стояла Настасья Минкина – убиенная десятого августа экономка графа Алексея Андреевича Аракчеева.

– Ты уж найди его, их проклятых! Ты уж покарай их, Александр Иванович! Отомсти за меня нелюдям. А уж я тебя отблагодарю, касатик. Все для тебя сделаю, все, что накоплено за годы службы в Грузино, все тебе отдам. Кого хочешь спроси в нашем уезде, держит ли свое слово Настасья Федоровна? Любой подтвердит. Держит, еще как держит! Раскрой это дело, и я тебя озолочу. А не раскроешь...

Псковитинов схватился за нательный крест и, поцеловав его, зажал в руке. На столике рядом с ним был только графин, конечно, окажись на месте призрака живой человек из плоти и крови, он мог бы, по крайней мере, попытаться оглушить последнего, но поможет ли это орудие в борьбе с нечистым духом?

– Прощай, Александр Иванович, спи-засыпай, утро вечера мудренее. А к завтраму сам поймешь-узнаешь, кто и как меня убивал... Мне пора. – И вот она уже возле его постели... Наклонилась, неслышно подняла с подноса рюмку медленной рукой – совсем близко стоит, Псковитинов даже родинку рассмотрел на щеке! – и попяtilась, с рюмкою в белых пальцах, не сводя с него горящих глаз... и скрылась за дверью, которую, к слову, никто от крючка и засова не освобождал. Была – и нету. Хоть присягу давай об услышанном и увиденном, но чем ее подтвердить?! Ничего толком не сказала, разве что пообещала ясность в завтрашнем дне... То ли вещий сон, то ли бред?.. А впрочем...

Глава 8. Расследование. День второй

Обыкновенно Аракчеев носил артиллерийскую форму; но при осмотре работ на военных поселениях он сверх артиллерийского сюртука надевал куртку из серого солдатского сукна и в таком наряде бродил по полям, осматривал постройки и т. п. работы. В этой-то куртке я увидел его в первый раз.

А. К. Гриббе

Псковитинов проснулся на следующее утро то ли от пения петухов, то ли оттого, что кто-то ходил за дверью, стуча сапогами.

«Минкина, что ли, бродит, злится, что я ее убийство еще не раскрыл? Так рано еще, матушка. Погоди немного, не топай так сильно. Хотя отчего бы барыне ходить в тяжелых сапогах... летом?..»

На столе стояла бутылка мадеры и одна рюмка, из которой ночью пил Псковитинов. То ли Минкина, действительно выбравшись из гроба, посетила его, то ли вечером перед сном он машинально откупорил бутылку и снял пробу. Обычно, занятый своими мыслями, Александр Иванович становился забывчивым. Думая о своем, он ел, не чувствуя вкуса блюд, или забывал поесть вовсе. До своего замужества за его питанием доглядывала дочка, теперь же вся надежда была на Селифана, которого он из глупости и излишней поспешности оставил дома, даже не уведомив, куда поехал и когда вернется.

Умывшись и побрившись при помощи молодого слуги, Псковитинов вышел к завтраку, где без аппетита проглотил французский омлет и съел несколько теплых пирогов с капустой. Следовало как можно быстрее послать человека домой за личными вещами. Да и имеющиеся не худо бы дать простирнуть и погладить. По всей видимости, здесь придется задержаться на несколько дней, а стало быть, понадобится дополнительных, как минимум, три перемены платья. Посоветовавшись с фон Фрикенем, он составил список необходимых вещей и, вручив его адъютанту Белозерскому, попросил доставить все по описи вместе с личным слугой Псковитинова, Селифаном.

Вопреки предположению Александра Ивановича, что его просьба вызовет раздражение Белозерского, тот воспринял возможность убраться хотя бы ненадолго, из Грузино как долгожданный отпуск. Зато настроение изрядно подпортил Александр Карлович Гриббе, который, прикрываясь своим писательским призванием, вертелся под ногами, умоляя разрешить ему присутствовать на допросах.

– Вы можете посидеть в уголке и даже делать необходимые вам записи или рисунки. – Понимая, что иначе не отвяжется от докучливого подпрапорщика, Псковитинов решил, что в его случае разрешить, пожалуй, легче, нежели объяснить, отчего нельзя. – Но только предупреждаю заранее, одна непрошенная реплика и...

– Буду нем как рыба! – счастливо захохотал подпрапорщик и, войдя в гостиную, используемую Псковитиновым как зал суда, торжественно занял предложенное ему Александром Ивановичем место у противоположной стены, как можно дальше от судейского стола и задержанных. Вне себя от свалившегося на него счастья, Гриббе немедленно разложил перед собой блокноты и карандаши. Странное дело, начинающий писатель не имел при себе ни пера, ни чернил. Впрочем, он перехватил удивленный взгляд Александра Ивановича и, подняв карандаш, пояснил: – Чернила могут высохнуть или ненароком вылиться, перо в самый ответственный момент непременно сломается, а вот верный друг-карандаш никогда не подведет. Затупится – отточим, не будет под рукой ножа – и обкусать кончик не велик труд.

Назначенный на одиннадцать утра допрос пришлось перенести на полдень, так как его сиятельство не мог подойти раньше, но, услышав о признании, сделанном накануне Праско-

вией Антоновой, пожелал, чтобы следователь впредь допрашивал задержанных при нем. Это новое правило должно было действовать вплоть до нового распоряжения его сиятельства или неявки последнего в установленное время. Меря шагами роскошный графский сад, Псковитинов ругался себе под нос. Меньше всего на свете он желал допрашивать арестованных в присутствии гневливого и явно скорого на расправу графа, но делать было нечего. Неловкость ситуации немного сгладил примчавшийся в Грузино за полчаса до полудня Корытников, который не только молниеносно собрался сам, но и, не дождавшись послания от Псковитинова, предупредил Селифана, чтобы тот прихватил с собой все необходимое для барина. В общем, уважил, так уважил.

Завидев вылезавшего из коляски приятеля, Александр Иванович заторопился ему навстречу, они обменялись крепкими рукопожатиями и поцеловались. Вместе с Корытниковым в Грузино пожаловали едущие в других экипажах младшие следователи, которым Александр Иванович теперь был несказанно рад. Кроме того, Корытников запряг в свою коляску успевших отдохнуть лошадей Псковитинова, так что теперь они оба были при лошадях и экипажах.

– Ты, брат, знаешь, кто самый опасный человек в нашей губернии? – Предоставив своему слуге и по совместительству кучеру, дворовому человеку Якову, перетаскивать багаж, Петр Петрович нес только необходимые ему для работы предметы: прекрасно знакомую всем судебским в Новгороде кожаную папку, в которой он держал блокнот и рисовальные принадлежности. Селифан тащился следом с вещами своего забывчивого барина.

– Самый опасный? – Александр Иванович покосился в сторону окон его сиятельства.

– Да нет, Аракчей строг, но совсем не жесток. Во всяком случае, на моей памяти он всегда старается все делать по закону. Самый опасный – это твой всегдашний визави Дмитрий Сергеевич Жеребцов, с которым вы вечно на ножах.

Александр Иванович кивнул, стоящий у дверей слуга поспешно распахнул перед следователями тяжелую входную дверь, на помощь Якову и Селифану поспешил, должно быть, только сейчас приметивший их Ермошка. Не обращая внимания на возню слуг, Корытников продолжал:

– Дмитрий Сергеевич, душа моя, человек, опасный уже тем, что: а) непроходимо глуп и б) давно уже постановил себе служить не закону, не государю императору, а лично графу Аракчееву. Собственно, он служит с опасной для его должности фанатичностью, временами слушаясь не прямых приказов, а, как бы это лучше выразиться, эмоций. Алексей Андреевич, что греха таить, любит деловых, исполнительных людей, но одно дело, когда человек делает, что ему велят, и совсем другое, когда он, как собака подачки, ловит каждое слово своего благодетеля. Каждый его вздох.

– Я, кажется, начинаю тебя понимать. – Псковитинов нахмурился. – Они поднялись по парадной лестнице и свернули к комнатам, предоставленным графом Александру Ивановичу. – Он ловит каждое слово Аракчая, а сам-то граф сейчас не в лучшей форме. Личное горе, плюс лекарства, которыми его потчует Миллер... То есть ты хочешь сказать, что, если Аракчеев в припадке ярости повелит ему порубать в капусту подследственных, Жеребцов не моргнув глазом исполнит повеление, ни на секунду не задумываясь о его незаконности?

– Ну, как-то так.

Войдя в главную гостиную, Псковитинов указал приятелю его спальню, но тот и не подумал туда пройти, вместо этого принявшись за изучение судебного зала. Зашел в предбанник, в котором должны были дожидаться вызванные на допрос, и, по всей видимости остался доволен увиденным. Вернувшись, рассмотрел судебский стол, сдвинув его поближе к свету, поправил гардины.

Наблюдая, как слуги заносят привезенные вещи, Корытников выбрал себе место возле окна, пожелав, чтобы во время заседания суда оно осталось за ним. В дневное время здесь было удобнее всего рисовать, да и воздух был посвежее.

– О Жеребцове позволю себе напомнить тебе некоторые факты, которые ты, разумеется, знаешь, но, боюсь, недооцениваешь.

– Изволь.

– Дмитрий Сергеевич заступил на должность новгородского губернатора в августе 1818 года, и если я правильно понимаю настоящее состояние дел в губернии, то очень, поверь мне, очень многие прошения, письма, рапорта, да что там, уголовные дела, заведенные во времена его предшественника, за все семь лет правления Жеребцова не были разобраны. Вместо этого он работает на «что прикажете» перед графом. Кстати, благодаря его сиятельству три года назад этой каналье было пожаловано звание действительного статского советника, а еще через год он был удостоен ордена Святого Владимира 2-й степени, потом Святой Анны 1-й степени! Если когда-нибудь кто-то обратит внимание его сиятельства на то, чем в действительности занимается наш губернатор, у-у-у... – Корытников потряс кулаком в воздухе, как бы призывая на голову ненавистного губернатора праведное возмездие. – Я надеюсь, что рано или поздно эта дрянь в человеческом облики все же попадет на скамью подсудимых. И тогда лично я буду свидетельствовать против него! Не знаю пока, как доказать, но очень скоро я, даст Бог, сумею это сделать, после чего буду свидетельствовать уже с цифрами в руках, в частности, о незаконном повышении размера земских повинностей в нашей губернии. А ведь это повышение происходило за последних семь лет без малого четыре раза.

– Но, прости меня, все эти «незаконные» повышения, как ты говоришь, – не выдержал Псковитинов, – о них ведь все знают, стало быть, тут лишнюю денюгу не утаишь. Да если он только положит хоть копейку из этих денег себе в карман, об этом сразу же станет известно!

– Вот именно, у меня есть неопровержимые доказательства того, что Жеребцов проводит эти избыточные средства по графе «экономия», а сэкономленные деньги у нас традиционно направляются на разного рода строительные работы. Аракчеев ведь все время что-то строит. А стройка – это такое место, где и сотни, и тысячи, да что там – миллионы могут сгинуть, и следа не останется. Механизм тут простой, он выделяет деньги на конкретное строительство, заранее договариваясь с кем-то из господ, что за этот самый объект отвечают. После чего они покупают худшие материалы, нежели это изначально стоит в смете, направляют для работы на заводы не вольных, а крепостных и солдат-штрафников – тем, разумеется, не платят, деньги опять же делят между собой наш милейший губернатор и его подельники.

Аракчеев привык к Жеребцову, который выполняет его приказания. Нужен кирпич для постройки казарм, Дмитрий Сергеевич строит кирпичный заводик, понадобилось рыть котлованы, он выделяет людей. Разумеется, он доволен таким исполнительным подчиненным и, я готов голову позакладывать, понятия не имеет о его махинациях.

– Но Аракчеев помещен на отчетах, мне говорили, что он прочитывает все письма, адресованные лично ему. – Псковитинов отметил, что его чемоданчик понесли в спальню Корытникова, и крикнул Якову об ошибке.

– Так Жеребцов ему и отчитывается, что, согласно распоряжению за таким-то номером, от такого-то числа, перечислил деньги, значащиеся в реестре как сэкономленные, на строительство домов для такого-то военного поселения, и прислал туда такое-то количество мастеров. Так он тебе и признается, откуда деньги и что за люди!

– Думаешь, сам Алексей Андреевич к этим делишкам непричастен?

– Аракчеев-то?! – Корытников усмехнулся. – Скорее про папу римского поверю, что приехал специально из Италии и теперь у моего отца в Ям-Чудово из курятника теплые яйца из-под несущки ворует.

Посмеявшись вволю, Петр Петрович быстро скользнул в свою спальню, где переоделся к слушанию, и вовремя, зал заседания уже начал заполняться людьми. Но едва судебские заняли свои места, мрачный, как туча, в мундире с орденом Александра Невского на груди, его сиятельство прошел через комнату и, пожав следователям руки, молча устроился в углу на креслице.

Первым делом Псковитинов велел писарю Алексееву записать имена всех присутствующих. На этот раз адъютанты сидели тут же, предусмотрительно разместившись на стульях у входной двери, готовые сорваться по первому требованию, выполнить любое, даже самое сложное и ответственное, задание. Служба в импровизированном суде, скорее всего, воспринималась молодыми людьми как веселая игра.

Выложив на стол орудие убийства, Псковитинов попросил Петра Корытникова зарисовать его, а тем временем вызвал Агафона и Шишкина.

– Сколько поваров, поварят и кухонных работников приписано к особняку покойной госпожи Шумской? – обратился он к стоящим перед ним свидетелям.

Оказалось, что два повара, кондитер и семь человек поварят и на «подай-принеси». Впрочем, в тот роковой день гостей не ожидалось, и при особняке находились только повар Тимофей Лупалов⁵⁷, помощник повара Василий Антонов, а также кондитер Николай Николаев⁵⁸ и еще три кухонных мужика.

– Антонов? – прищурился Александр Иванович. – А не родственник ли он Прасковьи Антоновой, которая вчера пыталась нас уверить в том, будто бы совершила убийство?

– Родной брат, – выдохнул Шишкин, заметно бледнея.

– Приведите Василия Антонова. – Псковитинов откинулся в кресле, начало ему нравилось.

– Отчего же «будто бы» совершила убийство? Почему вы считаете, что не совершала, если сама призналась? – вскочил граф.

– Когда человек орудует ножом, тем более таким ножом, – он кивнул на лежащий перед Корытниковым мясницкий нож, – он почти всегда и сам себя ранит. Вот, извольте взглянуть, ваше сиятельство, это ведь не то, что ваша шпага, никакой защиты для руки. Ладони же Прасковьи были без царапин. Кроме того, ее одежда при поверхностном осмотре не показалась нам вымазанной кровью, а при столь кровавом убийстве она не могла совсем не запачкаться.

– Следует проверить всю одежду! Она могла быть в нижней рубашке! Она могла выбросить окровавленные тряпки и предстать перед вами в чистом!

– Сегодня мы обыщем все вокруг и постараемся найти окровавленную одежду, если такая где-то запрятана. Пока же нам очень помогло уже и то, что Федор Карлович распорядился посадить под замок всю прислугу, не дав им опомниться и переодеться. Если же убийцы успели заменить одну рубаху на другую, тогда будем надеяться, что остальным вашим слугам удалось припомнить, в чем был каждый из арестованных.

Аракчеев кивнул.

В комнату ввели перепуганного темноволосого паренька лет двадцати. Тощий, но жилистый, чем-то он неуловимо напоминал свою крошечную старшую сестричку.

– Василий Антонов? – Псковитинов доброжелательно глядел на юношу.

– Я. – Парень пугливо озирался по сторонам, разглядывая незнакомые лица.

– А не твой ли это нож? – Псковитинова задал свой вопрос так нежно и вкрадчиво, как только умел, но для подсудимого он прозвучал, как гром среди ясного неба.

– Мой! – выдавил из себя парень и вдруг рухнул на колени и заплакал. – Не трогайте сестру. Я это! Я убил Минкину!

⁵⁷ Лупалов Тимофей – уроженец села Грузино, повар. Проходил по делу об убийстве А. Шумской.

⁵⁸ Николаев Николай, уроженец села Грузино, кондитер. Проходил по делу об убийстве А. Шумской.

Когда вопли прекратились, Псковитинов велел Агафону поднести Василию воды, после чего следователи осмотрели его ладони, они оказались в глубоких и свежих порезах. Далее Шишкин раздел Василия до исподнего, на шароварах и подкладке зипуна последнего были обнаружены бурые следы, напоминающие кровь.

Тут же в темницу за вещами арестованных были откомандированы адъютант Николай Кириллов и двое судейских, присланных из Новгорода в помощь Псковитинову. Пока служители Фемиды еще плохо ориентировались в расположении усадьбы, прибывшие сюда раньше адъютанты оказались как нельзя более кстати.

– Отчего вы сразу же заподозрили работника кухни? – поинтересовался Миллер.

– Вряд ли какая-нибудь из комнатных девушек или лакей могли незаметно для остальных держать среди своих вещей такой ножище. – Наблюдая за тем, как приходит в себя Василий, излагал Александр Иванович.

– А остановили свой выбор именно на Антонове, так как он родной брат Прасковьи и она его покрывала.

– Как-то так. – Псковитинов попросил Шишкина поставить на середину комнаты стул и усадить на него Василия.

– Как ты убил госпожу Шумскую? – спросил он и тут же покосился на Аракчеева. – Быть может, ваша светлость, вам лучше не слушать этого?

– Не беспокойтесь, я выдержу. – Алексей Андреевич сделался еще бледнее, но держался. Он явно одобрял манеру ведения дел Псковитинова, так что можно было надеяться, что, даже если в конце концов Жеребцов решится изничтожить следователя, тому будет у кого искать защиты.

– Анастасия Федоровна с утра прическу изволили делать. Сестра моя ей волосы завивала, да, видать, обожгла. Вот она на нее и накинулась и ну бить щипцами, да по голове, куски мяса выдирала. Параша уж на что терпеливая да покорная. Не выдержала, ко мне на кухню кинулась. Я как раз нож заточил, свинину должен был порезать, ну и... за сестру, в общем...

– Так уж куски мяса? – поднял брови Псковитинов. – И из головы? Что-то мы вчера, допрашивая твою сестренку, никаких свежих ран на ней не заметили.

– Так на простом человеке, точно на собаке, все быстро заживает, – встрял в разговор Шишкин.

– И крови на сарафане не оказалось. Ладно, сейчас принесут остальную одежду, проверим более внимательно. Уведите его пока что.

– Создается, – уверил он Аракчеева. – Немного поломается – и все как было выложит.

– А чем вам давешнее объяснение не подходит? – поинтересовался Федор Карлович. – Только тем, что на Антоновой нет свежих ран? Так, может, синяки есть. Тоже осмотреть нужно.

– Осмотрим. – Псковитинов думал.

– С вашего разрешения, я бы взял с собой несколько человек понятых да и осмотрел, пока суть да дело, вещи арестованных, – предложил Корытников.

– Очень вам буду за это признателен. Пусть кто-нибудь из адъютантов проводит Петра Петровича к эдикюлю. – Псковитинов улыбнулся приятелю и тут же вернулся к разговору с фон Фрикеном: – Допускаю, что Анастасия Федоровна поднималась до рассвета, что прическу делала, пусть так. Но только когда барыня рано встает, весь ее штат обязан поступать точно так же, а тут что же такое получается – одна-единственная Прасковья Антонова ей локоны крутила, а кто же утренний кофе готовил? Или что она обычно привыкла в эту пору кушать? Кто платье подавал? Кто новости докладывал? Пытаюсь представить такую картину, а не получается.

– Вы совершенно правы, теперь я яснее ясного вижу, налицо сговор с целью убийства! – раздался взволнованный голос Аракчеева. – Правильно вас рекомендуют как лучшего следователя.

– Да-с. Сговор, несомненно, был, – кивнул Псковитинов. – По крайней мере, мы уже знаем двоих сообщников – брата и сестру Антоновых.

– Парашке часто доставалось от Анастасии Федоровны за грубость, нечистоплотность, неаккуратность. А уж как она меня самого завлекала, змея подколодная. Решилась известить хозяйку и извела. Брата заставила убить. Вы уж, Александр Иванович, дознайтесь до правды и всех представьте к ответу. Чтобы ни одна крыса поганая не прошмыгнула.

– Приложу все старания. – Псковитинов снова поклонился. – Что же? А теперь я хотел бы поговорить с другими комнатными девушками, если, конечно, не возражает его сиятельство.

Одного взгляда на Аракчеева было достаточно, чтобы понять, он безоговорочно верит следователю, так что, вели Псковитинов ему самому держать ответ, сел бы на стул напротив следственной комиссии и скромно отвечал бы на заданные вопросы.

– Арестованные Татьяна Аникеева и Аксинья Семенова доставлены, – сообщил адъютант Медведев. И горничные предстали перед комиссией. Обе сконфуженные, так как, отобрав от них привычную одежду, им выдали только длинные рубахи, появиться в которых на людях считалось крайне неприличным.

– Признавайтесь, милые, кто из вас Татьяна, кто Аксинья? – мягко начал Псковитинов.

– Ваша честь. Я Татьяна Аникеева. Девица христианского вероисповедания, крепостная господина Алексея Андреевича Аракчеева. Родилась и постоянно проживаю в селе Грузино, – отработала первая девица.

Дочка кухмейстера оказалась статной девушкой с белым нежным лицом, зелеными глазами и рыжеватыми волосами. Высокая грудь и прямая спина делали ее похожей на древнегреческую богиню. Впрочем, сходство добавляла прическа, волосы убиралась под ленту роскошным валиком. Удивительно, что, сидя в темнице без гребня и зеркала, она умудрилась сделать себе такую прическу. Впрочем, Псковитинов понятия не имел, как содержатся в этих местах узники, если они сидели все вместе, возможно, что и причесывали друг дружку по очереди.

– Кто же тебя надоумил вот так представляться?! Кто научил? – опешил Миллер.

– Барыня Анастасия Федоровна Шумская. Покойница. Она часто суды устраивала. Дела разные разбирала, судила, наказание назначала, в эдикюль запирала. Я и про очную ставку знаю, и про обыски с понятыми могу рассказать...

– Ладно, ладно, – замахал на нее Псковитинов. – В суд они, понимаешь ли, играли. Очные ставки устраивали. Ты вот лучше мне скажи, где ты была в момент убийства Анастасии Федоровны? – сдвинув брови, осведомился Псковитинов.

– В эдикюле сидела, – понурилась девица.

– В темнице, значит. – Следователь кивнул. – За что?

– Заснула без разрешения. Хозяйка велела трое суток не спать, а я возьми и задремли.

– Понятно. Когда убивали твою госпожу, крики слышала?

– Не слышала.

– Что так? Эдикюль в двух шагах от дома.

– Спала, наверное. – Она простовато повела плечами. – Почти трое суток глаз не могла сомкнуть, вот и сомлела.

– А ты тоже спала? – обратился он к Аксинье.

Вторая горничная тоже оказалась ни в пример хороша, пшеничного цвета широкая коса была уложена вокруг головы, точно корона, голубые чистые глаза смотрели с неммым укором. Несмотря на возраст – тридцать лет, она оставалась весьма привлекательной, и Псковитинов поймал себя на мысли, что ему хочется разглядывать ее всю, как разглядывал бы какую-нибудь картину или статую.

– Какой спать, когда утро и дел выше головы? – Девица поправила прическу. – Семенова Аксинья, христианского вероисповедания, крепостная, родилась и постоянно проживаю в селе Грузино. Не до сна барин, ваша честь, когда две горничные вместо четырех. Только и поспевай.

– Где ж ты была в момент убийства?

– С садовниками разговаривала. Докладывала, какие Анастасия Федоровна желала цветки посадить. Она ведь и форму клумбы хотела переделать. Вот я и старалась. – Аксинья всхлипнула.

– А тебе Анастасия Федоровна сама велела с садовниками поговорить?

– Нет, Параша утром ранехонько растолкала, говорит, одевайся и иди, объясни этим дуракам, чтобы вензель на клумбе выложили, а саму клумбу из круга сделали как бы овалом, как зеркало в гостиной. В общем, все объяснила, я и пошла. А что сделаешь?

– А тебе и в голову не пришло, что эта твоя Параша могла барский приказ перепутать? Почему сама не переспросила? Да и как она одна собиралась и одеть госпожу, и завить?

– Переспросишь тут, – нахмурилась Аксинья. – Враз по лбу чем тяжелым схлопочешь или рогатку на шею. Я однажды месяц в такой проходила. И в баню, и в церковь...

– А если бы ты приказ не так поняла? Если бы не те цветы посадили? Не той формы клумбу вырезали? Может, она тебе хоть чертеж какой передала? Рисунок, на котором госпожа Шумская изволили указать, что, как и куда?

Аксинья молчала.

– Признавайся, слышала, как твою госпожу убивали? Крики? Шум?

Горничная не ответила, роняя слезы и отрицательно мотая головой.

– В десяти метрах от дома и не слышала?! – возвысил голос следователь. – Ладно, уводите их.

– Не верю ни той, ни другой, – подытожил Аракчеев.

– Согласен с вами. Но все же позволю себе провести проверку. – Псковитинов кивнул адъютанту Белозерскому. – Сейчас пойдете в соседний особняк, зайдите в комнату, где произошло убийство, она на первом этаже, помните? И ровно через десять минут, у вас часы есть? Закричите там, будто бы вас режут. Понятно?

– Простите, но, возможно, женский голос звучал бы убедительнее, – остановил готового сорваться с места адъютанта фон Фрикен.

– Поправка принимается, найдите любую дворовую девку или бабу. Отведите ее на указанное место и велите покричать. Вас же, господа, я попрошу спуститься вниз и дойти до той самой клумбы, где горничная разговаривала с садовниками.

Все, кроме Аракчеева, поднялись и направились к выходу.

– Все вещи чистые! – догнав процессию, сообщил Корытников. – Я с лупой разглядывал. Рядом с ним важно вышагивал довольный свалившимся на него приключением Гриббе.

– Добро.

Дойдя медленным шагом до клумбы, они увидели, как адъютант тащит в дом растрепанную девчонку. Поняв, что та не смеет без дополнительного приказанья войти туда, Шишкин побежал к ним, на ходу объясняя ей, что к чему. Очень кстати недалеко от господского крыльца два мужика терпеливо стучали крошечными молоточками по мраморной плите, скорее всего, вырезали составленную Аракчеевым надгробную надпись. Постукивая по специальному резцу, они то и дело сверялись с текстом на бумаге. Псковитинов хотел уже полюбопытствовать относительно содержания траурной надписи, но его отвлекли крики и визг, доносящиеся из дома.

– Может, дверь была закрыта? – переспросил Миллер, невольно морщась от внезапного шума.

– Господин Медведев, – припомнил Псковитинов фамилию оказавшегося рядом с ним адъютанта, – сделайте милость, проверьте, пожалуйста, чтобы все окна и двери на первом этаже были закрыты. А мы, господа, должны о чем-то беседовать. Никогда не любил разговоры ни о чем, но ведь садовники тоже о чем-то говорили, а не ждали, когда кому-нибудь взбредет поорать.

Хлопанье двери было слышно, крик девчонки сделался слабее, но не исчез полностью, не растворился в других звуках.

– Что же, мы получили что хотели. Они не могли не слышать.

Не обращавшие внимания на следственный эксперимент мужики увлеченно тюкали молоточками по мраморной доске.

Глава 9. Новый визит Минкиной

Надо сказать правду, что он был искренно предан Павлу, чрезвычайно усерден к службе и заботился о личной безопасности Императора. У него был большой организаторский талант, и во всякое дело он вносил строгий метод и порядок, которые он старался поддерживать строгостью, доходившею до тиранства.

Таков был Аракчеев.

Н. А. Саблуков⁵⁹. «Записки»

Когда следователи вернулись к себе, Аракчеева там уже не было. Граф появился перед обедом и, отозвав Псковитинова, предложил ему пройти в его кабинет.

Резной наборный паркет под ногами представлял собой сложный геометрический узор, составленный из разных оттенков красного дерева, стены были обиты шелком кирпичного оттенка, почему-то подумалось, в цвет казарм, что у деревни Сельцы. Псковитинов недавно вернулся из тех мест, куда ездил по долгу службы. В глубине огромного кабинета напротив массивного стола красного дерева, за которым, по всей видимости, обычно трудился Аракчеев, красовался массивный мраморный камин, по обеим сторонам которого возвышались ионические полуколонны. На самом камине стояли неожиданно для этой красной комнаты эффектно смотрящиеся малахитовые часы с золотым Прометеем, несущим зажженный факел.

Александр Иванович отметил несколько шкафов с книгами. Вот бы подойти поближе да полистать... Вряд ли граф Аракчеев держит в своем доме какую-нибудь сентиментальную пошлятину. Тут могли обнаружиться словари, исторические труды, может быть, даже переписанные и переплетенные в современные переплеты старинные летописи. Большой друг Аракчеева Великий магистр Мальтийского ордена государь император Павел I отлично знал, насколько Алексей Андреевич не жалуется дорогие монаршему сердцу заграничные веянья, ратуя за возрождение древних обычаев. Безусловно, при иных обстоятельствах поработать в библиотеке Аракчеева было бы более чем полезно.

Ансамбль, состоящий из маленького уютного столика со стоящими рядом с ним креслицами, располагался у окошечка, должно быть, здесь всесильный граф разговаривал на неофициальные темы, принимал гостей, а не отдавал приказания подчиненным. Отличительной особенностью кабинета Аракчеева было то, что вся деревянная мебель и пол были выполнены из дорогого и эффектно смотрящегося красного дерева.

Не мешая гостю разглядывать окружающую его обстановку, Аракчеев прошел к рабочему столу и сел на свое место, так что Псковитинову волей-неволей пришлось занять стул напротив. Судя по выбору места, разговор предстоял официальный.

– Я чувствую, что вас, Александр Иванович, мне Бог послал. – Несомненно, вы разберетесь во всем этом подлом заговоре, – с надрывом заговорил Алексей Андреевич. – Очевидно, что злоумышленники покушались не столько на несравненного ангела Анастасию Федоровну, сколько метили в меня. Двадцать пять лет верной дружбы чего-то да стоят? Как вы считаете? Враги мои, что много раз покушались на жизнь мою, на этот раз рассчитали удар с пугающей точностью. Они понимали, меня можно отравить, можно зарезать, застрелить, но я сильный мужчина и, даже оставшись без охраны, вполне способен дать отпор. Бросившийся на меня с ножом или со шпагой вряд ли вернется с этого предприятия живым и здоровым. Кушанья, которые подают мне, пробуют мои люди, так что покончить со мной не так-то просто. Другое дело... – Его руки рефлексивно сжались в кулаки, голос дрогнул, в глазах блеснули слезы. –

⁵⁹ Саблуков Николай Александрович (1 мая 1776 – 20 июня 1848) – генерал-майор, автор «Записок» о времени императора Павла I и его кончине.

Другое дело – убить близкого мне человека. Вы понимаете, с момента, когда мне сообщили об убийстве Настеньки, ведь я не сплю уже без снотворного. Я не могу нормально трудиться. Не могу думать и принимать решения. Случись что в военных поселениях, я... Иными словами, вчера я написал письмо государю, он знал Анастасию Федоровну и для него это тоже, если и не удар, то известие из ряда крайне неприятных. Так вот, я писал... – Он приложил платок к глазам и держал его какое-то время, собираясь с силами. – Вот, послушайте: «Легко может быть сделано сие происшествие и от постороннего влияния, дабы сделать меня неспособным служить Вам и исполнять свято Вашу волю...».

Аракчеев высморкался.

– Я имел в виду, что ее убили с целью ослабить меня, деморализовать, вывести из строя. Чтобы я не мог уже служить его императорскому величеству, как служил все эти годы. Я говорю все это вам, чтобы вы ведали ход моих мыслей и делали соответствующие выводы. – Он хлопнул об стол письмом, припечатал его сверху ладонью с растопыренными пальцами.

– Все. Более не смею задерживать вас. Назавтра жду на церемонии погребения.

Поняв, что все, что хотел граф, он сказал, Псковитинов с достоинством поклонился и вышел из кабинета.

Остальные допросы челяди в тот день не сдвинули расследование с мертвой точки, только староста Шишкин припомнил, как года три назад на постоялом дворе, что у рынка, подрались каретник с помощником землемера. Да так, что помощник землемера вскоре скончался от побоев. Надо было арестовать каретника, но прогулочная коляска госпожи Шумской нуждалась в ремонте, так что она сначала попросила явившихся за убивцей служивых маленько обождать, а потом и вовсе приказала Шишкину изыскать в Грузино какого-нибудь другого преступника, менее ценного и необходимого в хозяйстве. Каретник был действительно отменным мастером, и заказы на него сыпались от всех соседей, так что староста, поразмыслив так и сяк, собрал односельчан, и всем миром они порешили назвать убийцей калеку-пастуха. Пасти коров и подросток сможет, а каретника расточительно – под суд отдавать, от него прок в хозяйстве великий.

Пастуху же за его добровольную помощь общине починили крышу в доме, взяли старшую дочь Федосью в горничные к госпоже, а также со временем обещали пристроить к делу ребят поменьше. В общем, все остались таким решением довольны.

Псковитинов старательно подчеркнул имя Федосьи Ивановой в своем блокноте, до рассказа Шишкина он полагал, что, возможно, девушка вообще непричастна, теперь же пришлось отдавать распоряжение заключить ее под стражу.

На ночь глядя в Грузино приехал архимандрит Юрьевского монастыря Фотий, и уже готовому ложиться Псковитинову сообщили, что утром его ждут на церемонии погребения.

Корытников устроился в соседней от Псковитинова спальне. И это было удобно. В комнате для слуги теперь как-то уютно камергер Александра Ивановича, Селифан, и личный слуга и кучер Петра Петровича – Яков.

– Надоели мне эти допросы с Аракчеевым. С одной стороны, его сиятельство вроде как со мной согласен, а с другой, это ведь пока мы с ним мыслим сходно, а стоит в сторону дать – так он, пожалуй, и нас с тобой, как того юного попики, кнутом из имения прогонит. А захочет, так и в эдикюль местный вместе с нашими же подследственными запрет, – вздыхал Псковитинов.

– Ага, с него станется, – согласился Корытников.

Сегодня оба следователя обнаружили на своих столах по бутылке мадеры. Аракчеев знал их пристрастия, стало быть, собирал сведения. Но мадера – ерунда. А вот что он раскопал еще?!

– Я вот что думаю, пока его сиятельство занят похоронами, отправлю-ка я его людишек в более надежную тюрьму – новгородскую. А то как бы он, устав ждать правосудия, сам за палаческое ремесло не взялся. И что самое поскудное, случись ему, да хоть этой ночью, выпустить

кишки поваренку Ваське за то, что тот его зазнобу зарезал, так нам с тобой останется либо писать рапорт о самоубийстве последнего, либо врать, де сбежал подследственный и следов не оставил.

– Ну да, самим под суд.

– А что, прикажешь двадцать четыре человека вынуть из темницы и разместить в наших с тобой покоях? Дабы жестокий мститель до них не добрался?

– Очень надо мне от их смраду теперь же задохнуться. Нет уж, давай поутру высылай одного из наших адъютантов хоть в Ям-Чудово, хоть в Тихвин с просьбой выделить сопровождение до самого Новгорода.

Ночью Псковитинов долго ворочался с боку на бок, пытаясь догадаться, приснилась ему Минкина или явилась к бодрствующему. Днем он спросил Агафона, кто приносил в его комнату бутылку мадеры, но старик только и мог, что жаловаться на новые порядки и пожимать плечами. О том, что Псковитинов равнодушен к этому напитку, сообщил знавший его лично, а может быть, еще и покопавшийся в личном деле фон Фрикен. Аракчеев же еще раньше распорядился всячески угождать новому гостю, вот дворецкий и расстарался, получив в графском винном погребе означенную бутылку под личную роспись и пообещав, что теперь, скорее всего, будет являться за этим делом аж до окончания следствия. Но вот кто отнес? Когда Псковитинов начал его расспрашивать, несчастный даже умудрился найти специальную бирку от этой самой бутылки. После чего сводил шепетильного барина в погреб, где на специальных полках хранилось дорогое вино, которое непьющий Аракчеев держал для гостей. Все сорта размещались отдельно друг от друга, на бутылочных горлышках имелись бирки, на которых значилось имя поставщика, дата изготовления и дата приобретения напитка, кроме того, индивидуальный номер.

Жалея время, Псковитинов не стал инспектировать еще и подвал, где на леднике хранились различные деликатесы, будучи уверен, что подобный порядок во владениях Аракчеева установлен повсеместно. Непонятно, как при таком контроле мог провороваться бывший дворецкий Илья Ильич Стромилов?

И вот теперь Александр Иванович ворочался в своей кровати, надеясь почувствовать, когда Настасья Федоровна пожелает навестить его еще раз. Понимая, что не может уснуть, он налил себе рюмку и тут же вздрогнул, увидев, что другая протянутая рюмка зависла в воздухе прямо перед его носом. На самом деле рюмка отнюдь не научилась летать, ее поддерживала пухленькая белая ручка аракчеевской домоправительницы.

– Анастасия Федоровна! – От испуга Псковитинов пролил несколько капель на одеяло. Ожидая графскую экономку, он лежал в постели в роскошном китайском халате.

– Она самая. Простите, что напугала вас. – Минкина потупилась, черные длинные волосы на этот раз были распущены по плечам, на голове красовался кокетливый ночной чепец с кружевами.

Не смея оторвать взгляд от гостьи, Псковитинов наполнил ее рюмку.

– Вы, я видела, изволили погреба инспектировать? И что же? Как нашли порядок? Все понравилось? Есть какие-нибудь нарекания? Не проворовался ли опять кто?

– Порядок во вверенном вам доме считаю идеальным и достойным всяческих похвал, – не без восторга ответствовал он.

– Только прислуга сейчас. – Она рассмеялась, махнув ручкой.

– Ну, прислуга. – Псковитинов смотрел в чистое, без шрамов лицо Минкиной, находя его и привлекательным, и отталкивающим одновременно.

– Ты бы пожалел меня, Александр Иванович? Тяжко мне одной в зеленой гостиной в гробу-то лежать. Вопиют мои раны, обида гнетет. Отчего эти изверги живут, а меня завтра зароят в сырую землю? Глупая босоногая девка будет воздухом дышать, цветы на поляне рвать, а я уж более никогда... – Минкина зарыдала, и плач ее все более походил на стон и рычание.

– Отомсти за меня, Александр Иванович, не то не будет мне покоя! И его сиятельство... Как он без меня?.. Ныне один, а завтра?.. Ужели забудет меня и с другою утешится?.. Нет, не хочу такого!.. Во мне ведь столько силы, столько жизни было, столько любви! Почему?! Почему?! За что мне участь сия?! – Минкина пригубила рюмку с вином, по подбородку потекло красное... вино ли? Кровь? Неожиданно ее лицо начало меняться: лопнули губы, открылась, подобно кровавой пасти, страшная рана на шее, другая, поменьше, – на груди... Изрезанные пальцы трепетали, изгибались в неестественных направлениях, словно бы пытаясь оттолкнуть нож, закрыть, закупорить раны... Минкина вся сочилась кровью, слепо глядя в пустоту и вновь, и вновь пытаясь поймать окровавленными руками невидимый нож. Рана, зияющая на горле, распаивалась все шире и шире, так, что голова уже откинулась вбок и назад, соединенная с остальным телом тонким лоскутиком мертвенно-белой кожи, вот-вот готовая оторваться под собственной тяжестью.

«Голова на ниточке» – вот что значит сие выражение!..

– Помоги мне, Александр Иванович! Спаси меня, соколик ясный! Век Бога молить буду!

Псковитинов проснулся оттого, что Селифан тряс его за плечо.

– Пора вставать, барин. Грех опаздывать.

Псковитинов взглянул на бутылку, она оказалась открытой, в рюмке на доньшке оставалась капелька вина. Свою рюмку, как в прошлый раз, коварная покойница забрала с собой.

Странное дело, Псковитинов никогда не считал себя излишне ранимым или впечатлительным, да и дела об убийствах он уже с успехом распутывал, лет-лет и памяти нет. Отчего же в этот раз, он вторую ночь видит во сне бродящую по комнатам покойницу? Мало того, судя по внешней усталости и издерганности обитателей дворца в Грузино, остальные тоже спят далеко не снами праведников. Любопытно было бы расспросить, не являлась ли Минкина кому-то еще.

Вода для умывания была согрета, и камердинер уже стоял с полотенцем на изготовку.

Умывшись и побрившись при помощи того же слуги, Псковитинов вышел в общую с Корытниковым гостиную, которую они использовали под помещение для произведения дознаний, и застал там умытого и одетого Петра Петровича. Тот уже написал приказ в ближайшую управу о выделении конвоя до Новгорода, и теперь собирался передать одному из приставленных к ним Аракчеевым адъютантов.

– Сколько человек ты собираешься отправить в Новгород? – поинтересовался Корытников, перечитывая текст.

– Двадцать два. – Псковитинов попросил Селифана найти кого-нибудь из адъютантов и доставить к ним.

– Кому же так повезло?

– Трое садовников действительно могли ничего не слышать. Не слышали же вчера криков мужики, занятые погребальной плитой. А вот горничная Иванова, пастухова дочка, имела зуб на Минкину за сосланного в Сибирь родителя.

– Так ее же там не было! – не поверил приятелю Петр Петрович.

– Не было, но что-то пока останавливает меня отпустить сию особу. – Псковитинов поморщился. – Считай, что я, как та глупая баба, которая, обжегшись на молоке, теперь дует и на воду. Староста еще напомним его сиятельству историю с каретником, и что тогда? Запрет девчонку. Пусть лучше у нас под боком посидит. Да и ты прикажи Яше, чтобы вещи были собраны, похороним Анастасию Федоровну – и лучше бы не задерживаться. По уголовному законодательству все расследования, число обвиняемых по которым превышает девять человек, разбираются в Сенате. Так что наша с тобой задача – провести предварительное следствие, а затем все по форме передать в вышестоящую инстанцию. И делать я это собираюсь в Новгороде, здесь на полдня лишних не задержусь. А то наш хозяин, по секрету тебе скажу, письмо государю императору уже отослал. Я черновик видел. Заговор против себя распуты-

вает. Так, если что, если он и к тебе с этим делом сунется, заранее со всем соглашайся, но скажи, что такие дела по селам да деревням не распутываются. Доберемся до города, там все и обрешаем самым тщательным образом, со всем усердием. Главное, чтобы он нас здесь не задерживал, потому как, если Жеребцов нас заставит правительственный заговор расследовать...

– Да уж... в это болото один раз попади. Врагу не пожелаешь.

Глава 10. Аракчеев у себя дома

*В столице он капрал, в Чугуеве⁶⁰ – Герон.
Кинжала Зандова⁶¹ везде достоин он.*

А. С. Пушкин

Следователь казался толковым, впрочем, это первое впечатление. Аракчеев вынул из стола папку с документами Александра Ивановича Псковитинова и углубился в чтение. Впрочем, тут можно было лишний раз не проверять, начальство отмечало талант, смелость и находчивость, честность и неподкупность – то, что нужно. Среди грехов – за Псковитиновым числились: непочтительность к начальству и формальное неподчинение приказу. Аракчеев сморщился, отстранившись от стола. Неподчинение приказу – что может быть хуже? Впрочем, ниже шло объяснение, оказывается, что за оную провинность Александр Иванович был временно отстранен от службы и возвращен на нее, когда против его непосредственного начальника было заведено дело, в результате разбирательства которого стало понятно, что Псковитинов не отступил от буквы и духа закона, чего от него требовал его тогдашний начальник. А стало быть, его неподчинение неправомочным приказам было оправдано и засчитано ему впоследствии за особую доблесть.

– Что же, раз так. – Алексей Андреевич прошелся по комнате и остановился у окна. – Если имеет место заговор с целью вывести из строя ближайшего сподвижника его императорского величества, а надо признать, злоумышленникам это почти удалось, стало быть, организаторы и заказчики и при чинах, и при орденах, да и класса, поди, повышеэтого самого Псковитинова будут. А стало быть, пойдут и угрозы и... Если те, кто загубил Настасью, возьмутся за этого сыскаря, от бедного полетят клочки по закоулочкам. Если главный заговорщик вдруг окажется, к примеру, прямым начальником Псковитинова или будет иметь возможность влиять на последнего, человек пожиже безусловно подчинится обстоятельствам, здесь можно сослаться и на исполнение приказа, и на законный трепет перед начальством и... Даже неплохо, что Псковитинов способен нарушить прямой приказ. В этом деле по-другому, пожалуй, не получится. Со своей стороны Аракчеев был готов, если понадобится, организовать круглосуточную охрану следователя и его близких. Беречь Псковитинова как зеницу ока. Он уже подумал было снова вызвать к себе Александра Ивановича, дабы высказать ему посетившую его мысль, но в последний момент одумался, решив лишний раз не пугать человека.

После того как староста доложил, что Настасья больна и Путятин ляпнул, де голова на одной коже осталась, – при воспоминании его передернуло. После этого Аракчеев сутки ничего не мог в рот взять. Ничего и не хотелось, с величайшим трудом Миллер заставил его сначала пить простую воду, а потом принимать лекарства и даже есть. Да было необходимо как-то держаться, в противном случае его враги, враги России будут праздновать полную победу над графом Аракчеевым. А он не сможет отомстить за Настасью, которая зывала к нему из гроба.

А впрочем, что он теперь может? Мужчина, не сумевший защитить свою женщину! Стыд и позор. И не важно, что она была холопка, а он господин, настоящие браки заключаются на небесах, а с Настасьей их связывало нечто более, чем обыкновенный житейский брак. Алексей Андреевич был женат и свой брак святым союзом ни в коем случае не считал. Решил,

⁶⁰ Чугуев упомянут в связи с бунтом военных поселян в 1819 г.

⁶¹ Немецкий студент Карл Занд (1795–1820) 23 марта 1819 г. в Мангейме убил известного немецкого драматурга А. Ф. Коцебу (тот активно пропагандировал политику Священного союза, и в Германии его считали шпионом Александра I).

понимаешь ли, семью завести, детей. Законных детей, сына-наследника, дочку-красавицу. В ту пору как раз выяснилось, что Анастасия подло обманула его доверие, воспользовалась тем, что его месяцами дома не бывало, сообщила, мол, ношу ребенка под сердцем, а потом, когда он, лишившись должности, мрачно ехал к себе в Грузино, вдруг гонец принес долгожданное известие «сын родился»!!! Сколько было счастья!

Когда вдруг дворовые проговорились, что ребенок не его, даже не Настасьин, сын кормилицы Ульяновой, Аракчеев уехал из Грузино. Думал забыться в Петербурге, углубился в работу, а потом взял и женился. Без любви, хотя поначалу казалось, что и любовь будет, и все, как положено, невеста – очаровательная, не испорченная светом девушка, на пятнадцать лет моложе, но... Видно, на роду ему написано одну Настасью любить, а с другими только баловаться. Видно, однолюб, хоть до женщин всегда охоч был. И вот теперь ее, единственной, и не стало.

А ведь какая хорошая была, как заботилась! Однажды, попив чаю с Минкиной, отправился было на смотр полка, дождик, помнится, накрапывал, так она, точно кошка угоревшая, вдруг как выскочит за ним, Аракчеев уже подумал, баба-дура, хочет, чтобы он зонт в руки взял или еще какое-нибудь баловство. А она вдруг как кинется ему на шею, как зашепчет: «Убить тебя попытаются, роденький, проверь ружье у правофлангового Свиридова». «Черт знает что, блажит баба, с жиру бесится». Тем не менее взял да и проверил. И что же – боевой патрон! А не должно быть. Свиридова под суд, а Настасье благодарность и подношение – серьги и кольцо с бриллиантами, прежде думал на День ангела презентовать, но раз такое дело... Женская душа – душа особенная, умная душа, глазастая, она беду чувствует, а как еще сказать, коли патрон углядела?

Аракчеев посмотрел на стол, в углу уже несколько дней, секретарь повадился складывать в особую коробку письма и донесения, присылаемые каждый день из всех военных поселений. Да, прежде такого не случалось, чтобы граф Аракчеев отошел ко сну, не разобрав всей корреспонденции до последней бумажки. Дожили. Теперь же у него рука не поднималась просматривать почту. Надо дела передавать, пока сам же все не загубил. Команду по поселениям генерал-майору Эйлеру⁶², а дела по совету и комитету в Санкт-Петербурге – Муравьеву⁶³.

Аракчеев задумался, после чего взял гербовый лист бумаги и начал писать. Если бы уважаемый читатель зашел теперь за спину Алексею Андреевичу и заглянул в написанное, то смог бы прочитать: «Я одной смерти себе желаю, а потому и делами никакими не имею сил и соображения заниматься... Не знаю, куда сиротскую голову приклонить, но уеду отсюда».

Почему-то вспомнилось, что когда-то, так давно, что лет, лет и памяти нет, отец мыслил сделать из него подьячего. Думал, что его старший сын, выучившись, сумеет снискивать пропитание себе пером и крючками. В чем-то он был прав, Аракчеев действительно больше сидел за письменным столом, нежели на коне. Любое дело требовало догляда, а стало быть, строгой отчетности, никому не доверяя, он привык вникать в мельчайшие подробности, ставя личную резолюцию, как на донесение деревенского головы, так и на рапорта присланные генералами. Впрочем, за всей Россией не углядишь... но попытаться-то можно.

В детстве ему особенно давалась математика, зато все учителя говорили, что каллиграфа из него не выйдет. Директор кадетского корпуса, куда приняли десятилетнего Алексея Аракчеева, генерал Петр Иванович Мелиссино⁶⁴ благоволил к юному кадету. Услужливый, исполнительный, послал же Бог ученика! Не нарадоваться! Казалось, нет такого дела, которое, потрудившись как следует, не сможет одолеть понятливый мальчик. Закончив курс обучения,

⁶² Эйлер Александр Христофорович (1773–1849) – российский командир эпохи наполеоновских войн, генерал от артиллерии Русской императорской армии.

⁶³ Муравьев Николай Назарьевич (1775–1845) – историк-археолог, новгородский губернатор 1815–1818 гг., сенатор из рода Муравьевых. Статс-секретарь Николая I.

⁶⁴ Пётр Иванович Мелиссино (1726 – 26 декабря 1797 г.) – первый русский генерал от артиллерии.

Аракчеев был оставлен в корпусе в качестве учителя математики, а после, согласно приказу цесаревича Павла Петровича, в числе лучших офицеров был отправлен на службу в гатчинскую артиллерию.

При воспоминании о Гатчине Аракчеев закрипел зубами, ведь именно там он повстречался с красавицей-цыганкой Настасьей Минкиной, столь непохожей на всех прочих девиц и женщин, которых он прежде видел.

Куда ни кинь – все она. О чем ни подумай, о ней подумаешь. Говорят, христианин должен уметь прощать, но как же такое можно простить? Чтобы живую женщину в ее же доме, как свинью на убой... Он вспомнил черные раны, разрубленное горло, изрезанные до костей пальцы... «Не прощу никогда. Нельзя такое прощать!»

Аракчеев поднял глаза на икону Казанской Божьей Матери и размашисто перекрестился. «Знаю, что грешен, но только оставим это покамест». Кроткий лик Богоматери, освещенный тусклым светом лампы, утопал в серебряной блестящей ризе.

Простить это можно, умрут страшной смертью убийцы Настеньки, тогда и наступит время прощать. Только наперво он лично на казни их будет любоваться, смотреть, пока не насмотрится всласть, чтобы не забыть никогда в жизни, чтобы на век вечный запомнить, затвердить, как урок школяр. Вот тогда и можно будет простить да с чистой душой перевернуть еще одну страницу в книге собственной жизни. Но сначала отомстить.

Глава 11. Похороны Минкиной

*Надменный временицки, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Внесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой яркий гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожусь, подлец;
Из уст твоих хула – достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем!
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?*

К. Ф. Рылеев. «К временицкику»⁶⁵

Церковь была убрана с богатой торжественностью, сообразно особому статусу покойницы. Вел службу друг Аракчеева, архимандрит Юрьевского монастыря Фотий, из надгробной речи которого пришедшие отдать последний скорбный долг Анастасии Федоровне узнали, что покойница непременно поступит в сонм великомучениц.

Удивленные подобным заявлением приглашенные смущенно переглядывались, какая же из Минкиной, с позволения сказать, святая мученица?! Разве домоправительница пострадала за дело Христово? Разве не самое житейское, хотя и совершенное с особой жестокостью, убийство расследуют нынче новгородские сыскари?

Запах цветов и ладана переплетался с вонью разлагающегося на жаре тела. В церкви, несмотря на знойный день, было прохладно, но находиться там не хотелось. Псковитинову подумалось, что большая удача уже и то, что не придется тащиться по такой жаре при всем параде на кладбище, да еще и выстаивать на солнцепеке у свежерытой могилы. С трудом собирая силы, чтобы не грохнуться в обморок, следователь хватал ртом воздух, думая только о том, как хорошо было бы продвинуться к дверям и словить там хотя бы немного свежего воздуха. Но он не имел права отойти от гроба, следящий за соблюдением церемонии граф изначально скрупулезно распределил, кому и где находиться согласно Табели о рангах, и нарушь Александр Иванович установленный регламент, это могло послужить поводом для недовольства его сиятельства. С другой стороны, вряд ли ему бы понравилось, если бы кто-то на отпевании грохнулся в обморок.

В самом начале Александр Иванович отметил, что Аракчеев как будто ждет кого-то. Перебрав в памяти сослуживцев и челядинцев Алексея Андреевича, о которых он знал, Псковитинов догадался, что Аракчеев ожидает сына. В середине церемонии высокий юноша в мундире гренадерского полка, действительно, тихо прошел через всю церковь, остановившись подле его сиятельства.

– Глянь, Михаил Андреевич собственной персоной, – толкнув приятеля, прошептал Корытников. Со своего места Псковитинов видел только очень широкие плечи молодого человека да затылок. У Михаила Шумского были темно-каштановые волосы. У Аракчеева и Минкиной черные, но это ничего не значит, очень часто ребенок ни в мать, ни в отца, а в кого-

⁶⁵ Впервые опубликовано в журнале «Невский зритель» (1820, № 10).

нибудь из родни. К тому же Александр Иванович еще не видел лица. За разглядыванием спины Шумского Псковитинов немного забыл о своих недомоганиях.

Наконец служки открыли глубокий склеп у алтаря, откуда тотчас понесло холодной затхлостью, и начали на веревках опускать гроб. Темный лакированный гроб, как драгоценная шкапулка, покачивался, уплывая все глубже и глубже. Раздался глухой стук, гроб встал на место. Теперь нужно было извлечь веревки, закрыть отверстие плитой и... Псковитинов с благодарностью принял из рук Петра Корытникова раздобытый им невесть где флакончик с отвратительно пахнущей солью, когда вдруг раздался истошный крик и, раскидав стоящих у ямы, Аракчеев бросился на гроб, как ребенок кидается с обрыва в воду. Мгновение – и его рев сменился стуком и болезненным плачем.

Как по команде, Псковитинов и Корытников бросились к краю ямы, но сын Аракчеева оказался там раньше. Должно быть, попытался в последний момент схватить чокнувшегося от горя отца, да чуть не полетел вслед за ним, каким-то чудом остановившись над пропастью, балансируя руками. Одновременно с ними на помощь Аракчееву поспешили несколько военных. Лежа на гробе, граф перевернулся на спину и теперь валялся там, как гигантский жук, суча лапками и истошно вопя: «Режьте меня, лишайте жизни, злодеи, паразиты!» Было понятно, что просто вытащить графа, подав ему руку, как это собирался сделать Михаил, не получится. Лицо его сиятельства было в крови, не исключено, что он сломал себе нос, кроме того, при таком падении человек неминуемо должен был повредить ладони и колени. Трое мужиков спустились в склеп, но Аракчеев из-за травм не мог самостоятельно подняться на ноги. В результате в яму забрались еще двое молодцев, в одном из которых следователи узнали Михаила Андреевича. Все вместе они подняли графа и, возвысив его над собой, передали стоящим наверху.

Лоб был сильно разбит, сломанный нос казался расплюснутым, все лицо покрывала кроваво-слизистая субстанция. Кроме того, Аракчеев сильно вывернул плечо, во всяком случае, кость выпирала явно не к месту, разбил колени и костяшки пальцев. Прощупав все кости его сиятельства, Миллер с удовлетворением сообщил, что переломов не обнаруживается, после чего вправил плечо.

С тревогой наблюдая за тем, как доктор возвращает к жизни графа, как слуги бегают с полотенцами и водой, несут бинты для перевязки и флаконы с какой-то жидкостью, Корытников упустил из внимания Михаила Андреевича, когда же нашел, постарался тут же опустить глаза. С непринужденностью человека, находящегося на отдыхе, устроившись на полу в углу церкви, сын Аракчеева потягивал нечто из походной фляжки.

– Сам суди, приврал ли я тебе хоть настолечко относительно этого юноши, – прошипел Петр Петрович в ухо Псковитинову, и тот тоже посмотрел на Михаила.

Заметив, что на него начали обращать внимание, молодой человек поднялся, держась за стену, и дружелюбно протянул фляжку Псковитинову.

– Угощайтесь, французский коньяк. – Он икнул, и следователи вдруг одновременно поняли, Шумский сильно пьян.

– Ну же, господа, за помин души драгоценной покойницы. – Широкое скуластое лицо с низким лбом и нависшими черными бровями сияло радушием гостеприимного хозяина, зеленые цепкие глаза метали веселые искры. Молодой человек поднялся, но тут же был вынужден снова опереться о стену.

– Благодарю покорно, служба еще не закончилась.

– Ну, как желаете, тем не менее не знаю, как служба, а вот коньяк скоро точно... ик... закончится. Шумский Михаил Андреевич. – Он резко поклонился, на секунду потеряв при этом равновесие.

– Псковитинов Александр Иванович, а это Корытников Петр Петрович, мы расследуем дело об убийстве вашей матушки. – Псковитинов пожал протянутую ему руку, Корытников сделал вид, будто бы отвлекся на объясняющего что-то фон Фрикену митрополита.

– Не знаете, это надолго? Я не спал всю ночь, и маковой росинки с утра во рту не наблюдалось.

Должно быть, про фляжку коньяка он уже благополучно забыл.

Корытников посмотрел в сторону забинтованного Аракчеева, Агафон принес барину стул, но, судя по тому, что Миллер никак не мог остановить носовое кровотечение, все могло растянуться как угодно долго. Проще всего было бы уложить графа в постель и завершить похороны без него.

Допив остатки из фляжки, Михаил бросил ее своему денщику и, подойдя к отцу, о чем-то спросил его.

Похороны явно затягивались, не зная, чем себя занять, кто-то вышел на крыльцо подышать, кто-то помогал Миллеру, кто-то с нарочитым вниманием разглядывал роспись стен. Наконец, когда Алексею Андреевичу была оказана первая помощь, Фотий призвал собравших завершить начатое. Все снова заняли свои места, и только пострадавшему графу было разрешено сидеть на специально принесенном для него стуле. Двое лакеев вынесли мраморную плиту, на которой была высечена следующая надпись: «Здесь погребен 25-летний друг Анастасия, убиенная дворовыми людьми села Грузино за искреннюю ея преданность к графу».

Надпись, не содержащая ни фамилии, ни отчества, ни даты рождения, ни даты смерти, выглядела вызывающе. Мало этого, Аракчеев заранее вынес свой вердикт относительно личности виновных, да еще и добавил перца, дав понять задолго до решения суда, что это был заговор против него самого.

Отдохнув и отдышавшись после похорон, Псковитинов собрал у себя следственную комиссию, желая продолжать допросы вплоть до появления вызванного им конвоя.

Первым делом переписали всех присутствующих на заседание, далее Псковитинов поинтересовался у писаря относительно того, доставлена ли в Грузино и взята ли под стражу Федосья Иванова. Оказалось, что последняя уже задержана и препровождена в местное узилище. Кроме того, адъютант Белозерский сообщил, что брат и сестра Антоновы дружно просят дать показания.

– Что же, считаю необходимым просьбу уважить, – устало улыбнулся Псковитинов, после последней выходки Аракчеева в церкви он мечтал только об одном – как можно шустрее убраться из Грузино, прихватив с собой всех подследственных.

Ввели Прасковью и Василия. В длинных домотканых некрашенных рубахах они выглядели моложе, чем были на самом деле.

– Мы решили покаяться, – изучая ковер на полу, с порога сообщил Василий.

– Угу, – кивнула его сестра.

– Вы хотите дополнить ранее данные показания или отказаться от оных? – Псковитинов обернулся к секретарю, проверяя, начал ли тот запись. И снова перевел взгляд на задержанных.

– Мы того, не сами решились домоправительницу зарезать. Нас баба одна подучила, – шмыгая носом, сообщил Василий.

Участники судебного заседания начали перешептываться.

– Какая баба? Можете назвать имя? – В комнате было невыносимо душно, Псковитинов покосился на окна, но те были распахнуты.

– Дарья Константинова, банкирская жена, – выпалила Параша, теребя косу. – Вот кто!

– Так-с. – Псковитинов запустил пальцы в узел галстука, но развязать его не посмел. – Ну, что же вы, рассказывайте, как дело было.

– Она нам денег пообещала, пятьсот рублей, – произнес, точно отвечая заученный урок, Василий. – Такие деньжищи на дороге не валяются.

– Не-е-е, не валяются, – горячо подтвердила Прасковья.

– А к чему вам, поганцам, такие деньги, коли вы потратить их с толком не сможете? – не выдержал доктор Миллер. – Как вы общине объясните, откуда у вас такие, как вы изволили выразиться, деньжищи?

– Мы бежать хотели. – Параша смотрела на судейских с детской доверчивостью. – Потому как мочи нет жить здесь! Чуть что – Настасья Федоровна то в зубы заедет, то по голове. Порола по два раза на дню, бывало, и собственноручно. Била чем под руку подвернется, рогатину заставляла носить неделями. И в церковь Божью с рогаткой, и спи с ней, и ешь, и барыне служи. А если вдруг что зацепишь этой самой палкой, то уже страшно и подумать, что она с тобой сделает.

По залу суда прошел возмущенный ропот.

– И куда же вы собирались бежать? – поинтересовался Псковитинов.

– Далеко бы без паспортов они ушли, – хихикнул фон Фрикен.

Псковитинов злобно глянул в его сторону.

– В Оренбургскую губернию хотели податься. – Казалось, Василий был рад наконец-то поговорить с кем-то о своих планах. – Друг у меня есть, Илья Протопопов⁶⁶, солдатский сын, он обещал пристроить нас у своих родных. За двести пятьдесят рублей они бы нас там спрятали, и Ильюха с нами бы пошел. Потому как одному боязно. Что же касается паспортов, так мы это как раз понимаем. Да вы, господа хорошие, хоть казначея местного Ухватава⁶⁷, значитесь, спросите, допытывался ли я у него, может ли он «билеты отпущенных солдат» выписать. И он сказал, что есть способы спроворить дело так, что комар носа не подточит.

Задав еще несколько вопросов, Псковитинов велел отвести Антоновых в эдикюль. Отметив для себя необходимость вызова на допрос свидетелей Протопопова и Ухватава. Впрочем, эти подождут, тут же вырисовывалась другая, пожалуй, более интересная, личность.

– А не та ли это Константинова, у которой госпожа Шумская якобы отобрала младенца? – поинтересовался Александр Иванович у Корытникова.

– Та самая. – Петр Петрович казался растерянным и совершенно сбитым с толку.

– А можно ли доставить в суд означенную Дарью Константинову? – Псковитинов посмотрел в сторону готовых исполнять его приказания адъютантов.

– Идите на площадь, там за банком роскошный голубой дом в два этажа с резными ставнями. Вот там и проживает банкир с супругою, – сориентировал их староста Шишкин.

– Ты говорил, местный банкир имеет тысячу червонных оклада? Получается, что для Константиновой пятьсот рублей – это не такая уж и неподъемная сумма.

– Ага. За родное-то дитя. Это я понимаю. – Корытников кивнул. – Граф-то, поди, не станет возражать, если банкир вернет себе сыночка, Минкиной же, что в голову взбредет, оттуда, я слышал, обухом не выбьешь.

– Скорее всего, он об этом зверстве вообще не знал. Чай, ему есть чем заняться, как только детей чужих пересчитывать, – заступился за Аракчеева Миллер.

Псковитинов вытер платком взопревший лоб. Сколько нужно времени, чтобы привести на допрос одну женщину? Может, полчаса, а может, она заартачится или ее вовсе дома не окажется. Может же Константинова уйти в гости к соседке, уехать в другую деревню по делам, ищи ее... Понимая, что перерыв объявлять рано, а просто сидеть сложа руки скучно, он обра-

⁶⁶ Протопопов Илья – фигурировал в деле об убийстве А. Шумской.

⁶⁷ Ухватав Петр – крепостной крестьянин, родился в селе Грузино, помощник казначея. Фигурировал в деле об убийстве А. Шумской.

тился к готовому выполнить его приказ адъютанту, чтобы тот привел из эдикюля кухмейстера Ивана Аникеева, арестованного вместе с другими людьми Минкиной.

Иван Аникеев оказался достаточно неприятным лысеющим мужичком лет пятидесяти или немного больше. Высокий и худой, он настолько приучился заискивать перед своими господами, что спина его стала похожа на знак вопроса, а длинные, похожие на ветви дерева руки, доходили чуть ли не до колен.

Об Аникееве доподлинно было известно только одно: он был ушами и глазами покойницы, сообщая ей обо всем, что происходило в доме.

– Что же ты, любезный, обо всем докладывал, а что Василий и Прасковья Антоновы решились ее милость жизни лишить, прозевал? – начал с вопроса Псковитинов.

– На благодетельницу нашу, на Анастасию Федоровну, и раньше покушались, супостаты. – Аникеев заплакал, утирая глаза рукавом выданной ему робы. – Вот четыре года назад стерва эта, душа анафемская Парашка, подговорила Федосью и Таньку мою отравить госпожу домоправительницу. Мышьяк где-то раздобыла, а Васька-поваренок этим самым ядом соус чесночный для ее милости и приправил. Анастасия Федоровна после этой трапезы несколько дней по краю гроба ходила, доктор Миллер ей желудок промывал, отходил как-то. Да вы его и спросите, лучше меня знает.

– Отчего же ты, каналья, барыню или барина тогда же не предупредил?! – не поверил услышанному Корытников.

– Так я сильно опосля об деле этом черном услышал. От дочки своей и услышал. От Татьяны, значит. Только как докажешь? Она – Парашка – злющая девка, даром что скромницей пытается себя выказать. Анастасия Федоровна ее насквозь видела, а вот яда сколько ни искала, так и не нашла. Все я ей, сердешной, тогда рассказал и дочери своей проклятушей не пожалел. Все, как заслужила. После этого Анастасия Федоровна начала делать внезапные проверки, слуги из графского дома идут и трясут вещи наших слуг. А потом наоборот, а она и я за всем этим доглядываем.

– Относительно внезапного отравления госпожи Шумской так и было, – подтвердил Миллер. – Отравление действительно имело место, но был ли это яд, или Настасья Федоровна изволила скушать что-нибудь несвежее, установить не удалось.

Отправив в эдикюль Аникеева, Псковитинов вызвал его дочь – горничную Татьяну, и та неожиданно полностью подтвердила слова отца, заметив, что после того случая они еще несколько раз пытались отравить ненавистную домоправительницу. А яд держали в доме у Дарьи Константиновой.

В этот момент адъютант ввел в зал суда толстую молодую женщину, одетую в клетчатое модное платье с розовыми фестончиками. Из-под края юбки высывались носки симпатичных светлых сапожек с атласными, опять же розовыми, лентами.

– Дарья Константинова по вашему приказу доставлена, – отрапортовал адъютант и, развернувшись, сел возле двери.

Конечно, по правилам он должен был сначала доложить, а потом уж вводить арестованную в зал суда, далее следовало установить личность задержанной, но да, поздновато исправлять ситуацию, и Псковитинов решил идти напролом. Кивнув в сторону дающей показания Татьяны Аникеевой, он спросил:

– Подтверждаете ли вы, Дарья Константинова, что присутствующая здесь Татьяна Аникеева оставляла вам на хранение яд?

– Я не... – Татьяна затряслась, отчего ее необъятное тело заколыхалось, точно студень, а розовые фестончики начали шевелиться, точно живые.

– Не отпирайтесь. Я ведь могу сейчас же пригласить сюда Прасковью Антонову и ее брата, а также других участников заговора. Не стоит лгать, душа моя, все давно раскрыто. Следствию интересно услышать лишь ваше добровольное признание.

– Ну, оставляли какую-то склянку. Да только вот тебе истинный крест, отец родной, не знала я, что в ней. Потому как к чужому добру сызмальства равнодушна. – Татьяна тяжело дышала, обмахиваясь откуда-то появившимся у нее в руках веером. – Меня спросили: «Можно у тебя постоит?» А мне что, жалко? Место есть.

– А как они вам объяснили, почему не желают держать склянку у себя?

– Параша сказала, госпожа Мин... Шумская завела моду обыски устраивать, найдет – так запороть может. А у меня она искать не станет. В ту пору Анастасия Федоровна мне очень поверялась. Я у нее, почитай, наперсницей была. Чуть что, за мной посылают-с. А я что? Я рада. Все веселее, чем дома-то целый день скучать-с.

– Так, если в пузырьке средство безобидное, отчего же они боялись его домоправительнице показывать? – Псковитинов переводил взгляд с Татьяны на Дарью, с Дарьи на Татьяну.

– Средство-то это того. Не от живота. А... – Дарья замылась. – Все ведь знали, что Минкина через постель графскую в большие барыни выперлась. Прежде-то, люди говорят, девчонкой голоногой бегала. Овчаркой... в смысле, за овцами ходила. Тянька ейный – кузнец Федор-покойник, здесь все его знали. Когда его сиятельство ее – Минкину, стало быть, в Грузино привез, мы сначала с ней даже какими-никакими подругами стали. Да-с, в ту пору она нос-то не задирала, это потом, когда Мишенька появился, пошло-поехало.

– Не забываетесь, – постучал по столу Псковитинов.

– А я и не забываюсь. – Толстое лицо Дарьи покраснелось и пошло пятнами. – Все скажусь, и что хотите со мной делайте. Настька – конюхова дочь, на самом деле отец ее Яськой на цыганский манер звал, а все цыгане колдовать горазды. Вот она Алексея Андреевича и приворожила. Но его сиятельство – мужчина видный, он хоть от Настьки по собственной воле оторваться не смел, ибо колдовство у нее сильное, но нет-нет, на других девок или даже баб все же заглядывался.

– На тебя, что ли, заглядывался?! – без разрешения встрял Шишкин. За что получил предупреждение суда.

– Я женщина замужняя. Не обо мне речь. – Дарья подбоченилась. – Все видели, как барин смотрел на Парашу Антонову. Ей в ту пору едва шестнадцать исполнилось, а он уже глаз отвести не мог. Так Настасья Федоровна что сделала, она ее к себе в горничные взяла, на глазах чтобы все время находилась. А до нее точно так же была на службу Аксинья Семенова принята. Первой красавицей на селе слыла, женихи толпами... А теперь тридцать лет в девках, ни мужа, ни деток, и еще столько же просидела бы, потому как, пока Аксинья красоты не утратила, Настька бы ее ни за что от себя не отпустила. Да вы посмотрите на ее комнатных девок, одна краше другой. И ни одна из них Алексею Андреевичу, насколько мне это известно, не досталась, потому как всегда на глазах, если что – может и запороть и на мороз ночью выгнать. И такое случалось. Была у них Надька... – Дарья махнула рукой. – Что тут скажешь, была, да и нету.

Я как-то с девками чай пила, так они мне и рассказали, де сместить хотят Минкину-то. Дать графу приворотное зелье, чтоб любви ему хотелось, а там уж на какую бог пошлет. Они даже заранее побожились, что с любым его выбором согласятся и, кому бы ни подфартило, обиды держать не станут. Та же, кто делается графской любовницей, к остальным останется милостивой. Сечь, в эдикюль без вины сажать не станет. К тому времени дружба наша с Настькой Минкиной уже закончилась, уж больно она заноситься передо мной стала. В общем, решила я девкам подсобить. А почему нет? Я ведь зла ей не желала. Думала, вот разлюбит ее Алексей Андреевич, и что? Его сиятельство – человек справедливый, добро помнит. Подарит деревеньку человек на сто, домик ей там на свои средства выстроит, чтобы жила и не тужила. И ей хорошо, и ему с молодой да доброй девкой не скучно. Если бы все срослось, может быть, у них сейчас и детки бы завелись...

– Я так думаю, что Татьяну Аникееву мы уже можем отпустить. К Дарье же Константиновой у суда еще будут вопросы. – Псковитинов посмотрел на нарисованный Корытниковым портрет свидетельницы. На этот раз Петр Петрович следил не столько за внешним сходством, сколько за выражением лица Дарьи.

Адъютант вывел явно желающую дослушать интересную историю до конца девушку из зала. Псковитинов отметил про себя, что его помощники выполняют приказания по очереди. Это было забавно. В ответ на просьбу суда сбегать куда-либо откликается тот, кто сидит на ближнем к судейскому столу стуле, когда же он встает, на пустое место тут же продвигается следующий. Игру мальчишки устроили из суда. Впрочем, кому это могло помешать?

– Присаживайтесь. – Он кивнул Шишкину, и тот поставил на середину комнаты стул, куда тотчас присела дородная Константинова.

– В своих показаниях Прасковья и Василий Антоновы обвиняют вас в том, что вы обещали им пятьсот рублей за убийство Анастасии Федоровны Шумской.

Хорошо, что он предложил ей стул, Константинова выглядела так, словно вот-вот рухнет в обморок.

– Кааакие пятьсот рублей!? Они просили у меня дать им в долг пятьсот рублей! А я им сказала, что у меня столько нет-с. А откуда, когда муж все деньги у себя держит, мне на всякую ерунду просить приходится. А тут пятьсот! Да еще когда вернут? Тогда Параша сказала, у мужа, мол, укради, хотя бы двести. Очень, мол, нужно. Спрашивается, зачем? Скажете, дом купить? Так они в особняке у Настасьи Федоровны на всем готовом живут. Да и не слышала я, чтобы у их семьи крыша там обвалилась или пожар какой приключился.

– Нет, никакого пожара у Антоновых не было! – побожился Шишкин.

– Еще один раз без разрешения вскочишь – удалю из зала и в эдикюль на месяц посажу! – пообещал Корытников, начиная новый портрет Константиновой. И деревенский голова юркнул на свое место, забившись в уголке.

– А для чего они просили у вас подобную сумму? – не отставал Псковитинов.

– Бежать хотели. Я потому и не дала, что, убежавши, они бы в жизни ни копейки не вернули. Коли я в том виновата, барин, что отказала Антоновым дать им хотя бы двести рублей, то эту вину я полностью и чистосердечно подтверждаю.

Задав Константиновой еще несколько вопросов, Псковитинов распорядился отправить ее в темницу. И допросил еще несколько человек. Помощник казначея Петр Ухватов поведал, что три года назад кондитер Николай Николаев обсуждал с поваром Тимофеем Лупаловым, как можно наилучшим образом отравить домоправительницу, используя для этого крысиный яд типа мышьяка. Когда же вызвали Николаева, тот показал на дворецкого Ивана Малыша, назвав его ни много ни мало главарем заговора против Шумской. По версии кондитера, Малыш собирался нанять молодцев с большой дороги, которые подкараулили бы Настасью Федоровну, когда бы та поехала в гости к одной из своих приятельниц, или, на худой конец, вломилась бы в дом. В общем, каждый из сидящих в эдикюле дал показание на кого-то еще, так что в результате практически к каждому можно было придраться.

В конце второго на дню заседания, то есть уже ближе к ночи, Псковитинов нашел возможным освободить из-под стражи лишь десятилетнюю Нюрочку, девочку арестовали вместе со всеми остальными, но она явно была ни при чем, и Ивана Малыша, потому как желать другому человеку зла, может быть, и грех, но это деяние уголовно ненаказуемо. Зато к арестованным добавился готовящийся побег Илья Протопопов. Вызванный конвой явился к ужину, так что, весьма довольный подобным исходом, Корытников составил все полагающиеся сопроводительные документы на арестантов, и с утренней зорькой те были отправлены пешим ходом в Новгород.

Глава 12. Догадка

*Девиз твой говорит,
Что предан ты без лести.
Поверю. – Но чему? —
Коварству, Злобе, Мести.*

Неизвестный автор. Конец 1810-х – начало 1820-х⁶⁸

«Суды она, видишь ли, проводила. В правосудие играла». – Всю дорогу до Новгорода Псковитинов не мог поверить, что так легко отделался. Все виделось ему, как нагоняют его экипаж аракчеевские молодчики, как возвращают его обратно в Грузино, дабы кинуть в холодный, мрачный эдикюль с рогатиной на шее. И ведь было за что, он, можно сказать, воспользовался травмой Алексея Андреевича и не только сам уехал, распустив выездной суд, но и всех арестованных крестьян в Новгород отправил. И не просто так, а под полицейским конвоем. Так что, даже если бы Аракчеев и пожелал отбить своих людей, дабы расправиться с ними по собственному усмотрению, конвою пришлось бы защищать подследственных силой оружия. Да и не посмел бы царев любимец нападать на полицейский конвой при исполнении судебного постановления. А значит, виноват Псковитинов и должен за вину свою ответ держать.

Получив власть над людьми, кузнецова дочка, крепостная девка Настасья, не просто упивалась своим новым положением, она блаженствовала, пробуя данную ей власть так и эдак, проверяя границы дозволенного. Может, скажем, господин надавать своей горничной по роже? Отчего же не может? Запросто. А приказать, чтобы ту высекли кнутом? Только намекни. А в темницу на хлеб и воду? С нашим удовольствием. Для некультурного и не уважающего себя человека такое дело, как обидеть нижестоящего, – радость да и только.

Из рассказов обывателей Настасья Федоровна могла разобрать дело своего крестьянина и назначить тому подходящее, по ее разумению, наказание: принудительные работы, телесные наказания, тюремное заключение. При этом срок заточения не оговаривался, так же как и количество ударов. Что называется, от души! Человек отправлялся в карцер, а аракчеевский эдикюль был сделан на манер самого настоящего тюремного карцера, сидел там день, два, неделю. Потом барыне становилось скучно, горемыку вытаскивали, приводили пред светлые очи Минкиной, пороли кнутом или смоченными в рассоле розгами, после чего опять запирали в том же угрюмом месте. Как уже говорилось, при порке ни Минкина, ни Аракчеев не назначали положенного количества ударов, так что экзекуторы трудились до тех пор, пока производивший досмотр за поркой не разрешал остановиться. Умер после такого обращения человек – туда ему и дорога. Именно поэтому управляющий Синицин и покончил с собой, может, знал, что не выдержит, может, предполагал, что наказание специально не будет остановлено вовремя.

Отправив крестьян с конвоем, Псковитинов и Корытников навестили место, откуда Синицын сиганул в воду. Постояли на бережку, несмотря на жару купаться не тянуло.

«Кто такая эта самая Минкина, – думал Александр Иванович, возвращаясь домой в своем экипаже. – Может, правы бабы, и она действительно обворожила Алексея Андреевича, присушила его к себе цыганской магией, чтобы не знал он, кроме нее, других женщин, чтобы не смотрел ни на кого больше. Как же нужно любить, чтобы терпеть подле себя эдакое чудовище. В суд она, видите ли, играла, кому жить, кому помереть решала. Или Алексей Андреевич с

⁶⁸ Печатается по: РС. 1874, № 1. С. 200 (с указанием: «Из рукописного сборника начала XIX в.).

Настасьей два сапога пара?» Внезапно он вспомнил о томящихся на гауптвахте людях и велел Ермолаю свернуть в сторону поселения аракчеевского полка.

Ключ от гауптвахты, как говорил фон Фрикен, находился в кармане Алексея Андреевича, а тот, получив сильные травмы, вряд ли выберется из постели раньше чем через три-четыре дня. Поэтому, добравшись до указанного полковником места, Псковитинов вызвал к себе местное начальство и, показав свои документы, приказал сбить замки и выпустить людей. К сожалению, приказ ему пришлось записать на бумагу, соблюдая все положенные в таких случаях инструкции. Все это должно было впоследствии взбесить Аракчеева, но Псковитинов не видел другого выхода.

В то же время, переправившись через Волхов на пароме, Петр Петрович Корытников ехал в своей коляске, управляемой кучером Яковым. Добравшись до местечка Бабино, в котором, по словам дворецкого Агафона, Аракчеев держал своих экзекуторов, Петр Петрович отправился к дежурному по роте, дабы попросить у того разрешение на осмотр пыточного инвентаря, коли таковой имеется.

Данное военное поселение, как, должно быть, и все остальные, коими руководил его сиятельство, было построено по типовому, принятому на высочайшем уровне, проекту. Шестидесят выстроенных в одну линию домов радовали глаз своей опрятностью и неестественной одинаковостью. Около каждого дома были возведены амбар, хлев для скота, сараи для сельскохозяйственных орудий. А также дровяные сараи для долгого хранения и устроенные под навесом аккуратные поленницы, последние располагались ближе всего к дому, чтобы далеко не бегать. Между собой дворы разделялись прочной изгородью и содержались в чрезвычайной чистоте. Из газет Корытников знал, что типовое поселение рассчитано на 228 человек мужского пола, женщины и дети не считались. В домах военные размещались согласно чинам – низшие чины получали один дом на четыре хозяина, таким образом, что два хозяина, живущие на своей половине дома, имели один общий вход и, по сути, были принуждены вести совместное хозяйство. Об этом совместном хозяйстве, как только ни зубоскалили светские блазни. Мол, в военных поселениях и хозяйства и хозяйки общие.

Центром каждого такого поселения была площадь с необходимым набором типовых зданий, таких как: часовня, караульня, школа для кантонистов, пожарная команда. По соседству располагались мастерские, цейхгаузы, ротные лавки, а также квартира командира поселенной роты и квартиры командного состава. Для полкового штаба в округе каждого полка были выстроены каменные здания; там же располагались церковь, госпиталь и гауптвахта.

Все фасады домов в поселениях были развернуты на переднюю улицу, где был устроен бульвар, по которому разрешалось только пешеходное движение, а ездить дозволялось одним лишь начальникам. Сами поселяне, если им приходило в голову прокатиться на коне, телеге или коляске, последнее, понятное дело, редкость, должны были использовать для этого дела заднюю улицу.

Молва утверждала, что такая планировка позволяла, раз изучив одно военное поселение, затем с закрытыми глазами гулять по любому другому. Впрочем, в некоторых поселениях использовали готовые дома крестьян, последние были принуждены переселяться на другие места, в этом случае возводились только те здания, в которых обнаруживалась нехватка. Не было почты – строили почту, не хватало дома для начальника и его семьи, поселяне возводили его. Впрочем, поселения, построенные не по типовому проекту, были редкостью, по крайней мере, в Новгородской области все военные поселения создавались по образцу села Грузино, в котором Корытников уже был и мог худо-бедно ориентироваться.

Военные поселения возводились силами военно-рабочих батальонов, сформированных из мастеровых инженерных и артиллерийских команд, а также рабочих арсеналов. Летом трудящиеся над возведением построек батальоны размещались в землянках. Сам Аракчеев набирал людей для работ в каменоломнях, на кирпичных, гончарных, лесопильных заводах, а также

в мебельные мастерские. Самые тяжелые работы исполнялись каторжниками и штрафниками, они копали котлованы, работали на каменоломнях и кирпичных заводах, нередко нижние чины строили себе дома сами. Так что те не только выглядели, а и на самом деле были крепкими и добротными. Себе разве станешь плохо делать?

Несомненно, все заводы и мастерские, построенные исключительно для нужд поселенцев, требовали бесперебойной доставки материала, вывоза мусора и готовых изделий. Отправляя Аракчеев все эти грузы по дорогам, те были бы забиты до такой степени, что по ним было бы не проехать ни развозящим почту почтальонам, ни курьерам с донесениями и приказами от начальства, ни разъезжающим по своим надобностям обывателям. Поэтому великий граф сформировал целую флотилию, занимавшуюся исключительно доставкой всевозможных грузов. Специальные фурштатские роты так же исполняли функцию обозов.

В самих же военных поселениях был установлен следующий нерушимый порядок. Вышние чины, они же хозяева поселений, получали земельные наделы, на которых нижние чины жили на правах арендаторов и постояльцев. Каждый из хозяев безвозмездно получал от казны по две лошади лучшего качества, чем у подчиненных. На своих лошадях жители поселений, согласно установленной очереди, отбывали почтовую повинность.

Аракчеевские экзекуторы, о которых говорил старый дворецкий, обнаружили в комендантской роте села Бабино. Там же в помещении гауптвахты хранились готовые к использованию батоги 70, 80 сантиметров в длину и шириной в два пальца. Впрочем, это были стандартные батоги, применение которых не только не возбуждалось, а даже предписывалось специальной инструкцией, но отыскались и другие, специально заготовленные для нужд Алексея Андреевича. Эти дубины были толще и смотрелись настолько устрашающе, что привыкшего ко всяким видам Корытникова заметно передернуло. Пересмотрев все имеющееся пыточное оборудование, Петр Петрович отправился на поиски бывшей кормилицы – Лукьяновой. По словам дежурного по роте, означенная баба действительно проживала здесь, находясь в должности прачки. Впрочем, прачка прачке рознь. Особое положение бывшей крепостной Лукьяновой, мужней жены, православного вероисповедания, было всем известно, хотя причину такого отношения к ней знал далеко не каждый.

Предполагая, что, забрав ребенка у солдатки Лукьяновой, Настасья Федоровна только на первых порах приставила ее кормилицей к родному ребенку, а потом безжалостно изгнала прочь, Корытников рассчитывал, что та обижена на бывшую хозяйку и не откажется дать против оной показания. Но на поверку все оказалось иначе. К комендантской роте был приписан незаконный сын Алексея Андреевича, здесь он был, с одной стороны, на глазах у Аракчеева, с другой, окружен нежной заботой родной матери. Странное дело, но хотя бы в этом случае Минкина поступила порядочно, не изгнала сделавшуюся бесполезной для нее женщину, а отправила ее к месту службы сына.

Указав дорогу к домику прачки, дежурный по роте предложил Корытникову после запланированного визита непременно посетить местный кабак, в котором комендант как раз сегодня праздновал рождение дочери. На праздник были созваны не только офицеры из соседних военных поселений, столы были поставлены на улицах вокруг трактира, с тем чтобы простые люди тоже могли выпить за здоровье новорожденной. Не любивший шумных компаний, Корытников вежливо отказывался, ссылаясь на срочные дела и необходимость хотя бы на полдня заехать в Ям-Чудово, к давно ожидающемуся его отцу. Зачем сказал? О том он и сам не понял, просто хотелось как можно скорее уйти, не обижая хорошего человека.

Лукьянова хоть и встретила сыщика на пороге пятого от штаба домика, часто кланяясь и изображая на лице всяческое удовольствие его визитом, Петр Петрович быстро смекнул, что от этой хитрой тетки он не выведает ровным счетом ничего.

Лукьянова жила с мужем – одноногим инвалидом. Жила небогато, но, что называется, и не бедствовала. По всей видимости, денег, которые заплатила за ребенка Минкина, ей хватило

надолго. А может, не Минкина, а сам Аракчеев на свой счет переселил семью кормилицы, дабы та была поближе к ненаглядному Мишеньке. Знал он или нет о том, что воспитывает чужого ребенка, но ведь воспитал, выучил, вывел в люди. А если сынуля предпочитал военной или гражданской карьере общество бутылок и шлюх, так такие повороты судьбы в современном обществе – отнюдь не редкость.

Лукьянова оказалась высока и сутула, серые умные глаза смотрели напряженно, в светлых, гладко зачесанных волосах поблескивал еле заметный иней седины, впрочем, когда люди с такими белыми волосами начинают седеть, обычно это почти незаметно.

– Барский сынок? Михаил Андреевич, – расплылась в улыбке Аглая Лукьянова, – так уехал на похороны в Грузино. Анастасия-то Федоровна, какое горе... – Она покачала головой. – А ты что же, отец родной, никак с ними разминулся?

– Должно быть, разминулся, – соврал Кoryтников.

– Боюсь, скоро не вернется, такие дела. Как же быть? – Она поцокала языком. Может, в гостиницу вас проводить, дождетесь. А нет, так возвращайтесь в Грузино, он и сейчас должен быть там. Такие дела скоро не делаются.

– А вы, стало быть, сама из Грузино? Раз в кормилицах были у Михаила Андреевича?

– Так оно и есть. Из Грузино я. Тамошня, – закланялась тетка.

– И что же, у Михаила Андреевича есть молочный брат или сестра?

– Нет, барин. Когда мужа в солдаты забрали, я тяжелая была. А потом... – Она вытерла фартуком несуществующую слезу. – Ребенок-то мой помер, а в тот же день у Анастасии Федоровны Мишенька родился. Ну, она меня в кормилицы и позвала. А я что? Молока полно. Сыночка своего схоронила и в барский дом переехала. Так и жила там, пока Михаил Андреевич подрастал.

– А сыночка своего, стало быть, в Грузино схоронила. На кладбище?

– На кладбище, – насторожилась Лукьянова. – Батюшка его успел окрестить, потому на кладбище и подхоронила. Анастасия Федоровна разрешение дала. Вот я и подхоронила. К деду моему в могилку подложила. А тебе зачем? – Она окинула следователя внимательным взглядом. – Ой, что-то лицо мне твое больно знакомо, барин. Уж не Петра ли Агафоновича Кoryтникова ты сын? Приезжал такой лет пятнадцать назад, все искал что-то, вынюхивал. Про Анастасию Федоровну расспрашивал. Какая-то барыня, тетка графа Аракчеева, что ли, подавала жалобу, что, мол, у Анастасии Федоровны не было ребенка. Да только как не было, когда я сама его выкармливала?!

– Петр Агафонович действительно мой отец, вы правильно углядели семейное сходство. Однако ну и память у вас! – попытался польстить Лукьяновой Кoryтников, но баба продолжала сверлить его недобрый взглядом. – Он действительно был обязан разбирать означенную жалобу, да только нынче то дело закрыто. Никто уже больше не обвиняет Шумскую, и обвинительница-то умерла и обвиняемая... – Он махнул рукой. – Я же расследую смерть самой Анастасии Федоровны, для чего мне необходимо повидать ее сына и наследника.

Кoryтников задумался, надо было еще в Грузино, в интересах следствия, поближе сойтись с этим неприятным Шумским. Это ж надо – в церкви пить коньяк! Гнида! Нет, определенно, следовало позабыть все предубеждения против него, в конце концов, Машеньки рядом не было. И хотя бы поговорить с негодяем. Попытаться понять, что он за человек, чем дышит, живет? С кем дружит? Может, у него идеи?..

Правильно заметил Псковитинов, Минкину стали обвинять в похищении крестьянских детей сразу же после появления на свет этого самого Миши. С одной стороны, это может быть совпадением, но с другой, если предположить, что Минкина действительно отбирала детей у своих крестьян... Забрала же она сына у Дарьи Константиновой. Забрать забрала, да только и не подумала выдавать за своего собственного, а просто сдала в сиротский приют. Наказала Константинову за какой-то проступок. Надо будет выяснить, за какой. Куда же делись другие

дети? Наверняка тоже были сданы в приюты или переданы на воспитание в бездетные семьи. С какой целью? Минкину обвиняли в черной магии, в том, что она убивает детей, но при этом никто из обвинителей не назвал места проведения страшного ритуала, не обнаружил мертвых тел. А ведь так не бывает...

Но если на секунду предположить, что слухи о подложном младенце – ложь и Минкина сама родила Мишеньку, то... Лукьянова сказала, что похоронила сына на кладбище села Грузино.

До сих пор он читал об этом деле из материалов, собранных отцом. Двадцать лет назад в Судебную палату Новгорода действительно поступило заявление от родственницы Аракчеева, в котором пожилая дама обвиняла сожительницу Алексея Андреевича, Минкину, в том, будто та имитировала беременность и потом предъявила племяннику якобы рожденного от него сына.

Поверив в то, что он стал отцом, счастливый Аракчеев тотчас нашел возможность сделать из безродной девки родовитую дворянку, и... Купила она ребенка или выменяла, известно одно: он никуда не пропал, а те, другие?

И тут до Корытникова дошло, других детей не нашли, потому что никто их особенно не искал. Крестьянки не жаловались на свою госпожу, заявления же поступали от соседей, которые, не приводя никаких фактов, передавали их как слухи. Впрочем, какие еще заявления? Как рассказывал отец: ну поругалась Минкина с помещицей Сахаровой, та подала на нее жалобу и в ряду прочих претензий сообщила, де злобная фурия еще и крадет детей у крестьян. Ездил ли отец по крестьянским домам и расспрашивал, у кого пропали дети? Разумеется, нет. Кто же всерьез станет обвинять саму Анастасию Шумскую в краже младенцев?! Это же ни в какие врата не лезет! А если отбросить всю эту черную магию и признать, что Минкина действительно отбирала детей, вот как у Константиновой отобрала, так и у остальных забирала. И задуматься, а на что ей эти дети, если она их все одно в другие руки передает?

Отгадка крутилась возле носа назойливой мухой, но Корытников никак не мог ее словить. И вдруг эврика! В том-то и дело, что «кто же всерьез станет обвинять саму Анастасию Шумскую»?! Кто будет искать невесть чьих детей? Слухи ходят по губернии, так что с ними сделаешь, со слухами-то? Другое дело, если вдруг кто-то поинтересуется, покупала ли аракевская домоправительница ребенка у солдатки Лукьяновой, всегда можно отговориться, мол, о ней, об Анастасии Федоровне, чего только ни врут. И у Лукьяновой она мальчишку купила, и у других, что ни год крадет да и на алтарь в черный лес несет. По небу ночному летит на метле, и убиенные младенцы вокруг нее, как звездочки вокруг владычицы-луны.

Что? Говорите, не может быть? А раз других не может быть, то и у Лукьяновой никакого ребенка она не покупала. На что ей? Молода, здорова, такая не одного – десяток должна родить, и ничего ей от этого не будет. Но, если предположить, что Минкина забрала себе только ребенка Лукьяновой, получается, что все остальные дети были нужны ей как своеобразная ширма. Ну, чешут мужичье необразованное языками, так это от зависти.

– Ты задумался о чем-то, барин? Может, до гостиницы проводить? Тут недалече.

– До гостиницы не нужно. Кто его знает, сколько Михаила Андреевича ждать. Попробую в Грузино вернуться. Кого бы спросить, не нужно ли господину Шумскому что-либо передать? Почтовый-то день был? Может, письма или еще что? Все равно еду, так...

– А это я быстренько разузнаю. Я ведаю, кого тут спросить. Сейчас и сбегаю, – засуетилась Лукьянова. – Мне Алексей Андреевич так и сказал, присматривай за Михаилом Андреевичем, за ним догляд нужен. А вы, барин, в горнице посидите, чай, устали. Парфен, иди сюда. Вот приезжий в Грузино собирается, спрашивает, не нужно ли чего Михаилу Андреевичу передать? Так я сбегаю до дежурного по роте, узнаю. А ты пока здесь. – Корытников отметил, что Лукьянова то и дело переходит с «ты» на «вы».

В дверях воздвигся невероятно широкий в плечах одноногий мужик на стареньких костылях. Такой огромный, что Корытникову подумалось, каким чудом здоровяк сумел протиснуться в дверь? Широкое скуластое лицо с косматой бородой казалось смутно знакомым. Зеленые под кустистыми бровями глаза смотрели с лукавством. Некогда каштановые волосы теперь были словно припорошены непрошеной сединой.

У Петра Петровича захватило дух, перед ним стоял внезапно постаревший Михаил Шумский. Сходство было потрясающим!

Глава 13. Дарья

Думается, что в тяжелые годы войны с Наполеоном он был действительно тем неотлучным лицом, на работу которого монарх мог положиться при самых сложных и разносторонних занятиях и обязанностях. Был выбор Государя удачен или нет, – другой вопрос: по нам кажется, что за эпоху войн вряд ли Александр Павлович нашел бы другого человека для такой сложной и кропотливой работы, который все исполнял бы быстро и точно.

Великий князь Николай Михайлович⁶⁹

Через три дня все арестованные крестьяне были доставлены в Новгород, и Псковитинов приступил к допросам. Немного смущало отсутствие Корытникова, но да тот вполне мог заехать к отцу в Ям-Чудово, помимо родственных дел старый следователь, по словам сына, обладал материалами относительно личности Михаила Шумского. Не уточнив планов Петра Петровича, теперь Псковитинов мог только удивляться сам себе, выдумывая то один, то другой предлог, из-за которого Корытников до сих пор не добрался до Новгорода. Понятия не имея, поедет ли приятель к отцу или завернет в свое имение, где оставил дочь и где после увольнения планировал жить, Псковитинов написал письмо старому следователю – Петру Агафоновичу Корытникову, прося того прислать все документы по делам, связанным с Минкиной, Шумским или Грузино, копии которых он имел на руках.

Первой на допрос была вызвана Дарья Константинова. На заседание суда ее доставили за полчаса до начала, и теперь арестованная дождалась в специальном помещении. Вместе с ней на суд прибыл смотритель новгородского острога Михаил Камаринов⁷⁰, который по мере возможности старался сопровождать узников на допросы, желая вникать во все судебные перипетии, дабы быть в курсе происходящего.

В виду того, что дело об убийстве Шумской с самого начала находилось на личном контроле губернатора, на всех допросах должна была присутствовать целая следственная комиссия. Псковитинов жал руки знакомым заседателям, знакомился с новыми, только что приглашенными. Заметив среди прочих друга детства – Ивана Петровича Мусина-Пушкина⁷¹, Псковитинов бросился к нему навстречу, друзья расцеловались.

– Ты вот что, после допроса, может, заедем к купцу Алексееву? Посидим, как в старые добрые времена? Вспомним друзей-товарищей, – предложил Мусин-Пушкин.

– Обязательно, но не сегодня. Впрочем, если я правильно все понял, это поганое дело нипочем и в неделю не уложится. – Он поклонился спешащему на свое место секретарю новгородского земского суда Линькову. Обремененный большим семейством, Александр Валентинович всегда и везде опаздывал, впрочем, на это заседание он умудрился явиться в срок.

– Не уложимся? – озадаченно кивнул Иван Петрович, машинально отвечая на приветствия вновь прибывших и пожимая протянутые ему руки. – А говорят, что убийца уже извещен, что покаялся?

– Покаялся, собственно, сам исполнитель, теперь же необходимо определить степень виновности остальных арестованных. Но боюсь, не самое это простое дело, Иван Петрович. Сейчас начнем народ вызывать, так, рубь за сто, они нам еще подозреваемых накидают, при-

⁶⁹ Великий князь Николай Михайлович (1859 г., Царское Село, близ Санкт-Петербурга – 1919 г., Петроград) – русский генерал от инфантерии, историк. Старший сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, внук Николая I.

⁷⁰ Татаринов Михаил, смотритель новгородского острога, коллежский секретарь. Проходил по делу об убийстве А. Шумской.

⁷¹ Мусин-Пушкин Иван Петрович (1783–1839) – полковник лейб-гвардии Измайловского полка, участник войны 1812 г.

чем из тех, кто в Грузино остался, пока запрос вышлем, пока дождемся, так что до первого снега всех не опросим.

Понимая, что все уже в сборе и ждут только его одного, Иван Петрович торопливо занял свое место, и Псковитинов велел секретарю отрапортовать о явке состава судейской комиссии, после чего попросил конвой привести ожидающую допроса Дарью Константинову. Толстая, с красным от жары лицом, с трепещущим в руках потрепанным веером, Дарья Константинова вошла в зал.

– Представьтесь, – не глядя на арестованную, попросил Псковитинов.

– Дарья Константинова. Крестьянского сословья, православного вероисповедания, замужем, родилась и проживаю в селе Грузино, – привычно затараторила женщина, утирая платком лицо.

– Суду известно, что около года назад Анастасия Федоровна Шумская отобрала у вас с мужем ребенка мужского пола, – начал он, так что не ожидающая подобного вопроса Дарья охнула и чуть было не хлопнулась тут же на пол, в последний момент сумев задержать падение, схватившись за конторку, у которой она должна была отвечать на вопросы суда.

– Было, батюшка. За мои провинности пострадала, и сына своего с того самого дня не видела, как ни просила, – завывала Дарья.

– Отчего же не откупились, чай, у мужа-то денежки водятся? – прищурился Псковитинов. Секретарь суда едва поспевал за ним. Судейские переглядывались, прикидывая, куда клонит Александр Иванович.

– Да уж никаких денег не пожалели бы, но она уперлась как... Простите меня, господа хорошие. Я уж в ногах у нее валялась, просила, умоляла...

– Угрожала?

По суду пролетел шепоток.

– Сорвалась в сердцах, было дело. – Злыдней ее назвала, змеей подкольной. За то она меня на месяц в Санкт-Петербург сослала, в простые прачки определила, а сыночка-то моего, должно быть, тем временем чужим людям отдала. Живет теперь при живых родителях горьким сиротинушкой...

– В прачки? – улыбнулся Псковитинов. – Могу себе представить, как ты белы ручки трудилась. Небось наняла вместо себя какую-нибудь горемыку, а она целый месяц за тебя горбатилась и твоим же именем на перекличке отзывалась. Проверить можно.

– А проверяй, батюшка. Твое право. Кого хочешь спроси, кто месяц, не разогнувшись, трудилась. Чай, Настасья Федоровна тоже кое в чем соображала, поняла, что я откупиться пожелаю, и настрого это запретила, даже человека поставила, чтобы надо мной надзирал.

– Так и человека подкупить – небольшой труд, – не отставал Псковитинов.

– Христом Богом клянусь, сама отработала. А надсмотрщик так надо мною и стоял, потому как тоже провинился, и ежели бы он мне поблажку самую малюсенькую дал, опосля его бы самого на кирпичный завод сослали весь срок отбывать. Потому как его сиятельство распорядился, всех, кто в имении или в военных поселениях прощтрафится – на завод. А ведь это похуже, чем порка, потому как человек месяц или того больше от семьи оторван и помощь никакую родным своим оказать не может. Денег же там вовсе не платят, а жене с малыми детьми побираться, что ли? Вот он и доглядывал.

– А кто тогда приют, где твой малец содержится, деньгами снабжает? Думаешь, не знаем?

– А сиротские приюты благодетельствовать – наша святая обязанность, – парировала Константинова.

– Но ты говорила, что ребенка своего не видела и где он не ведаешь?

– Про то соврала, прости, батюшка. Узнали мы, где сыночка-то наш оставлен, да только взять его в дом не можем, потому как виданное ли дело – спрятать ребенка на селе?! Ты в Грузино сам был, чай, видел, банк стоит, а сразу за ним и наш дом. Как же это нужно мальчика

спрятать, чтобы об том никто не проведал? Вот мы и кормим теперь весь приют, чтобы нашему сыночку там хлебушка хватало, и на милость господскую уповаем. Вдруг, его сиятельство смилостивится и разрешит дитя невинное в дом возвернуть? Да только не вернет он, и она бы не вернула. – Глаза Константиновой метали молнии, Дарья прикусила губу, так что из нее пошла кровь. – Может, вы, господа хорошие, помогли бы мне ребеночка своего домой забрать? Ведь при живых-то родителях в сиротах мучается!

– К господину своему обратись, повинись, коли виновата, он и вернет тебе ребенка, – не ожидая такого развития событий, встрял в разговор Мусин-Пушкин.

– Да не вернет он, потому как шибко зол на меня. Я ведь уже просила его милость, умоляла. Пыталась ему глаза на госпожу Шумскую открыть, да куда там. – Она махнула рукой.

– Что же такого ты рассказала его сиятельству? Эти сведения, господа, необходимы для составления, как бы это сказать, портрета убиенной, – пояснил Псковитинов членам суда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.